



Г. Р. ДЕРЖАВИН
И ЕГО ВРЕМЯ



Всероссийский музей А. С. Пушкина

Музей Г. Р. Державина и русской словесности его времени

Г. Р. Державин и его время

Сборник научных статей

Выпуск 9

Санкт-Петербург

ВИРД

2014

ББК 83.3 (2Рос=Рус)

Д36

Редакционная коллегия:
С. М. Некрасов, Р. В. Иезуитова, Н. П. Морозова
(ответственный редактор)

Рецензент:
Е. В. Семенова

Д36 Державин и его время: сборник научных статей. Вып. 9 / под. ред.
Н. П. Морозовой. СПб.: Всероссийский музей А. С. Пушкина, 2014. — 160 с.

ISBN 978-5-94030-085-4

Основу очередного, девятого, выпуска сборника составили статьи, созданные на основе докладов, прозвучавших в Музее Г. Р. Державина и русской словесности его времени на юбилейной конференции, посвященной 270-летию со дня рождения Г. Р. Державина. Статьи посвящены как творчеству, так и государственной деятельности поэта. Многие из них основаны на архивных материалах, впервые вводимых в научный оборот.

ББК 83.3 (2Рос=Рус)

ISBN 978-5-94030-085-4

© Коллектив авторов, 2014
© Всероссийский музей
А. С. Пушкина, 2014

Содержание

I

<i>С. М. Некрасов (С.-Петербург)</i> . Предисловие	4
<i>Д. В. Ларкович (Сургут)</i> . Державин и Вольтер	7
<i>С. А. Салова (Уфа)</i> . Об одной зоологической эмблеме в иллюстрациях к «Анакреонтическим песням» Г. Р. Державина	16
<i>Е. В. Морозова (С.-Петербург)</i> . Образ арфы в лирике Г. Р. Державина	24
<i>С. В. Галян (Сургут)</i> . Проблема диалога поэта и власти в творческом осмыслении Г. Р. Державина и Ф. И. Тютчева	30
<i>Н. С. Крылов (С.-Петербург)</i> . Министерская служба Г. Р. Державина (по материалам Российского государственного исторического архива)	44
<i>И. В. Кощиченко (С.-Петербург)</i> . Граф Хвостов и его эпитафии	70
<i>С. Д. Дзюбанов (С.-Петербург)</i> . Об авторах карты «Река времен»	82

II

<i>Н. П. Морозова (С.-Петербург)</i> . Портрет неизвестного в сенаторском мундире	100
<i>С. Д. Дзюбанов (С.-Петербург)</i> . Письма А. А. Писарева Г. Р. Державину	104
<i>Н. П. Морозова (С.-Петербург)</i> . 1813-й год в жизни Г. Р. Державина	110
Мероприятия, посвященные 270-летию со дня рождения Г. Р. Державина ...	145

III

«Мораль сей басни такова...» (произведения победителей литературного конкурса)	149
Указатель имен	153
Указатель произведений	158

Предисловие



Основу очередного, девятого, выпуска сборника «Г. Р. Державин и его время» составили статьи, созданные на основе докладов, прозвучавших в Музее Г. Р. Державина и русской словесности его времени на юбилейной конференции, посвященной 270-летию со дня рождения Г. Р. Державина. Статьи посвящены как творчеству, так и государственной деятельности поэта. Многие из них основаны на архивных материалах, впервые вводимых в научный оборот.

Сборник выходит в свет в преддверии Года Литературы, объявленного в соответствии с Указом Президента России В.В. Путина. В этот год мы будем отмечать двухсотлетие события, навсегда вошедшего в историю русской литературы: 8 января 1815 года на переводном экзамене в Царскосельском Лицее патриарх русской поэзии Гаврила Романович Державин провозгласил юного лицеиста Александра Пушкина надеждой нашей словесности и поэтом, «который уже в Лицее перещеголял всех писателей». Слова эти он произнес в кабинете своего дома на Фонтанке, где его навестил начинающий писатель С. Т. Аксаков, сохранивший для нас это ценное свидетельство.

Встреча двух великих поэтов России имела поистине символический характер: она наглядно демонстрировала завершение важнейшего этапа российской словесности XVIII века и наступление нового, Золотого века русской литературы с ее «всемирной отзывчивостью», основоположником которой станет А. С. Пушкин.

В последние годы жизни Державин пристально вглядывался в молодых поэтов, пытаясь угадать своего преемника. В какой-то момент ему показалось, что им может стать В. А. Жуковский. В бумагах державинского архива было даже найдено его четверостишие:

Предисловие

Тебе в наследие, Жуковской,
Я ветху лиру отдаю.
А я, над бездной гроба скользкой,
Уж, преклоня чело, стою.

Но все изменилось в январский день 1815 года, когда на экзамене поэт услышал юного лицеиста. Спустя годы Пушкин так вспоминал об этом событии: «Державина видел я только однажды в жизни, но никогда того не забуду. Это было в 1815 году, на публичном экзамене в Лицее. Как узнали мы, что Державин будет к нам, все мы взволновались. Дельвиг вышел на лестницу, чтоб дожидаться его и поцеловать ему руку, руку, написавшую „Водопад“. Державин приехал. Он вошел в сени, и Дельвиг услышал, как он спросил у швейцара: „Где, братец, здесь нужник?“ Этот прозаический вопрос разочаровал Дельвига, который отменил свое намерение и возвратился в залу. Дельвиг это рассказывал мне с удивительным простодушием и веселостию. Державин был очень стар. Он был в мундире и в плисовых сапогах. Экзамен наш очень его утомил. Он сидел, подперши голову рукою. Лицо его было бессмысленно, глаза мутны, губы отвислы; портрет его (где представлен он в колпаке и халате) очень похож. Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен в русской словесности. Тут он оживился, глаза заблестали; он преобразился весь. Разумеется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Он слушал с живостию необыкновенной. Наконец вызвали меня. Я прочел мои „Воспоминания в Царском Селе“, стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояния души моей: когда дошел я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилося с упоительным восторгом. <...> Не помню, как я кончил свое чтение, не помню, когда убежал. Державин был в восхищении; он меня требовал, хотел обнять... Меня искали, но не нашли...».

По просьбе Державина Пушкин передал ему автограф своего стихотворения «Воспоминания в Царском Селе», копия которого сегодня представлена на письменном столе в державинском кабинете. А в знаменитом зале «Беседы любителей русского слова» вот уже многие годы встречаются исследователи русской литературы, участники ежегодной научной конференции «Державинские чтения». В 2015 году чтения проходят под знаком 200-летия памятного экзамена в Царскосельском Лицее. К этому событию Всероссийский музей А. С. Пушкина подгото-

вился весьма основательно. Программой предусмотрено не только проведение традиционной научной конференции, но и открытие Медиацентра музея в Западном корпусе особняка Державина, проезд державинским маршрутом из его городской усадьбы на Фонтанке в Царское Село, открытие в вестибюле Царскосельского Лицея бюста императора Александра I, проведение Круглого стола, посвященного знаменитому лицейскому экзамену, демонстрация фильмов, созданных музеем по этому случаю, и многое другое.

Памятные мероприятия, посвященные 200-летию встречи Г. Р. Державина и А.С.Пушкина, станут весьма выразительным прологом многочисленных событий **Года Литературы**. А доклады, представленные на конференции 2015 года, составят основу десятого сборника научных трудов «Г. Р. Державин его время».

С. М. Некрасов



Д. В. Ларкович

Державин и Вольтер



Как известно, Франсуа-Мари Аруэ де Вольтер (1694–1778) является поистине знаковой фигурой европейского Просвещения и одним из наиболее последовательных его идеологов. Авторитет Вольтера не ограничивался исключительно сферой философии мысли (хотя именно в этой области он снискал себе наибольшее число поклонников), но и в равной мере оказывал влияние на логику развития современной ему лирической и эпической поэзии, драматургии, интеллектуальной прозы, эстетики, историософии, политэкономии и юриспруденции. Росту этого авторитета во многом способствовал сложившийся в общественном сознании образ независимого поэта, свободного и остроумного мыслителя, гонимого властью вольнодумца, отдавшего предпочтение скитаниям и добровольному уединению, а не придворным привилегиям и официальному признанию. В этом образе достаточно полно персонифицировалась сама суть просветительской культуры, нацеленной на максимально полное раскрытие творческих и интеллектуальных возможностей личности. И нельзя не согласиться с В. Гюго, по меткому определению которого Вольтер был «более чем человек — он был эпоха»¹.

О роли Вольтера в формировании культуры русского Просвещения написано достаточно много и обстоятельно². Активный и устойчивый интерес к «фернейскому мудрецу» в России определился еще при его жизни. По словам П. Р. Заборова, «его много переводили, о нем писали, его ставили на сцене, ему подражали, к нему апеллировали, с ним переписывались и общались лично, имя его было у всех на устах и на слуху»³. Однако всеобщий интерес к Вольтеру отнюдь не был однородным и характеризовался предельно широкой оценочной шкалой мнений: от безусловной восторженности до полного неприятия, за которым стоя-

ло представление о Вольтере как идейном вдохновителе Французской революции и теоретике атеизма. Противоречивый характер восприятия Вольтера в России весьма точно выразил А. С. Пушкин в послании «К вельможе» (1830) лаконичным определением «циник поседелый, умов и моды вождь пронырливый и смелый»⁴.

Особая точка зрения на этой оценочной шкале принадлежит Г. Р. Державину, который, как свидетельствуют многочисленные факты, хорошо был знаком с творческим наследием Вольтера, несмотря на довольно посредственное знание французского языка.

Формирование интеллектуальных предпочтений Державина принято связывать с его личными контактами в составе так называемого львовского кружка и, в частности, с влиянием И. И. Хемницера, который обладал небольшой, но системно подобранной личной библиотекой философских сочинений⁵. И хотя идеи французского Просвещения в целом не оказали кардинального влияния на мировоззренческую позицию Державина, а нередко и провоцировали полемическую реакцию автора «Фелицы»⁶, примечателен сам факт знакомства с его основными именами и концептуальными положениями, дошедшими через посредство членов «львовского кружка».

Гораздо в большей степени, нежели собственно философские идеи французских просветителей, Державина привлекали их поэтические сочинения, к которым он неоднократно обращался. Так, в 1776 году, т. е. еще до знакомства с Н. А. Львовым, Державин осуществил стихотворный перевод «Молитвы» Вольтера, которая является фрагментом заключительной части его «Poème sur la loi naturelle» («Поэма о естественном законе» 1752). Написанное в форме предсмертной исповеди, вольтеровское стихотворение, судя по всему, привлекло внимание Державина именно своей покаянной интонацией, созвучной его эмоциональному настрою периода первой половины 1770-х годов (ср.: «Раскаяние» 1770, «Молитва» 1775 и др.). Деистические акценты здесь явно сглажены, а основное внимание сосредоточено на мысли о всемогуществе, непостижимости и благодати Творца, перед лицом которого неизбежно оказывается каждый человек в конце своего жизненного пути.

Примечательно то, что Державин — один из первых русских переводчиков «Молитвы», которую в 1772 году перевел Н. А. Львов⁷, а позже — И. И. Виноградов, Г. А. Хованский, А. Н. Радищев и др.⁸, — дал наиболее вольный вариант перевода, а, вернее, авторского переложения

Налицо внешний, ситуативный параллелизм титульных персонажных образов: оба героя возглавляют национально-освободительное движение в кризисных условиях иностранного (соответственно: испанского и польского) вторжения, оба способствуют восстановлению законной власти на престоле, оба одерживают победу над врагом благодаря своей самоотверженности и патриотической целеустремленности и др. Имеется ряд фабульных аналогий в самом тексте вольтеровской «Генриады» и плане неосуществленного державинского замысла, сохранившегося в архиве поэта (III, 471–473).

Кроме того, оба фрагмента объединяет интонационно-ритмический строй, который свидетельствует о том, что Державин учится у классика французской литературы азам жанра героической поэмы. Он стремится создать поэтический образ национального героя, ориентируясь на европейскую жанровую модель, хотя к этому времени уже вполне основательно определяется модель отечественная (А. Д. Кантемир, М. В. Ломоносов, М. М. Херасков и др.). Видимо, в процессе работы поэт осознал бесперспективность своего намерения, опыт освоения крупной жанровой формы героического эпоса оказался неудачным, и в дальнейшем Державин, смело пускавшийся в разнообразные жанровые эксперименты, героическую поэму упорно игнорировал.

Примечательно, что позже русский перевод «Генриады», выполненный И. Сиряковым (СПб.: тип. Акад. наук, 1803), вошел в состав личной библиотеки поэта¹¹, а образ кн. Пожарского все же получил завершенное и масштабное воплощение в державинском героическом представлении в четырех действиях «Пожарский, или Освобождение Москвы» (1806).

Последнее обстоятельство вообще весьма показательное. Неудачная попытка освоения вольтеровских принципов эпического стихотворства не стала препятствием в восприятии опыта вольтеровского драматического наследия. Так, в «Предисловии» к трагедии «Ирод и Мариамна» (1807), написанной по мотивам «Войны Иудейской» Иосифа Флавия, Державин целенаправленно подчеркивает факт авторской преемственности Вольтеру: «Волтер сие самое событие обрабатывал в трагедии своей, названной им „Мариамною“. Он представил Ирода, кажется мне, со стороны только ревности к его супруге, а Мариамну со стороны привязанности к ее детям. <...> Самый сей знаменитый писатель, при первом издании помянутой своей трагедии, в предисловии говорит, что содержание сие, дабы представить его более трагическим,

требует обширнейшего поля, чем описанный им только ревность мужа и сварливость жены по домашним их ссорам. <...> Я таковое славного сего трагика примечание взяв в соображение, покусился, следуя его совету, распространить мое поприще, сколько сил моих и способностей достало...» (IV, 215–216). И действительно, авторское «поприще» Державина-драматурга складывается во многом с учетом тех принципов, которые были запечатлены в драматических сочинениях Вольтера и сформулированы в его эстетических трактатах.

В частности, подобно трагедиям Вольтера, сторонника классических театральных форм, державинским трагедийным текстам присущи основные формальные признаки традиционной жанровой поэтики, такие как ритмика александрийского стиха, пятиактная композиционная структура, хронологическое триединство, «благородные» герои, высокая патетическая риторика и т. п. Сам текст трагедии у Державина, как правило, предваряется обращением к читателю, где автор оговаривает суть своего понимания природы жанра, указывает на сюжетные источники, комментирует характер конфликта.

Но главное, что привлекает Державина в трагедийной стратегии Вольтера, это установка на непосредственное художественное впечатление. Так, в «Предисловии» к державинской трагедии «Ирод и Мариамна» есть весьма характерное замечание: «Желая показать опыт ничтожных моих способностей в драматическом искусстве, избрал я, по мнению моему, удобнейший к тому отрывок из древней истории, оставленный нам Иосифом Флавием, <...> в котором описывает он жизнь царя Ирода и его супруги таким образом, что могут они в самых твердых душах произвести *сожаление* и *ужас*» (Курсив мой. — Д. Л.)» (IV, 215). Как видно из этого высказывания, сожаление и ужас воспринимаются поэтом как необходимое условие развития трагедийного сюжета, эмоционально ангажированного и сопряженного с переживанием катарсиса. Выбор материала для возбуждения этих чувств у зрителей Державин последовательно осуществляет с ориентацией на историософскую проблематику, что в целом было характерно для вольтеровской трагедии и созвучно теоретическим положениям, изложенным Вольтером в статье «Рассуждение о трагедии» (1730)¹².

О том, что Державина живо интересовали мысли Вольтера о природе театрального искусства, можно судить и по приведенной в рукописи его перевода трагедии П. Л. Б. де Беллуа «Зельмира» (1762) выдержке

из письма фернейского патриарха к автору трагедии: «Вы... любите слог басенный и на то можете иметь свои причины. Вы к красоте стихов присоединили достоинство театральных действий, чего я весьма желал, ибо иностранные нас слишком много упрекали, что трагедии наши ничто иное, как любовные и политические разговоры...» (IV, 790).

Но, воспринимая вслед за Вольтером театр как «политическое учреждение» и «школу морали», Державин идет гораздо дальше своего французского предшественника в стремлении формировать общественное сознание современников и поэтому использует широкий спектр суггестивных средств вербального, визуального и акустического характера в их синтетическом единстве. Высокой риторике трагедий, по замыслу русского поэта, должна соответствовать пространственная масштабность декораций и мощная выразительность хоровых партий, которые он ввел в сценарную фактуру своих трагедий («Ирод и Мариамна» и «Аттабалибо, или Разрушение Перуанской империи») и героических представлений («Пожарский, или Освобождение Москвы», «Грозный, или Покорение Казани»), тем самым разделяя мнение Вольтера о генетическом родстве трагедии и оперы.

В своих размышлениях о несовершенстве современного ему европейского оперного искусства французский драматург вынужден признать, что «форма трагедий-опер в некотором отношении воссоздает форму греческой трагедии. <...> Несмотря на все эти недостатки, очарование, которое проистекает из этого счастливого сочетания сцен, хоров, танцев, симфоний и из этого разнообразия декораций, покоряет даже самого критика, и одни и те же люди никогда не посещают самую лучшую трагедию, самую лучшую комедию столь прилежно, как посредственную оперу»¹³. Державин не только разделяет полемическое суждение своего предшественника, но последовательно и масштабно реализует его в своей творческой практике. Он не ставит перед собой задачу реформировать жанровую систему русской драматургии, а стремится максимально актуализировать невостребованный в театральной практике потенциал традиционных жанров (театральное представление, комедия, трагедия, опера) путем вовлечения их в область синэстетического формотворчества и тем самым добиться новых качественных результатов в сфере художественной выразительности.

Однако литературный авторитет Вольтера, которому отдавал должное Державин-драматург, отнюдь не исключал ироничной позиции Дер-

жавина-эпиграмматиста. Так, в эпиграмме «На трагедию» (1801–1816) поэт обыгрывает известный анекдот о разговоре Вольтера и Пирона:

Не правда ль, что я в сей трагедии прекрасен,
И ты не освистал, быв с публикой согласен?
Вольтер с улыбкой злой Пирона вопрошал. —
Пирон в ответ: «Мне как свистать, когда зевал?» (III, 515).

А в эпиграмме «Суд о трагиках» (1801–1816) имя Вольтера фигурирует в одном ряду с именами «образцовых» французских трагиков (Корнеля, Расина, Кребильона), которые, согласно эпиграмматическому сюжету, вынуждены признать заимствования, «покражи» (III, 520) у своих античных предшественников (Эсхила, Софокла, Эврипида).

Как уже говорилось, Державин был хорошо знаком с творческим наследием «фернейского мудреца». Об этом свидетельствуют также косвенные, но многочисленные и довольно выразительные факты. Так, предлагая в своих «Объяснениях» комментарий к сонету «Блаженство супруги» (1807), Державин, в частности, указывает: «*Альдорада*. — Государство, о коем пишет Вольтер в сказке своей *Кандиде*» (III, 722). В бурлескной оде «Похвала комару» (1807) в ироническом контексте Державин упоминает персонажей сразу двух крупных произведений Вольтера. А именно: фраза «И Волтер, я мню, в издевку / Величал простую девку» (III, 401) отсылает к пародийной поэме «Орлеанская девственница» (1755), а стих «Мне предстал Микромегас» (III, 402) — к одноименной философской повести (1752). Сюжет кантаты «Соломон и Суламита» (1808) заимствован Державиным из Ветхого Завета и является вольным переложением «Песни песней». Ранее на этот же сюжет было написано стихотворение Вольтера «*Précis du cantique des cantiques*» («Переложение песни песней», 1759). Текстуальные переключки здесь очевидны.

И, наконец, Вольтер привлекал русского стихотворца и как мастер поэтического афоризма. Так, стихотворение Державина «Фальконетов Купидон» (1804) было написано под впечатлением скульптурного изображения Э.-М. Фальконе «Грозящий Амур» (1755–1757), авторскую копию с которого поэт видел в коллекции кн. А. А. Безбородко. На постаменте статуэтки отчеканена надпись «*Qui que tu sois, voici ton maître / Il l'est, le fut ou doit l'être*» («Кем бы ты ни был, это твой властитель, / Таков он есть, им был или должен им быть»), авторство которой

Я. К. Грот атрибутирует Вольтеру (III, 727). Смысл этой надписи напрямую соотносится и с содержанием державинского стихотворения.

В стихотворной миниатюре «В альбом Екатерины Дмитриевны Балашевой» (1801) Державин использует переводную цитату из стихотворения Вольтера «Précis de l'Ecclésiaste» («Переложение Экклезиаста», 1759): «Блажен, кто мог творить всяк день неблагодарных / И, не жалея себя, невинность защищать!», которая, по словам Я. К. Грота, очень ему нравилась (III, 510). По свидетельству П. Н. Львовой, за 2 дня до смерти Державин на французском языке декламировал наизусть данный отрывок и, полностью прочитав его, добавил: «Тут очень тонкая философия»¹⁴.

Все это позволяет сделать вывод о том, что «фернейский мудрец» не стал интеллектуальным учителем Державина в силу существенного различия их мировоззренческих установок, но его оригинальное творчество, исполненное парадоксальных умозаключений, афористичных высказываний и глубоких наблюдений, привлекало внимание автора «Фелицы» долгие годы. Особый его интерес вызвал драматический опыт Вольтера, который был учтен Державиным в его собственной художественной практике. А многочисленные державинские цитаты и реминисценции из сочинений Вольтера — любопытный штрих к общему портрету «русского вольтерьянства» второй половины XVIII — начала XIX века.

Примечания

- ¹ *Гюго В.* Столетие со дня смерти Вольтера 30 мая 1787 года. URL: http://antimilitary.narod.ru/antology/hugo/hugo_1878_Voltaire.htm
- ² Наиболее полный на сегодняшний день перечень работ по данной теме представлен в издании: Вольтер в России: Библиографический указатель 1735–1995; Русские писатели о Вольтере: (Стихотворения, статьи, письма, воспоминания) / отв. ред. А. Д. Михайлов; вст. ст. Ю. Г. Фридштейна, П. Р. Заборова. М., 1995.
- ³ *Заборов П. Р.* Вольтерьянство: к истории слова и явления // Вольтер: pro et contra. Антология / сост., вст. ст., коммент. А. А. Златопольской. СПб., 2013.
- ⁴ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: в 17 т. Т. 3, ч. 1: Стихотворения. 1827–1836. М.; Л., 1948. С. 217.

- ⁵ В записной книжке Хемницера в перечне книг, которые «даны друзьям на прочтение», фигурируют сочинения Руссо, Вольтера, Гольбаха, Эйлера, Линнея, Ломоносова и др. См. об этом: *Степанов Н. Л.* Иван Хемницер // Хемницер И. И. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1963. С. 8.
- ⁶ В этом отношении вызывают интерес наблюдения С. А. Саловой, касающиеся поэтической полемики Державина с материалистическими идеями К. А. Гельвеция в стихотворениях «Философы пьяный и трезвый» (1789) и «Призывание и явление Пленеры» (1794). См. об этом: *Салова С. А.* 1) Стихотворение Г. Р. Державина «Философы, пьяный и трезвый»: поиск идеала «философской» жизни // XVIII век: Искусство жить и жизнь искусства. М., 2004. С. 290–303; 2) Философские подтексты анакреонтики Г. Р. Державина // Г. Р. Державин и диалектика культуры: материалы Междунар. науч. конф. Казань: КГУ, 2010. С. 27–30.
- ⁷ *Львов Н. А.* Избранные сочинения; вст. ст., сост., подг. текста и коммент. К. Ю. Лапшо-Данилевского. Кёльн, Вемар, Вена, Бёлау, СПб., 1994. С. 99, 402.
- ⁸ Жизнь славнейшего г. Вольтера с приобщением к ней поемы Естественный закон, его же сочинения / пер. [И. И. Виноградова]. СПб.: Тип. М. Овчинникова, 1787. С. 120; Жертва музам, или Собрание разных сочинений, подражаний и переводов в стихах князя Григория Хаванского. М.: Тип. А. Решетникова, 1795. С. 5; Собрание оставшихся сочинений покойного Александра Николаевича Радищева. М.: Тип. П. Бекетова, 1807. Ч. 1. С. 198.
- ⁹ *Западов В. А.* Державин и Руссо // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. От классицизма к романтизму. Л., 1974. Вып. 1. С. 56.
- ¹⁰ Генрияде героическая поэма в десяти песнях: сочинение г. Волтера / переложенная российскими белыми стихами капитаном Яковом Княжнинным. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1777. — 170 с.
- ¹¹ См.: *Морозова Н. П., Шаталина Н. Н., Егоров С. К.* Материалы к описанию библиотеки Г. Р. Державина // XVIII век. СПб., 2002. Сб. 22. С. 248.
- ¹² Характеризуя драматурга, «который представил бы на сцене зрелище, внушающее ужас», Вольтер отмечает: «Он не нарушил бы правдоподобия, и эта смелость отнюдь не говорила бы о его слабости, а, напротив, свидетельствовала бы о большом таланте, необходимом для того, чтобы своими стихами придать истинное величие действию, которое без возвышенного стиля было бы лишь жестоким и отталкивающим» (*Вольтер*. Эстетика. Статьи. Письма. Предисловия и рассуждения / сост., вст. ст. и коммент. В. Я. Бахмутского; пер. Л. Зониной, Н. Наумова. М., 1974. С. 78).
- ¹³ *Вольтер*. Эстетика. Статьи. Письма. Предисловия и рассуждения. С. 104–105.
- ¹⁴ «Записки» Прасковии Николаевны Львовой / подг. текста Е. Д. Кукушкиной // XVIII век. Сб. 18. С. 280.

С. А. Салова

Об одной зоологической эмблеме в иллюстрациях к «Анакреонтическим песням» Г. Р. Державина



Общеизвестно, что, в отличие от Западной Европы, с восторгом открывшей в середине XVI века новый пласт лирической поэзии, проиндексированной именем Анакреонта, историческое бытование соответствующей разновидности одического жанра на русской почве имело своеобразную судьбу, отмеченную чертами напряженного драматизма. Выразительна в этом смысле барочная рецепция бытовой и поэтической личности Анакреонта стихотворцами XVII столетия Симеоном Полоцким и Андреем Белобочким. Напомним, что они воспринимали фигуру древнегреческого песнопевца сквозь призму жестких религиозно-нравственных критериев, предписанных христианской ортодоксией, и потому видели в нем лишь закоренелого язычника и неисправимого грешника, подверженного низменным плотским страстям, безоглядно предающего себя всем доступным человеку радостям и утехам земного бытия. Симптоматично, что автор компилятивной поэмы «Пентатеугум» в ее третьей книге «О гегене и муках вечных», нимало не сомневаясь в том, что Анакреонт пребывает в аду, не пренебрег тем не менее возможностью лишней раз предать анафеме этого, казалось бы, давно умершего язычника:

Под лавою в аде спрятан, изыде, Анокреоне!
Муки, им же еси предан, всему миру скажи явне.
Аще звязан и прикован, изыти к нам не можеши,
За грехи тако наказан, плачи сам, а нас не теши¹.

С логической закономерностью гневному порицанию подвергся при этом не только сам поэт со столь возмутительной репутацией, но

и его лирика, ретранслирующая эпикурейско-гедонистический тип мироощущения и соответствующие ему поведенческие модели, резко противоречащие традиционным этическим нормам православной культуры.

Предосудительно-скандальное бытовое реноме Анакреонта как неисправимого грешника, пьяницы и «человека прохладного житья» было доподлинно известно и А. Д. Кантемиру, что, впрочем, отнюдь не помешало ему выступить в качестве первого русского переводчика анакреонтеи. Далекий от плоского морализаторства, блистательный поэт-силлабист был убежден в безусловной культурно-эстетической ценности стихотворений, созданных жизнерадостным старцем. Однако над его переводом анакреонтеи, безоговорочно гениальным по меркам той эпохи, как будто тяготело неизбежное роковое проклятье: долгое время он считался утраченным и впервые был опубликован в полном объеме лишь во второй половине XIX века.

Созвучным барочному скепсису оказался иронический модус восприятия Анакреонта М. В. Ломоносовым, создавшим несколько стихотворных переложений отдельных фабул из анакреонтеи. Хотя его небогатая художественная практика в этом жанре носила преимущественно экспериментальный характер, она отчетливо продемонстрировала авторскую интенцию адаптировать чужеродный материал к смыслообразующему пространству отечественной литературы с ее особой аксиологией пророческого Слова. Принципиально иную, по сравнению с Ломоносовым, направленность имели анакреонтические эксперименты А. П. Сумарокова, полемически заостренные против издержек гедонистического мироощущения, растиражированных «легкой поэзией» рокайльного типа с изначально присущей ей склонностью к моральным компромиссам.

Справедливо считается, что новую страницу в истории русской анакреонтики открыл Н. А. Львов своим знаменитым билингвальным сборником «Стихотворение Анакреона Тийсакого» (СПб., 1794). В полемике с расхожими представлениями об Анакреонте ему удалось создать собственную оригинальную концепцию личности и творчества этого древнегреческого поэта, с именем которого Львов связывал «идеальное соотношение между частной жизнью и творчеством писателя»². Оценивая поэзию Анакреонта в кодах сентиментальной эстетики, во вступительной статье переводчик представил его добродетельным

«проповедником толь утешительной и толь приятной философии»³, по-аристотелевски поставив его лирику в прямую зависимость от особенностей внутреннего мира и душевных качеств самого поэта: «Вся душа Анакреонова <...> была толь мягкого и нежного свойства, что кроме любви и утехи ничего петь ему не внушала»⁴.

Именно с львовской трактовкой Анакреонта привычно связывается генезис его образа и в лирике Г. Р. Державина. Показательны в этом плане авторитетные суждения Г. П. Макогоненко и Г. Н. Ионина, осуществивших в 1986 году академическое издание «Анакреонтических песен» Г. Р. Державина в серии «Литературные памятники». Существенно, что оба исследователя подчеркивали своеобычность, оригинальность и внутреннюю полемичность созданного им образа греческого поэта по отношению как к западной, так и к русской традиции его истолкования.

Действительно, судя по тематическому репертуару оригинальной и парафрастической анакреонтики Державина, он вполне разделял представления своего друга об изящной, тонкой и чувствительной душе Анакреонта, но все же оставил некоторый зазор для собственного, отличного от львовского, видения творчества этого античного поэта. Во многом благодаря усилиям Макогоненко и Ионина в отечественной науке прочно утвердилось представление о том, что Державин создал собственный миф Анакреонта как гордого, независимого, свободного поэта, попутно сообщив его образу легко узнаваемые автобиографические черты, в результате чего ему удалось «вывести анакреонтику на путь гражданственности»⁵. Не приходится сомневаться, что державинская презентация личности и поэзии Анакреонта носит концептуально гораздо более насыщенный характер, чем у всех без исключения его предшественников. Однако, судя по иллюстративному сопровождению к анакреонтическим песням, общепринятая «огражданственная» трактовка образа державинского Анакреонта выглядит излишне прямолинейной, а возможно, даже искусственно выпрямленной.

Напомню, что еще во второй половине 1790-х годов Державин задумал издание, в котором каждое стихотворение не только должно было сопровождаться комментариями, но также обрамлялось бы награвированными по оригинальным рисункам заставками и концовками с соответствующими литературными программами. Реализованная Я. Гротом мечта Державина об иллюстрированном издании своих со-

чинений создала уникальный прецедент, сразу же привлечший заинтересованное внимание ученых. У истоков проблемы взаимосвязи анакреонтики Державина с изобразительным искусством стоял Ф. И. Буслаев, выступивший в 1869 году с первой специальной статьей, посвященной иллюстрациям к державинским стихотворениям. Он не только уверенно констатировал теснейшую взаимосвязь поэтического текста и его изобразительного сопровождения, но признал функциональную значимость заставок и концевых узлов как элементов, способных обогащать и укрупнять содержательную наполненность поэтических образов. Несомненный методологический интерес сохраняет, в частности, следующее суждение Буслаева: «В такой иллюстрации поэт как бы продолжает свою творческую идею, дополняет очерками то, чего не мог выразить словами, собирает в окончательно установившемся определенном образе те улетающие мечты, которые он не успевал схватить столько же летучею и такую же прозрачною формой стиха». Правда, далее ученый высказывает несколько противоречащую только что процитированному фрагменту мысль об иллюстрации как *авторитарном* живописном тексте, задающем строго определенный ракурс и вектор восприятия текста словесного: «...иллюстрация вместе с тем устанавливает для критика точку зрения, которую сам поэт указывает ему в рисунке к своему произведению»⁶.

Буквально все исследователи, в той или иной мере интересовавшиеся иллюстрациями к гrotовскому роскошному изданию сочинений Державина, не обходились без цитирования своеобразного трактата Н. А. Львова «Значение чертежей на заглавных листах и при окончании каждой поэмы», ошибочно приписанного Гротом Оленину. Львов настойчиво проводил здесь мысль о задаче иллюстратора «домолвить карандашом то, что словами *не мог* или *не хотел* сказать» поэт, тем самым «оставляя иногда тонкий смысл или таинственное значение на собственное проницание читателей»⁷. Подробнейшим образом разъясняя мысли друзей Державина об отношении рисунков к его стихотворениям, Буслаев, в частности, отмечал: «Отвлеченные мысли и нравственные понятия, окинутые у поэта только тенью, в рисунке получают осязательный образ, который прочнее и надежнее в сердце читателя запечатлевается»⁸.

Красноречивым примером виньетки такого рода является, на наш взгляд, графический узел к лирической миниатюре «Всемиле» с изо-

бражением козла, опрокидывающего рогами крын цветов. Напомним, что героиней этого стихотворения стала юная дева, словно созданная пленять мужские сердца. Любовная тема разрабатывается здесь сначала в вассальных кодах рыцарского, коленопреклоненного служения Царице души, олицетворяющей собой торжествующую силу Красоты. Настораживает, правда, что любование героиней манифестируется бурным потоком явно банализованных, стертых формул изъявления лирического восторга, как бы предвещающих резкий слом основной тональности. Действительно, в четвертой строфе мажорные интонации уступили место элегическому дискурсу, ознаменовавшему печальные перемены в судьбе героини:

Почто ж, о милое творенье!
Грустишь и тонешь так в слезах...⁹

Лирический микросюжет об охлаждении мужчины к соблазненной, а затем отвергнутой им женщине завершился нравственной максимой, напоминающей басенную сентенцию:

Так! добродетелью бывает
Сильна лишь — женщин красота¹⁰.

Семантически выразительной концевой виньеткой к данному стихотворению вполне могло стать изображение печальной девы, близкое к знаменитой скульптуре «Девушка с кувшином» работы Павла Петровича Соколова, поставленной в Царскосельском парке в 1810 году. Считается, что она была создана по мотивам известной басни Лафонтена о незадачливой мечтательнице Пьеретте, разбившей кувшин с молоком, который должен был стать фундаментом ее материального благополучия. Исследователи полагают также, что прообразом девушки с кувшином послужила императрица Елизавета Алексеевна: придворный скульптор Соколов задумывал свое творение в качестве подношения императрице как матери, скорбящей о раннем уходе двух маленьких дочерей¹¹. Если это действительно так, то несколько странноватое сопряжение «далековатых» коннотаций — басенной и тренической — вполне способно оправдать еще одну контекстуальную ассоциацию — уже завуалированно эротического содержания. Так, если верить немецкому культурологу первой половины прошлого века Эдуарду Фуксу, то у художников, разрабатывавших мотив добрачного соращения, раз-

битый кувшин и разбитое зеркало были столь же обычными символами утерянной невинности, как и сорванный цветок (сорванная роза, например): «Символом девственности служил <...> нераспустившийся бутон розы. Девушка или гордо держит его в руке, или защищается им против дерзкого похитчика (см. „Молодые“, „Объяснение в любви“, „Тереза“). В Голландии невеста, сохранившая до свадьбы свою физическую невинность, надевала фартучек с затканым в определенном месте бутоном розы. Утерянная невинность символизировалась разным образом. Самыми обычными символами были разбитый кувшин и разбитое зеркало. Девушка, плачущая над разбитым кувшином или зеркалом, оплакивает на самом деле свою потерянную невинность»¹². Замечу попутно, что в написанном в начале октября 1830 года, т. е. в канун очередной лицейской годовщины, стихотворном экфразисе «Царско-сельская статуя», помимо танатологической и поэтологической семантики, А. С. Пушкин мог актуализировать также смысловой потенциал и той хорошо известной галантному веку эротической эмблематики, о которой упоминал Э. Фукс в своей «Иллюстрированной истории нравов».

Специально отметим, что вполне сознаем условность и даже некоторую курьезность подобного допущения, но оно нам необходимо, чтобы создать контраст тому графическому решению, которое предпочел иллюстратор державинской анакреонтической песни «Всемиле». Вот как в свое время прокомментировал его Буслаев: «В узле козел опрокидывает вазу с цветами — бесподобная в помпейском стиле виньетка, в дополнение той мысли, что красота женская сама по себе, без добродетели, ничтожна»¹³. По нашему мнению, помещенное после поэтического текста изображение персонажа, обычно весьма отрицательно трактуемого в зоосимволике, не просто дополняло и углубляло содержательное наполнение стихотворения, но, если можно так выразиться, расщепляло его семантику, акцентируя внимание уже не на жертве соращения, а на виновнике случившегося с героиней.

Опрокидывание козлом урны с цветами — жест знаковый и легко дешифруемый, учитывая смысловые ассоциации, порождаемые этой зоологической эмблемой. Вот как раскрывает символическую семантику интересующего нас персонажа Ганс Бидерманн: «Козел в отличие от козы является в большинстве случаев отрицательно трактуемым персонажем в зоосимволике. В то время как в дохристианском образном

мире поклоняются его мужской силе (козлы тянут повозку германского бога грома Тора; ведический бог огня Агни едет верхом на козле) или изображают его в карикатурном виде смешанного существа (Сатир, фавн), отличающегося неукротимой похотливостью, в христианской символике козел становится „вонючим, грязным, постоянно ищущим удовлетворения“ существом, которое на Страшном суде обрекается на вечное наказание в аду. Во внешнем облике черта (как он изображается в иконографии) очень много от козла. В позднее средневековье и в Новое время ведьмы часто представлялись летящими верхом на козлах...»¹⁴. Само собою напрашивается предположение, что именно эта эмблема послужила одним из претекстов для гневных инвектив Белобочкокого в адрес Анакреонта.

Любопытно, что персонифицирующие распутство существа с козлиными чертами — рогами, волосатыми ногами, копытами — в иллюстрациях к анакреонтическим песням Державина появляются неоднократно. Так, изображение козла, обвешанного виноградными листьями и поедающего плющ, дано на заставке к державинской миниатюре «Хмель», восходящей к анакреонте под номером XXVI. Концевая виньетка к стихотворению «Мельник» представляет улыбающегося козлоногого сатира, держащего в руках дудочку. Словесный текст миниатюры «К Пламиде» завершается графическим рисунком, по сюжету которого козлоногий Фавн, или Сатир, бросает гром на Купидона, скверной маской покрытого, объемлющего мешок денег». «Флорентийский» пляшущий Фавн представлен в узле к застольной песне «Кружка». Наконец, стихотворение «Цыганская пляска» завершено узлом с изображением двух Сатиров, «пляшущих под соснами на кладбище, от коих улетает голубь».

Сам факт, что в виньетках, обрамляющих *лирический цикл* анакреонтических стихотворений, бесчинствующие козлоногие существа мирно соседствуют с изображениями Анакреонта в стилистике Франсуа Буше — как величавого, крепкого старца, рвущего цветы (как в заставке к стихотворению «К самому себе»), или раздающего женщинам венцы из мирт и роз (как в заставке к миниатюре «Анакреон в собрании»), или же сидящего под миртой со стаканом меда в руках и наблюдающего за пляской с шальями двух граций (как в заставке к стихотворению «Венец бессмертия»), представляется весьма многозначительным. Барочно-эмблематическое и рокайльное изображения коррелируют, контрасти-

ругают друг с другом, бросают друг на друга тень, но друг друга не отрицают, в результате чего манифестируется идейно-смысловая многослойность державинской анакреонтики в целом и ее лирического героя с криптопародическими чертами, в частности.

В середине 1860-х годов, в иной (по сравнению с XVIII в. или рубежом XVIII–XIX вв.) культурно-исторической ситуации, образ влюбчивого Анакреонта и индексируемой его именем поэзии не просто прирос дополнительными коннотациями, но реанимировал и заново реактуализировал «первопричинные» и, казалось бы, уже исторически утраченные смыслы, генерируемые архетипом влюбленного старика, спровоцировав в целом ряде случаев его полемическую (по отношению к львовско-державинской) реинтерпретацию.

Примечания

- ¹ Русская силлабическая поэзия XVII–XVIII вв. Л., 1970. С. 231.
- ² Долгова С. Р., Лапто-Данилевский К. Ю. Работа Н. А. Львова по подготовке второго издания переводов из Анакреона // XVIII век. СПб., 1991. Сб. 17. С. 195.
- ³ Стихотворение Анакреона Тийсага. СПб., 1794. С. II.
- ⁴ Стихи Анакреона Тийсага. С. VI.
- ⁵ Державин Г. Р. Анакреонтические песни. М., 1987. С. 337.
- ⁶ Буслаев Ф. И. Иллюстрация стихотворений Державина // Буслаев Ф. И. Мои досуги: в 2 ч. М., 1886. Ч. 2. С. 105–106.
- ⁷ Цит. по: Державин Г. Р. Анакреонтические песни. С. 388.
- ⁸ Буслаев Ф. И. Иллюстрация стихотворений Державина. С. 109.
- ⁹ Там же. С. 72.
- ¹⁰ Там же. С. 73.
- ¹¹ См. об этом: Белозерова Л. Секреты «девушки с кувшином»: версии любознательного читателя // Нева. 1998. № 8. С. 218–219.
- ¹² Фукс Э. Иллюстрированная история нравов: галантный век. М., 1996. С. 245.
- ¹³ Буслаев Ф. И. Иллюстрация стихотворений Державина. С. 113.
- ¹⁴ Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М., 1996. С. 119.

Е. В. Морозова

Образ арфы в лирике Г. Р. Державина



В своем трактате «Рассуждение о лирической поэзии» Гаврила Романович Державин писал: «Любителям изящных художеств известно, что поэзия и музыка есть разговор сердца; что ищут они побед единственно над сердцами таким образом, когда нежные струны их созвучностию своею в них отзываются» (VII, 571). В его сердце сильнее всего «созвучностию своею» отзывались «нежные струны» арфы. К ее образу Державин обратился в своем творчестве около сорока раз.

Как истинный любитель музыки¹, он мастерски описывает многообразие звучания этого музыкального инструмента, используя все виды эпитетов. Арфа у Державина может быть «звонкострунная», «звончатая», «звучная», «громкая», «сладкогласная», «сладкострунная», «сладкозвучная», «тихогласная», «тихострунная», «ветхострунная», «доброгласная», «нежная», «небесная», «златая». Она «звенит», «раздается», «утешает», «нежно трогает слух», «гремит», «будит», «стонет и жалуется», «шумит, бушует, шепчет»; издает «протяжные и тихи звуки», «громкие и тихозвучные», «скорбные», «высокие и страшные», «божественные тоны»; ее глас «волшебный», «сильный».

Первоначально арфа (от нем. *Harfe*), известная в простейшем виде у многих народов, была сугубо мужским музыкальным инструментом. В античной мифологии ее освоили и женские персонажи.

В руках разных исполнителей она по-разному звучит и по-разному проявляет свою чудесную силу.

Златая арфа Аполлона, которая была в Древней Греции символом прекрасного и возвышенного, заставляет бессмертных богов, забыв веселье и пиры, «в молчанье внимать ее звукам» («Первая песнь Пиндара

пифическая», 1800). «Огонь быстрый, вечный, вседержавный» ее струн при вступлении хора может «молнии потушить» (II, 329–332).

Арфа Амфиона, сына Зевса и Антиопы, упоминаемая поэтом в «Послании к великой княгине Екатерине Павловне», своим звучанием заставляя укладываться рядами камни при строительстве стен в Фивах:

Фив стены арфою возвысил Амфион,
Свирелью век златой свел с неба Аполлон (III, 529).

Необычно звучит арфа под «резвыми перстами» музы эпической поэзии Каллиопы («К Каллиопе», 1792):

Как гибкий при морях тростник
От порханья звенит зефиров,
Далеким вторясь шумом волн <...> (I, 505).

Иную мелодию, «воспылав небесным жаром», создает на своей «золотой» арфе муза лирической поэзии Эрато («Любителю художеств», 1791):

Ее белорумяны персты
По звучным бегают струнам:
Взор черноогненный, отверзтый,
Как молния вослед громам,
Блещет, жжет и поражает <...> (I, 366).

Темпераментной «арфисткой», похожей на музу Эрато, предстает древнегреческая поэтесса Сафо. «Нежную власть» любви «изображают» «протяжные и тихи звуки» ее арфы, а ревность — «громчайши гласы», подобные громам («Сафе», 1794). Называя в одной из своих последних од «пылкую» Сафо «северных стран Полигимнией», поэт вспоминает ее «сладкозвучную» арфу, «струны златые» которой, «молнии в души бросая», «громами тихо гремя», «грудь раздробляют» его (III, 233).

Образ арфы в поэзии Державина связан не только с античной, но и с библейской традицией. Во многих духовных одах поэта звучит арфа библейского царя Давида. Она не менее сильна, чем арфы античных богов и героев. В оратории «Целение Саула» (1809), созданной в «подражание Бровну»², Давид «болезни тяжкие бряцаньем струн целит», «без робости играет, ланиты правдою горят»:

Под взором блещущим вслед скачущим перстам
По арфе огонь бежит, сверкая по струнам (III, 22).

Здесь мы не только слышим арфу, но видим портрет вдохновенного исполнителя.

Арфа незримо присутствует во всех переложенных Державиным псалмах Давида, иногда она становится в них «зримым» образом. В оде «Радость о правосудии» (1794), «почерпнутой из 74 псалма», песнопевец обращается к Господу с такими словами:

От арфы радость да прольется
В хваление Тебе, мой Бог! (I, 597).

В «Проповеди» (псалом 91), прославляющей величие и справедливость Бога, каждая строфа заканчивается рефреном:

И Ему от арфы сладкострунной
Мой да раздастся гром (II, 672–673).

Герой оды «Проблеск», написанной Державиным в подражание немецкому поэту Козегартену, размышляя о загробном блаженстве, мечтает «Творцу хваленье на арфе возгласить в кругу Божеств» (III, 80).

Быть может, самым главным «арфистом» в поэзии Державина был «вдохновенный северный скальд» или бард, в образе которого поэт нередко изображал себя.

Энергично звучит его арфа в оде «Эхо» (1811):

Касаюсь струн, — и гром за громом
От перстов с арфы в слух летит,
Шумит, бушует долом, бором,
В мгле шепчет с тишиной и спит;
Но вдруг, отдавшись от холма,
Возвратным грохотаньем грома,
Гремит и удивляет мир:
Так ввек бессмертно эхо лир (III, 92–93).

Совсем иную тональность арфы слышим мы в рассказе «седого Волхова» о своем барде («Волхов Кубре», 1804):

И бард мой с арфой ветхострунной
Хоть, сидя на холму, поет,
Но, представляя вечер лунной,
Он тихий голос издает (II, 485).

Вслед за поэтом современники называли его бессмертным Бардом севера, видели в нем наследника «золотой арфы» Оссиана³. Из скандинавской мифологии и поэзии великого шотландца Державин знал, что «у северных народов было обыкновение торжествовать их победы под звуком арф при зажженных дубах, где и пили они круговую чашу» (III, 674). С такой картины начинается ода «На победы в Италии» (1799):

Ударь во серебряный, священный,
Далеко-звонкий, Валка! щит:
Да гром твой, эхом повторенный,
В жилище бардов восшумит... —
Встают. — Сто арф звучат струнами;
Под ними сто дубов горят;
От чаши круговой зарями
Седы чела в тме блестят (II, 272–273)⁴.

В Валкале («рае скандинавов») могут звучать, подобно шепоту морского камыша или журчанию ручья «в ветреноватый час, час лунный», «тихострунные арфы», которые навевают «дреманье и покой». Их слышит героиня «пьесы» «Обитель Добрады» (1808), иносказательно рассказывающей о жизни императрицы Марии Федоровны в Павловске.

В ветреную ночь, при луне и звуке арф происходит у Державина и действие «Пролога на рождение в Севере порфирородного отрока <...>» (1799), написанного «на случай разрешения» от бремени великой княгини Елизаветы Алексеевны⁵.

В конце XVIII — начале XIX века арфа стала модным инструментом. На ней, проявляя утонченный вкус, играли многие красавицы того времени. Одной из них была Марья Львовна Нарышкина, восторговшая Державина. К ней поэт обращается в оде «К Евтерпе» (1789), созданной в связи с предполагавшимся сватовством Г. А. Потемкина:

Пой, Евтерпа молодая!
В струны арфы ударяй!
Ты, поколь весна младая,
Пой, пляши и восклицай (III, 303–304).

«Звончатая» арфа Марьи Львовны в оде «Анакреон у печки» (1795) заставляет купидона порхать резвее, от его стрел поэт опасается сгореть, «как бабочка от свечки». В год появления этой оды Державин женится вторым браком на Дарье Алексеевне Дьяковой, которая тоже не-

плохо играла на арфе. Сохранился ее акварельный портрет с арфой, тогда же созданный⁶.

Самой талантливой арфисткой в семейном кругу поэта была двоюродная сестра его супруги Пелагея Михайловна Бакунина, подолгу у нее гостившая. Она нередко «утешала» домочадцев своей игрой на «звучной» арфе. Об этом поэт упоминает в оде «Параше» (1798), героине которой адресует такие строки:

Ты, которой повторяет
Звучну арфу нежный глас,
Как Палаша ударяет в струны,
Утешая нас (II, 185–186).

Пелагее Михайловне Бакуниной мы обязаны появлением гениальной оды Державина «Арфа» (1798), пронизанной любовью к родной Казани и тоской по родине. Эти чувства будит арфа, звучание которой поэт описывает, используя целый ряд сравнений;

Не в летний ль знойный день прохладный ветерок
В легчайшем сне на грудь мою приятно дует?
Не в злаке ли журчит хрустальный ручеек?
Иль милая в тени деревьев меня целует?
Нет! арфу слышу я: ее волшебный звук,
На розах дремлющий, согласьем тихострунным
Как эхо мне вдали щекочет нежно слух,
Иль шумом будит вдруг вблизи меня перунным (II, 189–190).

О Палашиной игре на арфе поэт тоскует в «написанной в шутку» оде «На разлуку» (1801) по случаю отъезда свояченицы.

Молодые домочадцы Державиных тоже были поклонниками арфы. Младшая племянница Дарьи Алексеевны Прасковья Николаевна Львова вспоминает о жизни поэта в Званке: «Часто прекрасная погода прерывала наше чтение и приглашала выйти из гостиной и сесть на ступеньках. Зная, что ему доставляло удовольствие слышать, как мы с Александриной⁷ поем, я брала арфу и мы пели вместе *Voшед в шалаш мой торопливо*⁸, и он одновременно восхищался природой, спокойствием Волхова, в котором, как в зеркале, повторялся окружающий пейзаж, или считал на пальцах стопы стихов, которые сочинял в это время»⁹. Как видим, арфа помогала Державину писать. С нею он представлял свою Музу, к которой обращался со словами:

Строй, Муза, арфу золотую (II, 56).

В ярком, многогранном образе арфы в поэзии Державина нашли отражение мифологическое, библейское начало, современная поэту музыкальная культура и реальные детали его домашней жизни.

Примечания

¹ О значении музыки в творчестве Державина см.: *Ларкович Д. В.* Г. Р. Державин и художественная культура его времени: формирование индивидуального авторского сознания. Екатеринбург, 2011. С. 155–186.

² *John Brown (1715–1765)*. «Сочинение, которому подражал Броун, носит в подлиннике заглавие: “The cure of Saul, a sacred ode” и напечатано к книге того же Бруна: “A dissertation on the rise, union and power etc. Of poetry and music” («Исследование о происхождении, связи и могуществе поэзии и музыки») (III, 13, примеч. Я. Грота).

³ См., напр.: *Ф. Ф.* Тень Оссиана // Муза. 1796. Ч. II. Май. С. 167–168. О традициях Оссиана в творчестве Г. Р. Державина см.: *Левин Ю. Д.* Оссиан в русской литературе. Конец XVIII – первая треть XIX века. Л., 1980. С. 35–38.

⁴ В «Объяснениях» на свои сочинения Державин писал: «Древние северные народы или Варяго-Руссы возвещали войну и сбিরались на онаю по ударению в щит. А Валками назывались у них военные девы или музы» (III, 674).

⁵ Как известно, императрица 17 мая 1799 г. родила великую княжну Марию Александровну (скончалась 27 июля 1800 г.). В ожидании этого события Державин заготовил два пролога, которые «не были представлены ко двору». См. о них: *Демин А. О.* К изучению «Северных прологов» Г. Р. Державина // Русская литература. 2004. № 2. С. 135–137.

⁶ Хранится в Национальном музее Татарстана.

⁷ Дочерью брата Дарьи Алексеевны Н. А. Дьякова.

⁸ Строки из стихотворения Г. Р. Державина «Мечта» (1794), использованного Н. А. Львовым в пастушьей опере «Милет и Милета».

⁹ *Львова П. Н.* Записки / публ. Е. Д. Кукушкиной // XVIII век. СПб., 1993. Сб. 18. С. 276.

С. В. Галян

Проблема диалога поэта и власти в творческом осмыслении Г. Р. Державина и Ф. И. Тютчева



Г. Р. Державин и Ф. И. Тютчев были близки к власти, по мере сил служили ей и старались принести пользу Отечеству. Оба поэта были чиновниками высокого ранга, оба считали занятие поэзией делом менее значительным, чем служба. Невозможно понять, как формировалось авторское сознание Державина и Тютчева, не выяснив характера внутренних взаимоотношений «поэта» и «чиновника» как отражения общей для истории русской культуры проблемы «поэт и власть».

Державин начал с солдатской службы, а закончил ее, будучи действительным статским советником. В его служебные обязанности входило наблюдение за делопроизводством в Сенате; он был губернатором в Олонецкой и Тамбовской губерниях, статс-секретарем Екатерины II, главой Коммерц-коллегии, членом Сената, а также министром юстиции и генерал-прокурором.

По наблюдению И. Ю. Фоменко, «зачастую русские писатели второй половины XVIII века были не способны не только противопоставить, но и просто разграничить службу и творчество, рассматривали их как некое единое служение»¹. Поэзия для Державина была неотъемлемой частью его «служения».

Отношение общества к литератору в XVIII веке менялось от снисходительного внимания к «шуту» (это «амплуа, — пишет Н. П. Морозова, — оказалось доминирующим в восприятии личности писателя русским обществом первых десятилетий XVIII века»²) до признания за ним права быть высшим «судией». При подчинении Церкви светской власти во время реформ Петра I, когда авторитет религиозной власти

пошатнулся, поэтическое слово заняло ее место. Поэты и писатели XVIII века наследовали древнерусской традиции воспринимать словесное искусство как сакральное, а поэтическое Слово как истину.

Следует заметить, однако, что диалог поэта и власти в России никогда не велся с позиций равенства участников. Литератор вводился в число государевых людей, и ему, как всем прочим, вменялось «исполнение обязанностей сословных и служебных, определяемых законной властью»³. Поэтому становление общественной функции русской литературы происходило, с одной стороны, в борении за право писателя на свое мнение, за то, чтобы быть голосом истины, с другой — за право быть услышанным двором, повлиять на монаршие решения. Миссия поэта (независимо от того, имел он государственный чин или нет) понималась как просветительская деятельность, создание в слове идеала государства, монарха и человека.

Объектом диалога власти и поэта, по верному замечанию В. В. Есипова, становятся, как правило, противоречия между официальной и альтернативными картинками мира, порождаемыми художественной элитой общества⁴. Иными словами, продуктивный (прежде всего для поэзии и редко — для власти) диалог происходит при возможности декларировать идеал, от которого власть, как правило, отстоит весьма далеко.

Тем не менее в определенной мере цели монарха и литератора совпадали, поскольку государственная идеология, переведенная «с языка программных документов, указов и постановлений»⁵ на язык поэтический, в силу риторической природы «идеологической» поэзии, имеет гораздо более широкую аудиторию и влияет не только на разум, но и на чувства, т. е. формирует убеждения, в чем всегда заинтересована любая власть.

Г. Р. Державин считал, что его поэтическая деятельность — это «орган монарших благ и мира». По мнению И. Ю. Фоменко, «своеобразие позиции Державина состояло <...> в том, что он не принижал творчество до службы, но рассматривал оба этих рода деятельности как сферу высокого творческого вдохновения»⁶. Тонко ощущая необходимость презентовать власть иначе, чем это делали Ломоносов и Петров, поэт, с одной стороны, не подвергает сомнению Божественный источник монаршей власти, что делает образы властителей в его поэзии идеализированными, с другой — в «Фелице» он впервые изображает монарха как человека, наделенного индивидуальными чертами. Именно благодаря этой оде (точнее, гениально найденному Державиным «тону» об-

ращения к государыне) поэт был представлен Екатерине II. Мало того, содержащиеся в оде строки: «...ты народу смело / О всем, и въявь, и под рукой, / И знать и мыслить позволяешь, / И о себе не запрещаешь / И быль и небыль говорить; / Что будто самым крокодилам, / Твоих всех милостей золам, / Всегда склоняешься простить» (I, 142–143) — побудили императрицу смягчить следствие по делу об оскорблении Величества в Тамбове⁷. С «Фелицы», таким образом, в России началась обратная связь власти и литературы.

Эта связь была основана, разумеется, не на чине или звании поэта, не на его служебных успехах или особой компетентности в государственных делах. Державин и Екатерина общались *vis-a-vis*, минуя многие ступени иерархической лестницы; при этом «певец Фелицы» не был, как В. Петров, придворным поэтом. «Забавный» слог пришелся как нельзя более кстати, а маска Фелицы, т. е. просвещенной монархини, Екатерине чрезвычайно понравилась. В оде рисовались как уже свершившийся факт идеальные взаимоотношения поэта с властью: поэт не льстит, но говорит правду, беря в свидетели «весь мир» (и не его вина, что «правда» выглядит как лесть); монарх прислушивается к поэту, поскольку его устами говорит Истина⁸.

Почти идеально подобная диалогическая модель позже будет реализована в отношениях Александра I и Н. М. Карамзина, который приватно общался с государем, мог высказывать ему мнения по поводу самых разных государственных вопросов и даже вступать с ним в спор. Как пишет Н. Я. Эйдельман, «Карамзин говорил наверху обо всем; говорил сильно, как свойственно честному человеку. Он вообще — *за* эту систему и позволяет себе смелую критику именно потому, что *за*, потому, что мечтает об исправлении»⁹. В этом случае, замечает Н. Д. Кочеткова, «к государю обращался уже не тот, кто называл себя „нижайшим подножием“, но писатель, <...> считающий, что он имеет право на независимость своего мнения в вопросах истории, политики и морали»¹⁰.

Несколькими десятилетиями позже Тютчев в стихотворении, посвященном памяти Карамзина, точно выразил характер этих взаимоотношений:

... не сгибая выи
Пред обаянием венца,
Царю быть другом до конца
И верноподданным России¹¹.

В. Ю. Проскурина называет «Фелицу» главным поэтическим текстом эпохи, обозначившим параметры нового стиля¹². Это весьма точное наблюдение, поскольку литература в диалоге с властью, начиная с державинской оды, должна будет при любой смене характера правления искать новый стиль, этически и эстетически приемлемый для литературы и релевантный для власти.

Для Державина, даже после монаршего одобрения «Фелицы» (он получил в подарок золотую табакерку), это было весьма непросто, поскольку, надев «маски» на себя и государыню, он потерял ориентир как чиновник. В письме фрейлине Дашковой он спрашивает, кто и кого должен благодарить: Мурза Фелицу или Державин императрицу? Державин-чиновник рассчитывает на благодеяния¹³, но поэт стремится очистить себя от подозрений в излишней сервильности: «Может быть, не подумали ли, что я сего просил? Но сколько бы для меня выигрышнее, ежелибы удалось <...> от Фелицы <...> почерпнуть новые истины, новые души ее явления» (V, 367). Как пишет Е. А. Погосян, «неизвестно, что посоветовала ему Дашкова, <...>, но, видимо, совет состоял в том, что маски лучше не снимать и благодарить именно Фелицу и в стихотворной форме»¹⁴, что Державин и сделал, написав «Видение Мурзы». Но и в этой оде Державин считал необходимым дистанцировать себя как поэта от придворных льстецов, ищущих монарших милостей:

Но пусть им здесь докажет муза,
Что я не из числа льстецов,
Что сердца моего товаров
За деньги я не продаю (I, 160).

Цитируя известную строфу державинского «Памятника», Л. В. Пумпянский справедливо указывал, что в первом стихе строфы («в забавном русском слоге») поэт говорит «как», а во втором («о добродетелях Фелицы») — «что». «Ряд „что“ указывает на общее у него с Ломоносовым, „как“ — на отличие»¹⁵. Отличие «Фелицы» от «парящей» оды Ломоносова было настолько заметным, что современники откликнулись на нее целым рядом стихотворений. Среди них выделяется «Письмо к творцу оды, сочиненной в похвалу Фелице, царевне киргизкайсацкой» Е. И. Кострова. Умение Державина «воспеть» без одического восторга удивляет и восхищает Кострова:

Скажи, пожалуй, как без лиры, без скрипицы,
И не седлав притом парнаска бегунца,
Воспел ты сладостно деяния Фелицы
И животворные лучи ее венца?¹⁶

Державин во многих текстах, как поэтических, так и прозаических, подчеркивает, что, отказавшись от одического парения, он тверд в намерении быть полезным государям и государству. На иллюстрации к стихотворению «Храповицкому» изображена Шутка, подруга Момуса, с бичом и колокольчиками в руке, которая «показывает, что смехом надобно исправлять нравы» (II, 45–46). В «Видении Мурзы» Державин выражает свое поэтическое кредо:

Твои дела суть красоты.
Я пел, пою и петь их буду,
И в шутках правду возведу (II, 167–168).

Таким образом, правдивой для Державина является поэзия, обладающая «приятностью и способностью „трогать сердце“»¹⁷. Истина, по замечанию Н. Ю. Алексеевой, «противопоставляется Державиным вымыслу <...> не на основании правдоподобия <...>, а на основании испытанного при ее изображении чувства»¹⁸.

«Забавный» слог, которым Державин воспел Екатерину, ни в коей мере не означает, однако, низведения ее (как и других русских венценосцев, какой бы ни была оценка их правления) до уровня обычного человека, поскольку в оде, как пишет И. З. Серман, выражается не частное, а общее, не индивидуальное, а общенациональное¹⁹. В духовной оде «Молитва» сакрализация монаршей власти совершенно очевидна:

Твоей лишь воле в угожденье
В лице царя Твой образ чтит (II, 14).

Принцип создания образов монархов Державиным невозможно понять вне осмысления поэтом связи человека и Бога как единой цепи. В художественном мире Державина функции Бога и монарха вполне сопоставимы, поэтому черты духовной оды можно наблюдать и в оде торжественной:

В словесных тварях, бессловесных
У всех есть вождь и господин;<...>
Монарша цепь есть цепь сердец.

Царь мнений связь, всех действий причина,
И кротка власть отца едина —
Живого Бога образец (II, 295).

Процветание государства, имея в виду не только военные победы, Державин связывал с державной волей. Екатерина II у Державина «едина в трех лицах»:

Как мать, — своих спасала б чад;
Как царь, — на гордость двигла войски;
Как бог, — свергала злобу в ад (I, 291).

Такой палимпсест (палимпсест (*греч.*) — надпись поверх смытого текста на пергаменте) в создании образа монархии — явление новое и необычное: у Ломоносова, например, образ монарха (Петра I или Елизаветы Петровны) создан как идеал — то, что не поддается анализу. Образ Екатерины у Державина как будто разделен на три ипостаси: она человек, монарх и Бог. Таким образом, Екатерина и есть та «цепь», которая связывает Россию в единую державу.

Как справедливо пишет В. Ю. Проскурина, «„забавные игрушки“, „забавный слог“ означали, тем не менее, более, нежели отказ от одического парения или умения давать шуточные характеристики вельможам»²⁰. И «„стилистическая революция“ по отношению к теории „трех штилей“»²¹, о которой пишет исследовательница, — это, на наш взгляд, следствие новых отношений власти и литературы. Само по себе право поэта выбирать, «как» он будет писать о государе, политическая возможность такого выбора (что трудно было представить во времена, предшествующие правлению Екатерины II) — вот настоящая революция, автором которой был Державин. После нескольких стихотворений, написанных от имени Мурзы Багрима, по свидетельству поэта, «сама императрица несколько раз просила Державина, чтобы он писал стихи, подобные *Фелице*; но он, с одной стороны будучи занят важнейшими делами, а с другой, видя несправедливости, неохотно к этому приступал, так что во время служения своего при ней написал весьма немногие пьесы, и то с примесью нравоучения» (I, 496).

Так Державин демонстрировал собственную неангажированность властью, рискуя впасть в немилость. Двойственное положение поэта, таким образом, закрепилось в истории культуры, а в первой трети XIX века уже сложилось представление о том, что служба и занятие

поэзией несовместимы: поэзия самоценна и не может быть подчинена чьим бы то ни было, даже монаршим, вкусам и желаниям. Так, Пушкин отказался в 1826 году выполнить резолюцию Николая I на рукописи «Бориса Годунова» о том, что надо переделать «комедию <...> в историческую повесть или роман на подобие *Вальтера Скотта*»²², заявив, что «не в силах переделать однажды мною написанное»²³.

В течение всей своей творческой биографии Пушкин неизменно отстаивал право художника на свободу творчества, однако характер его отношений с властью изменялся. В юности поэт пишет дерзкие, вызывающе оппозиционные произведения, содержащие инвективы как против самодержавной власти вообще (ода «Вольность», 1817; «Кинжал», 1821 и др.), так и против царствующего Александра I («Двум Александрам Павловичам», 1813–1817; «Сказки. Noel», 1818 и др.). Не будучи предназначенными для печати, эти стихотворения широко распространялись в списках и апеллировали к общественному мнению. Политические стихотворения Пушкина вписывались в активно развивающуюся субкультуру декабристов. Тираноборческие мотивы, призыв к свободе, осознание миссии поэта как борца с «самовластием» и гражданина в политических стихотворениях К. Ф. Рылеева, В. К. Кюхельбекера, П. А. Катенина, В. Ф. Раевского и других делали невозможным прямое общение с властью. Такая авторская стратегия может быть охарактеризована как «непримиримая оппозиционность». Тем не менее, демонстрируя неприятие власти, поэты вступали с ней в своеобразный диалог.

По окончании ссылки в Михайловское, после личной встречи с царем 8 сентября 1826 года, Пушкин, по словам Ю. М. Лотмана, «верил, что ему довелось видеть великие исторические преобразования в момент их зарождения и что он сможет повлиять на их будущий ход»²⁴. Свой оптимизм поэт выразил в стихотворении «Стансы» (1826), в котором, как Державин в «екатерининских» одах, сравнивал царствующего монарха с Петром Великим. Следуя державинской традиции, поэт дает наставления самодержцу следовать примеру своего великого предшественника, сознавая свое право говорить «истину царям». В пушкинских «Стансах» создан образ просвещенного монарха, каким Николай Павлович *может* стать в будущем, причем набор качеств, которыми он должен обладать, вполне коррелирует с державинским представлением об идеальном самодержце, что позволяет проследить

преемственную линию «Петр Великий — Екатерина II — Николай I». Державин и Пушкин утверждали, что российский монарх должен радовать об Отечестве, «сеять просвещение», быть «на троне человек».

В 1830-е годы отношения Пушкина с властью усложнились: с одной стороны, в стихах 1831 года («Бородинская годовщина», «Анчар») Пушкин «воспитывает» царя, взывает к милосердию монарха; с другой — и это сближает Пушкина с Державиным, — поэт хочет удалиться от несовершенного жестокого мира. Ранее подобную стратегию диалога с властью после своей отставки избрал Державин.

Лирический герой стихотворения Державина «Евгению. Жизнь Званская» оберегает свое человеческое достоинство и не хочет терять творческую свободу: тот, кто при дворе, «зависит от людей»; он не желает «ни злата, ни честей», так как придворная жизнь суетна: требует «хлопот приказных», вводит человека в долги; и, наконец, он охраняет свою частную жизнь («согласие с женой», «покой») (II, 632–634).

В 1826 году А. С. Грибоедов писал в частном послании: «Кто нас уважает, певцов истинно вдохновенных, в том краю, где достоинство ценится в прямом содержании к числу орденов и крепостных рабов?»²⁵.

Ф. И. Тютчев, служивший, как и Грибоедов, в Государственной коллегии иностранных дел, в разное время исполнял обязанности поверенного в делах в Мюнхене и Турине, был чиновником особых поручений при государственном канцлере, цензором при Министерстве иностранных дел, а затем главой Комитета цензуры. За пять лет до своей кончины был произведен в тайные советники. М. П. Погодин скептически оценивал успехи Тютчева на дипломатической службе. Но не в этом, по его мнению, заключалась заслуга Тютчева: «Настоящей службой его была беседа в обществе!»²⁶. Если Державин считал «дело», т. е. службу, важнее «слова» — поэтического труда²⁷, точнее, служба была для него возможностью влиять на общественные нравы, то у романтика Тютчева слово — это и есть дело, акт социальной значимости:

Слово — в силе и почтенье,
Как живое откровенье!³⁸.

Представление о взаимоотношениях поэта и власти у Тютчева с течением времени менялось. В ранней лирике это отношение было абстрактным, власть для поэта была надличностной, неперсонифицированной силой. В 1840 году это представление поэта-романтика он

выразил в стихотворении «Живым сочувствием привета...», адресованном великой кн. Марии Николаевне:

Поэт, я знаю, суеверен,
Но редко служит он властям.
Перед кумирами земными
Проходит он, главу склонив,
Или стоит он перед ними
Смущен и гордо-боязлив...<...>
Но если вдруг живое слово
С их уст, сорвавшись, упадет, <...>
О, как в нем сердце пламенеет!
Как он восторжен, умилен!²⁹

Однако позже у Тютчева появляются стихотворения, в которых он не только прямо откликается на события в мире, важные, а порой и судьбоносные для России — поэт стремится повлиять на принятие важных политических решений. Тютчев-чиновник мог бы удовлетвориться исполнением своих обязанностей и «достигнуть степеней известных». Однако Тютчев-поэт, как и Державин, искал способ сообщить монарху о своем видении проблем российской внешней политики. Стихотворения 50–60-х годов призывают, пророчествуют, предупреждают, и в некоторых из них («Александру Второму», «Хотя б она сошла с лица земного...» и др.) прямо называется или угадывается венценосный адресат.

Как Державин создавал образы монархов не такими, какие они есть в настоящем, но какими они должны быть в идеале, так Тютчев, предназначая русскому императору стать во главе православной силы, которая способна спасти Европу от «разрушительной бури революции», приписывает ему высокие душевные качества. После Манифеста Николая I от 14 марта 1848 года по поводу революционных событий в Австрии и Пруссии Тютчев в поэтическом тексте приводит прямые цитаты из этого документа и выделяет их курсивом:

Но *с нами бог!* Сорвавшись со дна,
Вдруг, одурев, полна грозы и мрака,
Стремглав на нас рванулась глубина, —
Но твоего не помutilа зрака!..
Ветр свирепел. Но... *«Да не будет тако!»* —
Ты рек, — и вспять отхлынула волна³⁰.

Как пишет В. А. Твардовская, «строки восхищения и высокой похвалы, адресованные императору или императрице в его стихах, были своего рода пропагандой тех качеств, которые он хотел видеть в монархе, формой агитации за „хорошего царя“»³¹:

Но есть еще один приют державный,
Для правды есть один святой алтарь:
В твоей душе он, царь наш православный,
Наш благодушный, честный русский царь!³²

Российская внешняя и внутренняя политика привела, однако, к тому, что «священный характер единодержавия и религиозный ореол монархического владычества потускнели и выветрились под напором совершившихся исторических фактов»³³, что позволило Тютчеву давать нелицеприятные оценки не только действиям монарха, но и ему самому, как в короткой эпитафии Николаю I: «Не богу ты служил и не России, / Служил лишь суете своей»³⁴. Даже в «царе с евангельской душой» — Александре II — он не видел монарха, который может править Россией в сложные времена.

Как справедливо заметил П. М. Бицилли, «разлад между „культурой“ и „политикой“ существует всегда. Как и в чем он проявляется, как „политика“ „сжимает“ „культуру“ — этим и определяется сущность каждого данного исторического момента»³⁵. Иными словами, «сжимаемая» политикой культура (в данном случае — поэзия) должна искать код общения с властью.

Показателен в этом смысле случай, когда в начале царствования Павла I Державин, «назначенный в правители канцелярии верховного совета, несколько раз просил у государя инструкции, и наконец, своею настойчивостью навлек на себя гнев царский» (II, 16). Для того, чтобы вернуть расположение государя, Державин написал оду «На Новый 1797 год», которая «полюбилась и имела свой успех» (II, 17) — в результате ему было позволено по-прежнему бывать во дворце. То, что не удалось чиновнику, удалось поэту.

Нечто подобное испытывал и Тютчев. К. В. Пигарев пишет, что «с назначением Тютчева вторым секретарем при миссии ему поручается составление депеш <...>. И в тех случаях, когда предмет интересовал поэта, составляемые им депеши превращались в своеобразные литературные произведения»³⁶. Известен случай, когда депеша, составленная

Тютчевым и содержащая ясную дипломатическую программу, не была отправлена в Петербург, поскольку была написана «в такой шутливой и ироничной форме, что тогдашний посланник в Мюнхене кн. Г. И. Гагарин нашел депешу „недостаточно серьезной“»³⁸. Но если официальное обращение к государю было Тютчеву «не по чину», то обращение поэтическое вполне могло дойти до адресата³⁹. Политическая лирика Тютчева — это тот язык, на котором поэт мог говорить с властью. В этом смысле Тютчев стал преемником Державина с его «забавным слогом», который пришелся весьма кстати в царствование Екатерины II.

По справедливому замечанию О. В. Алексеевой, «поэтическое воплощение обоих субъектов одического дискурса (поэта и лица, которому адресована ода — С. Г.) связано с образом всей страны: поэт, декларируя в своей речи идеи, предназначенные в первую очередь для верховного правителя государства, выступает от лица всей нации, а император, непосредственно творящий историю России, олицетворяет собою судьбу всей страны»⁴⁰. Примечательна в этом смысле ода Державина «На приобретение Крыма»: поэт вводит прямую речь не только от лица Марса, что отнюдь не редкость для «военных» од, но и от лица самой России:

«Не подвиги Готфридов храбрых,
И не крестовски древни рати —
Се мой теперь парит Орел!» (I, 185).

Получается, что поэт обращается к миру не как частное лицо, но как пророк, чьими устами говорит держава. Это право поэта дается не властью, но способностью, как позже скажет Л. Н. Толстой, понять «скрытую теплоту патриотизма» народа и выразить ее в эстетически совершенных произведениях.

В «Письме о цензуре» (1857), адресованном кн. Горчакову, Тютчев предупреждал: «Власти надо понять <...>, что правительство <...> ничего не сможет сделать ни во внутренней, ни во внешней политике, ни для своего блага, ни для нашего без сокровенной связи с самой душой страны, без полного и повсеместного пробуждения всех ее нравов и умственных сил»⁴¹. Это право и обязанность Тютчев признавал за людьми культуры, прежде всего, поэтами. Недаром в его лирике так много

обращений к национальным поэтам: Карамзину, Жуковскому, Фету, Ганке, Мицкевичу и др.

Уже в «Урании» (1819) поэзия метафорически передавалась через образ *Фароса*, т. е. маяка или путеводной звезды («Как Фарос для душ и умов освященных»). В более позднем стихотворном послании «К Ганке» Тютчев использует тот же образ, чтобы подчеркнуть заслуги чешского филолога и общественного деятеля Вацлава Ганки в просвещении славянского мира:

Вот, среди сей ночи темной,
Здесь, на пражских высотах,
Доблий муж рукою скромной
Засветил маяк впотьмах⁴².

Таким образом, поэт, используя художественное слово, получает возможность влиять на общественное мнение и, непосредственно или опосредованно, на власть, невзирая на сословные или иерархические барьеры. Именно в этом заключались авторские стратегии Державина и Тютчева в их диалоге с властью.

Примечания

¹ *Фоменко И. Ю.* Автобиографическая проза Г. Р. Державина и проблема профессионализации русского писателя // XVIII век. Л., 1983. Сб. 14. С. 149.

² *Морозова Н. П.* Русский писатель XVIII века в биографических преданиях // XVIII век. СПб., 1991. Сб. 17. С. 164.

³ *Панченко А. М.* О смене писательского типа в петровскую эпоху // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9. С. 124.

⁴ *Есипов В. В.* Диалог «художник и власть» как инновационный ресурс культуры: автореф. дис. ... канд. культурологии. СПб., 2007. С. 3.

⁵ *Зорин А.* «Кормя двуглавого орла...». Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001. С. 27.

⁶ *Фоменко И. Ю.* Автобиографическая проза Г. Р. Державина и проблема профессионализации русского писателя. С. 150.

⁷ См.: *Грот Я. К.* Жизнь Державина // Сочинения Державина. Т. VIII. С. 447.

⁸ См.: *Западов А. В.* Проблема литературного сервиллизма и дилетантизма и поэтическая позиция Г. Р. Державина // XVIII век. Л., 1989. Сб. 16. С. 56–75.

⁹ *Эйдельман Н. Я.* Последний летописец. М., 2004. С. 256.

¹⁰ *Кочеткова Н. Д.* Литературные посвящения в русских изданиях XVIII века. Ст. 2. Посвящения государю // XVIII век. СПб., 2004. Сб. 23. С. 46.

- ¹¹ Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. Письма: в 6 т. М., 2002. Т. 2. С. 167.
- ¹² Проскурина В. Ю. Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006. С. 214.
- ¹³ В письме к А. А. Безбородко от мая 1783 г. Державин жалуется на долги вследствие разорения деревень в Казанской и Оренбургской губерниях и надеется на монаршие благодеяния (Сочинения Державина. Т. 5. С. 367).
- ¹⁴ См.: *Погосян Е. А.* Уроки императрицы: Екатерина II и Державин в 1783 году // На меже меж Голосом и Эхом. Сб. статей в честь Т. В. Цивьян. М., 2007. С. 250–252.
- ¹⁵ *Пумпянский Л. В.* К истории русского классицизма // *Пумпянский Л. В.* Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М., 2000. С. 83.
- ¹⁶ *Костров Е. И.* Письмо к творцу оды, сочиненной в похвалу Фелицы, царевне киргизкайсацкой // Поэты XVIII века: в 2 т. Т. 2. Поэты 1780–1790-х годов. Л., 1972. С. 152.
- ¹⁷ *Алексеева Н. Ю.* Русская ода. Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб., 2005. С. 312.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ *Серман И. З.* Русский классицизм. Поэзия. Драма. Сатира. Л., 1973. С. 6.
- ²⁰ *Проскурина В. Ю.* Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины. М., 2006. С. 229.
- ²¹ Там же.
- ²² *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: в 17 т. М., 1947. Т. 13. С. 313.
- ²³ Там же. С. 317.
- ²⁴ *Лотман Ю. М.* Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб., 1995. С. 115.
- ²⁵ *Грибоедов А. С.* Соч. М.; Л., 1959. С. 585.
- ²⁶ *Погодин М. П.* Воспоминания о Ф. И. Тютчеве // Федор Иванович Тютчев. Лит. наследство. М., 1989. Т. 97, кн. 2. С. 25.
- ²⁷ В. Г. Белинский писал: «Известно всем <...>, что Державин свое чиновническое поприще ставил выше, т. е. дельнее своего поэтического поприща» (*Белинский В. Г.* Собр. соч.: в 3 т. М., 1948. Т. II. С. 8).
- ²⁸ *Тютчев Ф. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 85.
- ²⁹ Там же. С. 187.
- ³⁰ Там же. Т. 2. С. 15.
- ³¹ *Твардовская В. А.* Тютчев в общественной борьбе пореформенной России // Ф. И. Тютчев: Pro et contra. СПб., 2005. С. 779.
- ³² *Тютчев Ф. И.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 169.
- ³³ *Гроссман Л. П.* Тютчев и сумерки династий // Ф. И. Тютчев: Pro et contra. СПб., 2005. С. 385.
- ³⁴ *Тютчев Ф. И.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 73.
- ³⁵ Бицилли П. М. Державин – Пушкин – Тютчев и русская государственность // Сб. статей, посвященных П. Н. Милокову. 1859–1929. Прага, 1929. С. 368.
- ³⁶ Там же. С. 17.
- ³⁷ *Пигарев К. В.* Ф. И. Тютчев и проблемы внешней политики царской России // Федор Иванович Тютчев. Лит. наследство. Т. 97. С. 181–182.

³⁸ Там же. С. 182.

³⁹ Тютчев, например, как поэт, а не как чиновник, находился в личной переписке с дочерью Николая I великой княгиней Марией Николаевной.

⁴⁰ *Алексеева О. В.* Категория времени в русской поэзии конца XVIII – начала XIX веков: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. С. 15.

⁴¹ *Тютчев Ф. И.* Полн. собр. соч. Т. III. С. 207–208.

⁴² Там же. Т. I. С. 188.



Н. С. Крылов

Министерская служба Г. Р. Державина (по материалам Российского государственного исторического архива)



Пятого августа 1816 года император Александр I адресовал высочайший рескрипт тогдашнему министру юстиции Д. П. Трощинскому, которому, в частности, писал: «...поручаю вам усугубить надзор <...> чтобы бедные и угнетаемые находили в судах защиту и покровительство, чтобы право судей не было помрачено ни пристрастиями к лицам, ни мерзким лихоимством, Богу противным и Мне ненавистным, и чтобы обличаемые в сем гнусном пороке нетерпимы были в службе и преследуемы со всею строгостию законов»¹. Слова эти были написаны через 13 лет после того, как Гавриил Романович Державин оставил пост юстиц-министра. Министерство юстиции было учреждено 8 сентября 1802 года. Учреждая Министерство юстиции и назначая Державина первым руководителем этого ведомства, государь руководствовался теми же самыми чаяниями, которые высказал державинскому преемнику 14 лет спустя. В какой мере удалось Гаврииле Романовичу осуществить эти чаяния за 13 месяцев своего министерского служения?

Главные перипетии министерской службы Державина достаточно подробно характеризуются им самим в его автобиографических записках². Сегодня приходится с сожалением констатировать, что первый биограф Г. Р. Державина Я. К. Грот, дополняя воспоминания своего героя прочими источниками, совсем не воспользовался документами из архивов Министерства юстиции и Канцелярии генерал-прокурора, применительно к министерскому периоду державинской биографии! Дело в том, что в тот самый, 1880-й год, когда первый том этого фундаментального труда был выпущен в свет, в Сенатском архиве, где поме-

щались также генерал-прокурорский и юстиц-министерский архивы, начала работать печально знаменитая комиссия во главе с сенатором Г. К. Репинским. Результаты двадцатипятилетней деятельности этой «разборной» комиссии без преувеличения можно назвать катастрофическими для нашей исторической науки. Так, из 5578 дел, которые значатся в первой описи фонда Министерства юстиции за 1803 год, сегодня осталось только 432 дела. Дел за 1802 год в этом фонде не сохранилось вообще. Вероятно, их следовало бы отыскивать в генерал-прокурорском фонде, поскольку до 7 января 1803 года Министерство юстиции еще не имело собственной канцелярии и все дела производились прежней канцелярией генерал-прокурора, должность которого совмещалась с должностью юстиц-министра. Однако в генерал-прокурорском фонде сегодня наберется не более сотни дел, в которых можно найти документы за последние 4 месяца 1802 года, когда генерал-прокурором был Державин. Причем большая часть этих дел заведена еще при его предшественниках, дела же, производство которых началось уже при Державине, можно пересчитать по пальцам. А ведь их должно было быть не менее тысячи, если судить по масштабам делопроизводства за 1803-й и более поздние годы. Лишь исходя из таких приблизительных оценок, можно сегодня судить о потерях генерал-прокурорского фонда, поскольку «разборная комиссия» сенатора Г. К. Репинского не сохранила даже его первоначальные описи.

Впрочем, вряд ли стоит слишком строго осуждать комиссию и ее руководителя за такое варварское отношение к историческим документам — ситуация в те годы на самом деле казалась безвыходной. К 1880 году все полки на трех этажах Сенатского архива были забиты до отказа. Вновь поступающие из сенатских и министерских канцелярий дела приходилось сваливать прямо на полу в коридорах между стеллажами. А ведь поступало их от 40 до 60 тысяч каждый год!³ Правда, вновь назначенный в 1908 году инспектором архива статский советник Иван Андреевич Блинов сумел не только остановить «макулатурную вакханалию» в Сенатском архиве, но и вернуть туда многие документы, которые в описях значились уже уничтоженными, но на деле были разосланы Г. К. Репинским по разным университетам на предварительную экспертизу. Блинов рассчитывал, что Сенатское начальство поддержит его идею о строительстве нового здания для архива, о чем он просил в рапорте за 1908 год⁴. Денег на новое здание у Се-

ната не нашлось. Да и никакое новое здание не помогло бы решить проблему дефицита архивных помещений, которая и поныне остается столь же актуальной не только для отечественных, но и для большинства зарубежных архивов (возможно, переход от бумажного документа к электронному поможет разрешить проблему дефицита архивных помещений). Впрочем, для Сенатского архива эта проблема была решена самым радикальным образом еще в 1917 году — путем ликвидации самого фондообразователя, т. е. Правительствующего Сената, канцелярии которого с тех пор и перестали пополнять архивохранилища завершенными делами, так же, как и прочие тогдашние петроградские учреждения-фондообразователи перестали пополнять свои ведомственные архивы, сконцентрированные ныне в стенах Российского Государственного Исторического архива, хранящего фонды исключительно «мертвых», т. е. ликвидированных учреждений.

Итак, история одного из таких «мертвых» учреждений — Министерства юстиции Российской империи — представлена сегодня только 432 делами за 1803 год. Из них к сегодняшнему дню удалось просмотреть 107 дел (а из фонда генерал-прокурорской канцелярии за 1802 год — 66 дел). Выборка не слишком репрезентативная, если учесть, что общее количество дел Министерства юстиции за 1803 год достигало 5578 единиц. Просмотренный массив документов можно использовать лишь в качестве иллюстрации для предварительной характеристики стиля работы российской Фемиды и особенно министерской ее инстанции. Что касается особенностей державинского, персонального стиля работы, то сохранившиеся материалы позволяют ограничиться самыми приблизительными суждениями гипотетического характера.

О своей министерской карьере оставил воспоминания сам Державин в своих «Записках». Основываясь главным образом на них, об этом писали Я. К. Грот и другие авторы⁵.

Обратимся к архивным делам, подавляющее большинство которых до сих пор не видел ни один исследователь. Первым из таких источников будет дело купца второй гильдии М. П. Гендрикова.

Еще в мае 1802 года московский купец второй гильдии М. П. Гендриков подал тогдашнему генерал-прокурору А. А. Беклешову жалобу на московского губернского прокурора Бессонова, который продержал Гендрикова под караулом, «устранивая <...> многими угрозами» за то,

что тот отказывался выплатить жалование крестьянину бывшего генерал-прокурора П. Х. Оболянинова⁶. Никакие оправдания Гендрикова, который заявил, что он сполна расплатился с этим крестьянином за его работу на шелковой фабрике, Бессоновым приняты не были, поскольку, как оказалось впоследствии, Бессонов приходился родственником всемогущему еще недавно Оболянинову. Беклешов, как полагается, запросил объяснения от прокурора Бессонова — на каком основании тот входит «в разбирательство просьбы, которая относится до присутственных мест», добавляя, что «господам губернским прокурорам не свойственно быть полицмейстером, ниже судьей и тем менее, что он есть ходатай по делам безгласных и утесненных, следовательно есть роль побудителя на лица и суды, власть на исполнение имеющие, а не сам исполнитель, а особенно, когда он еще и строптив»⁷.

Бессонов 9 июня 1802 года отвечал, что всего-навсего запрашивал Гендрикова, на которого жаловался обиженный им крестьянин, и только когда сам Гендриков вдруг начал буйствовать, оскорбляя прокурора, то уже не он, Бессонов, а Губернское правление в полном своем составе отправило Гендрикова в 1-й магистрат «для поступления по законам». Да и прежде этот Гендриков отличался буйством и дерзостью по отношению к губернскому начальству⁸. Беклешов поверил на слово своему прокурору и 27 июля 1802 года на его рапорте появилась собственноручная помета Александра Андреевича: «поелику жалоба оказалась ложною, оставлено без действия»⁹. Тем временем Бессонов добился в Губернском правлении, чтобы Гендрикова отдали под суд 1-го уголовного департамента Московского магистрата за то, что тот оскорбил его, якобы назвав «ворам потатчиком». Шесть месяцев Департамент расследовал это «тяжкое» обвинение, и, наконец, один из членов Департамента конфиденциально сообщил Гендрикову, что Бессонов так запугал членов Магистрата, что если Гендриков не уладит дела полюбовно, то его приговорят к лишению честного имени и отдадут в рекруты. И, поскольку Гендриков, не чувствуя себя виноватым, не счел нужным мириться с Бессоновым, Магистрат и впрямь вынес решение, которое и поступило на ревизию в Московскую палату уголовного суда.

Гендриков 29 января 1803 года подает жалобу уже новому генерал-прокурору и первому министру юстиции Гавриле Романовичу Державину¹⁰.

О дальнейшем ходе дела приходится судить лишь по новой бумаге от Гендрикова на имя Державина. На этот раз последний уже не столько просит, сколько, пожалуй, благодарит Державина. В Москве теперь новый губернский прокурор, назначенный вместо Бессонова, — Николай Алексеевич Дьяков, «в котором, — пишет Гендриков, — я уверен, да и все, которые до него были в притеснении, все получают законное удовлетворение, истинно Бог нам послал такого патриота, которой ревнитель добрым делам и законности, справедливость, это не я говорю один, а истинно и целое общество. Столько мы им обязаны и благодарны его наставлениям и когда было у нас собрание сего мая 12 числа, когда он пришел к нам, тогда мы его встретили с великою радостью и восторгом...»¹¹. Мы, к сожалению, можем только гадать, когда и по какому поводу был отставлен московский прокурор Бессонов и на его место назначен Николай Алексеевич Дьяков — родной брат жены Державина. Дело об увольнении Бессонова в 1-й описи фонда Министерства юстиции в РГИА значится выбывшим, т. е. было уничтожено комиссией Репинского, равно как и дело о назначении военного советника Дьякова прокурором в Москву¹². Известно только, что 31 марта 1803 года, когда был составлен формулярный список Дьякова, он оставался еще военным советником¹³. 13 апреля того же года ему, уже как московскому прокурору, адресовано распоряжение Державина о необходимости исправления беспорядков в московских судебных местах. Распоряжение это опять-таки было уничтожено «разборной» комиссией и даже даты его не отмечено в описи, равно как и фамилии адресата¹⁴. Но, к счастью, в алфавитном указателе к этой описи отмечено то и другое¹⁵. Таким образом, назначение Дьякова состоялось между 31 марта и 13 апреля 1803 года. Скорее всего, как раз 31 марта, по какому случаю и был составлен его формулярный список, в котором он помечен еще военным советником. Возможно, что не сохранившееся распоряжение Державина от 13 апреля хотя бы отчасти было мотивировано «гендриковской жалобой». Само же «гендриковское дело», сохранившееся в фонде канцелярии генерал-прокурора в РГИА, заканчивается ордером Державина от 17 июня 1803 года, в котором он, в частности, пишет своему шурину: «...вам же поручаю наблюдать о законном и поспешнейшем окончании оногo»¹⁶.

Далее интересоваться результатами дела у министра не было никаких оснований, да и никакого времени, ибо в течение года в его канце-

лярию поступило 5578 такого рода дел. По составленному же им самим для себя режиму дня на просмотр письменных дел было отведено время с 6 до 10 часов вечера в каждое воскресенье, понедельник, среду, четверг и субботу (тогда как остальное время уходило на прием посетителей, доклады императору, заседания в Сенате, Комитете министров и т. п. дела, причем без выходных)¹⁷. Получается, что на просмотр одного дела (за вычетом месячного отпуска) приходилось порядка 20 минут. За это время едва можно было успеть прочесть самое тонкое дело из двух-трех листов, сочинить резолюцию и отзывы и затем, проверив их переписанными набело, подписать. А когда же он успевал прочитывать и решать дела, которые достигали размеров солидного тома в 2–3 сотни листов? Очевидно, приходилось урезать из тех часов, которые, согласно помянутому выше расписанию, он ежедневно отводил себе на домашние и опекунские хлопоты (с 5 до 7 утра), и на «беседу приятелей» (с 10 до 11 вечера), да еще, вероятно, на еду и на сон. Даже если бы у министра и было больше времени для того, чтобы тщательно разобраться в каждом деле, как бы он все-таки мог решить, кто прав, а кто виноват, хотя бы в деле, подобном гендриковскому? Мы сегодня, сколько ни будем его перечитывать, все-таки не найдем в нем никаких формальных доказательств к обвинению или оправданию истца или ответчика. Поэтому, безусловно, прав был Державин, уклоняясь от ответа на этот вопрос, ибо, увольняя прокурора Бессонова, Державин отнюдь не признавал справедливыми выдвинутые против него Гендриковым обвинения. В противном случае Бессонова следовало не просто уволить, а предать суду за преступление по должности. Поскольку не существовало никакой процедуры временного отвода прокурора от дела по подозрению его в пристрастном влиянии на членов суда (да и временное отстранение, если влияние уже имело место, не могло бы гарантировать судебной независимости), министру юстиции не оставалось ничего другого, как уволить прокурора, если подозрение казалось достаточно обоснованным. Увольнение в данном случае, строго говоря, нельзя рассматривать как наказание, хотя общественное мнение, разумеется, судит иначе, учитывая материальный и моральный ущерб, который несет в таких случаях увольняемый.

К московскому прокурору Бессонову у Державина могли быть претензии и помимо «гендриковского дела». Так, некий Олсуфьев жаловался на него за то, что тот, невзирая на просьбы матери просителя, от-

казывался привести в исполнение приговор Сената по ее делу (само дело по этой жалобе, к сожалению, выбыло, так что приходится довольствоваться лишь заголовком его, сохранившемся в 1-й описи фонда Министерства юстиции)¹⁸. Одним словом, пришлось Бессонову подавать прошение об увольнении (о чем также приходится судить только по заголовку в описи)¹⁹. А то, что, назначая на его место своего шурина, Державин руководствовался не столько соображениями родства и свойства, сколько деловыми качествами назначаемого, можно заключить из того восторженного отзыва о Николае Алексеевиче Дьякове купца Гендрикова от имени Московского купечества, который цитировался выше. Наоборот, родство с Державиным могло послужить к увольнению Дьякова. Действительно, после того как был уволен его патрон, состоялось увольнение Дьякова. Судя по нумерации недатированного заголовка во 2-й описи фонда Министерства юстиции и алфавиту к описи, это произошло примерно во втором квартале 1804 года²⁰.

Рассмотрим еще один пример решения Державиным проблемы из области правосудия посредством применения административных рычагов. 23 мая 1802 года к предместнику Державина А. А. Беклешову поступил донос на ряд злоупотреблений касимовского городничего Губарева, которого покрывал его сын — рязанский губернский прокурор Губарев, сам всячески притеснявший местных жителей вместе с совестным судьей Юрьевым. Донос был подписан лишь инициалами «В. Р.». Это, очевидно, дало формальные основания Беклешову игнорировать полученный сигнал, поскольку анонимные доносы не подлежали формальному рассмотрению в присутственных местах. 25 сентября, как только Державин приступил к исполнению своей должности, тот же, судя по почерку корреспондент, но уже подписавшийся латинскими инициалами «L. R.», опять пишет о злоупотреблениях семейства Губаревых. На сей раз он прежние факты дополняет историей о том, как касимовский помещик Чихачев заперол до смерти нескольких своих крестьян по подозрению в колдовстве, о чем был поставлен в известность городничий Губарев. Последний, однако, не приняв каких-либо мер, сам продолжал грабить местных купцов и крестьян, пользуясь покровительством своего сына-прокурора²¹.

Державин, в отличие от своего предшественника, не воспользовался правом проигнорировать анонимное донесение и сочинил секретную

инструкцию коллежскому асессору Злобину. Согласно ей, тот, отправляясь в отпуск к астраханским теплым водам, по дороге должен был остановиться в Касимове и Рязани и, разведав негласно все обстоятельства дела, донести Державину²². Очевидно, Злобин оказался не просто удачно подвернувшимся под руку отпускником. Именно ему Державин поручал состоять при себе во время приема в собственном доме посетителей по четвергам и субботам от 8 до 12 часов утра, собирать нужные справки и докладывать по срочным делам²³. К сожалению, в деле нет отчетов Злобина о выполненном им поручении. Приходится констатировать, что общепринятые обряды делопроизводства соблюдались в генерал-прокурорской, а затем и в министерской канцелярии порою небрежно. Чуть ли не в каждом деле не хватает по нескольку входящих бумаг и отпусков исходящих. Причем вряд ли этот факт можно объяснить недостаточностью персонала. В распоряжении Державина из бывшей генерал-прокурорской канцелярии, за вычетом тех лиц, которые были переданы во вновь учреждаемую канцелярию министра внутренних дел, оставалось 43 человека, включая канцеляристов и коллежских юнкеров²⁴ (к которым можно было нанимать еще «вольных», т. е. сверхштатных копиистов, на что выделялась специальная сумма). По нынешним меркам это крайне мало, учитывая, что этим и ограничивался весь персонал Министерства юстиции, не считая самого министра. Но Державину и этого казалось, видимо, достаточно, так как в начале октября 1802 года он предлагал военному министру С. К. Вязмитинову забрать для своего министерства из генерал-прокурорской канцелярии несколько чиновников, но тот отказался²⁵. Вероятно, поэтому высочайше утвержденным 7 января 1803 года штатом в Канцелярии министерства юстиции полагалось только 28 человек²⁶. Одним словом, о результатах секретного расследования Злобиным рязанских злоупотреблений приходится судить лишь по косвенным данным. Во-первых, уже к началу 1803 года место рязанского губернского прокурора оказалось вакантным, т. е. Губарев был уволен, поскольку приблизительно в январе этого же года, судя по нумерации, в 1-й описи фонда Министерства юстиции значится уже дело (не сохранившееся) по письму статс-секретаря Н. М. Муравьева о назначении губернским прокурором в Рязань коллежского асессора Клечановского²⁷. Что же касается серьезных обвинений помещика Чихачева, то они тоже, надо полагать, подтвердились, хотя бы отчасти. Во всяком случае, в том же

году в Министерстве юстиции рассматривался рапорт рязанского губернского стряпчего Каменева «о противузаконных поступках Чихачевых»²⁸. Почему об этих поступках докладывал стряпчий, а не его прямой начальник — губернский прокурор Клечановский или тайный дознаватель Злобин, и чем кончилось это дело — приходится только гадать, поскольку и оно было уничтожено.

За 13 месяцев своего министерского служения Державину приходилось еще дважды делать назначения на вакансии губернских прокуроров: в январе 1803 года он назначил в Кавказскую губернию сына сенатора, и, следовательно, человека ему хорошо знакомого, Петра Ананьевского, исхлопотав ему при этом стоятидесятирублевую прибавку к мизерному жалованию в 600 рублей в год²⁹ (для сравнения: 750 рублей в год получал помощник архивариуса в Канцелярии Министерства юстиции³⁰). При преемнике Державина — П. В. Лопухине — Ананьевский был перемещен с Кавказа с тем же чином в Новгородскую губернию³¹, и, следовательно, зарекомендовал себя на Кавказе недурно. О втором случае будет сказано ниже.

Увольнение прокурора все-таки было крайним средством воздействия на это главнейшее звено всего министерского администрирования Державина. Кстати, хотя коронные судьи, возглавлявшие судебные палаты и прочие суды, в кадровом отношении также в немалой степени зависели от министра юстиции, Державин, как видно из сохранившихся документов, никогда не адресовал им никаких ордеров и распоряжений, предпочитая обращаться к прокурорам, если надо было побудить суды ускорить рассмотрение дел. В одном деле, связанном с неудовольствием просителя на председателя С.-Петербургской палаты гражданского суда, Державин прямо говорит: «...в разбирательство оных, яко обстоятельства, до меня не принадлежащего, вмешиваться ни прав, ни желания не имею»³², очевидно, уважая принцип независимости суда. Что же касается прокуроров, то для них в первые же дни своего вступления в должность Державин сочиняет циркулярный ордер от 26 сентября 1802 года, в котором напоминает об обязанностях следить за злоупотреблениями во всех судах и присутственных местах вверенных их надзору губерний³³. Любопытно, что его предшественник генерал-прокурор А. А. Беклешов в циркуляре от 31 января 1802 года главный акцент делал на строжайшем предписании прокурорам не мешаться в дела, до них не касающиеся³⁴. Впрочем, и державин-

ская инструкция содержит в себе некую мину, способную подорвать всю вертикаль прокурорской исполнительности.

Четвертым пунктом своего циркуляра Державин требовал, кроме ведомостей, которые прокуроры и прежде обязаны были присылать генерал-прокурору — именных по делам и перечневых о колодниках, присылать ему еще и ежемесячные ведомости о следственных и уголовных делах, в которых подробнейшим образом указывать, когда и почему дело началось, где слушалось, куда попало на ревизию, сколько по нему содержится арестантов, как они содержатся и т. п.³⁵ А ведь по его же сведениям, одних только нерешенных уголовных и следственных дел оставалось к 23 сентября 1802 года 10 737, а вместе с делами по гражданским и казенным тяжбам, о которых тоже надо было докладывать, — 56 102, да по ним содержалось под стражей 4649 колодников³⁶. Это какой же аппарат нужно было бы иметь на местах, чтобы ежемесячно заполнять все эти ведомости? Самые исполнительные из губернских прокуроров пытались высказать недоумения по поводу этих невыполнимых требований. Например, вологодский прокурор Борноволоков пытался уточнить: может быть, сообщать только число таких дел?³⁷ Казанский прокурор Овцын даже сочинил форму упрощенной ведомости, чтобы хоть чуть-чуть облегчить невыполнимую задачу³⁸. Эстляндский прокурор Беллинсгаузен, с немецкой педантичностью, прислал ведомость о 7 колодниках и жаловался, что уездные присутственные места игнорируют все его требования о присылке ежемесячных ведомостей³⁹. Костромской прокурор Новиков (а во время его отсутствия — подчиненные ему стряпчие) регулярно присылал «ведомости», в которых писал под копирку одно и то же о том, что в его губернии «пристрастных допросов, истязаний и обвинений невинных не происходило»⁴⁰. Остальные же прокуроры либо просто проигнорировали невыполнимое требование, либо вообще никак не ответили на циркулярный ордер министра, кроме с.-петербургского прокурора Николая Харламова, который один честно написал в декабре 1802 года, что за один только октябрь месяц ему едва к концу ноября доставили более 20 тетрадей таких ведомостей только из 4 присутственных мест. Это не считая уездных судов и магистратов, из которых ведомости еще не доставлены. Поэтому сочинить из них генеральную ведомость за октябрь он сможет неизвестно когда и потому просил разрешения министра ограничиться ведомостью от одной только палаты уголовного

суда, куда все равно поступают на ревизию дела из всех нижних судебных мест⁴¹.

Может быть, Державин к тому времени уже убедился в абсолютной неисполнимости своих требований. Однако беда заключалась в том, что он поторопился утвердить свой ордер, во-первых, постановлением Комитета министров, а во-вторых, высочайшим указом (изданным по поводу жалобы эстляндского прокурора на нежелание уездных учреждений исполнять предписания министра)⁴², а следовательно, и отменять это невыполнимое требование своей властью министр юстиции был уже не вправе. Удивительно, что и Комитет министров и император, которому Державин докладывал о количестве нерешенных дел, не предусмотрели, что если бы по всем хотя бы только этим делам в Министерстве юстиции ежемесячно поступали требуемые ведомости, то в первый же год все помещения Министерства были бы завалены кучами бумаг, которые ни министр, ни его помощники физически не смогли бы прочесть, не говоря уже о полной невозможности эти ведомости заполнять. Кстати, некоторые прокуроры, отвечая на циркуляр Державина, высказали довольно дельные соображения. В частности, вологодский прокурор Борноволоков предлагал, чтобы уездные стряпчие назначались бы Губернскими правлениями, но по предложению губернского прокурора, дабы иметь «людей достойных делаемого им доверия, ему известных и таких, кои бы, не взирая на лица сильных, были твердою подпорою закона и прав и ревностными защитниками пользы интересов Его Императорского Величества и ходатаями утесняемых»⁴³. Державин, казалось бы, никак не отреагировал на предложение Борноволокова, но вот в высочайшем указе от 4 февраля 1803 года появляется пункт под № 7, в котором предписывается «уездных стряпчих по-прежнему определять Губернским правлениям, но только не иначе, как по представлениям губернских прокуроров»⁴⁴. То есть пожелание скромного вологодского прокурора было реализовано. Любопытно, что в сенатском проекте этого указа, всеподданнейше доложенном Державиным, этого пункта еще нет⁴⁵. 5 января 1803 года Державин по высочайшему повелению представил проект указа на рассмотрение Государственного совета⁴⁶ (точнее, Непременного совета, как его теперь принято называть). Возможно, именно во время высочайшей аудиенции Державин устно предложил добавить этот пункт, почему государь и приказал рассмотреть вопрос в Государственном со-

вете, поскольку предложение исходило не от Сената, а лично от одного только министра. И уже по рассмотрении в Совете указ был опубликован, включая и пункт об уездных стряпчих. Попутно следует сказать, что именно в этом указе содержится положение о том, чтобы все вакантные места по всем ведомствам заполнялись по предложениям сенатской Герольдии.

Державин в своих «Записках» называет себя автором идеи строгой централизации кадровых назначений⁴⁷. Однако предложения по реформированию Герольдии разрабатывались ее директором О. П. Козодавлевым и утверждались сенаторами 1-го департамента Сената, среди которых подписи Державина не было⁴⁸. Может быть, тут имели место какие-то закулисные внушения министра. Впрочем, особого значения этот факт не имеет, так как идея, как признавал и сам Державин в «Записках», практически не была реализована. Что же касается уездных стряпчих, то вскоре уже просто явочным порядком их стали не только назначать на должность по представлениям губернских прокуроров, но и награждать чинами и прочими наградами, с подачи тех же прокуроров, ходатайствами министра⁴⁹. Затем Державин поставил перед Сенатом вопрос о процедуре увольнения неспособных губернских и уездных стряпчих, и сенатским указом было дозволено губернским прокурорам представлять об увольнении таковых в Губернское правление. Высочайшее утверждение этого указа последовало уже после увольнения Державина 29 февраля 1804 года⁵⁰. Таким образом прокурорская вертикаль получила свое завершение. Однако требовалось еще и защищать ее при столкновении с прочими вертикалями, и в первую очередь, с вертикалью исполнительной власти, которая после учреждения министерств 8 сентября 1802 года окончательно вышла из-под контроля генерал-прокурора, отойдя в ведение министра внутренних дел. Об одном из примеров столкновения этих вертикалей на губернском уровне рассказывает в своих «Записках» Ф. Ф. Вигель. Его отец, Филипп Лаврентьевич Вигель, служил губернатором в Пензе⁵¹.

В качестве примера можно рассмотреть конфликт между прокурорской и исполнительной властью в Казанской губернии. Так, 21 ноября 1802 года Казанский губернский прокурор Александр Николаевич Овцын писал в очередном рапорте Державину: «...не имев счастья лично быть известным Вашему высокопревосходительству, я за единственный поставил для себя долг тщательным исполнением обязанностей

моего звания, моими делами соделаться достойным Вашего благоволения. Лестный для меня отзыв Вашего высокопревосходительства, полученный с минувшею почтою, оправдал мою надежду и дал мне чувствовать, сколь приятно содействовать к пользе общей и к благу человечества под мудрым начальством...». Далее прокурор с прискорбием сообщал, что прибывший в октябре того же года в Казань новый губернатор Николай Иванович Кацарев, на которого он возлагал самые радужные надежды, с первого дня начал самым оскорбительным образом игнорировать все губернаторские представления по самым важным делам, в том числе и по делу купца Исхакова, подозреваемого в убийстве своей жены. И, «взамен объяснений на пользу службы, дал чувствовать, что ни советы мои, ни приобретенные опытами о состоянии губернии сведения у него места иметь не могут». Затем своим самоуправством и самовластием он практически срывает рекрутский набор, принимая от родственников рекрутов жалобы о взятках, которые нет никакой возможности подтвердить. Секретарь губернатора Ключарев уже прямо похваляется, что скоро он станет новым губернским прокурором. А поскольку Кацарев, по словам Овцына, был хорошо знаком Державину по совместной службе в Коммерц-коллегии, то Овцын и просит разрешения лично явиться к Державину для оправдания своих действий и для «испрошения увольнения от службы, которую продолжать там, где строптивость <...> не нахожу в себе ни сил, ни терпения»⁵². Возможно, что такое отношение только что назначенного губернатора объяснялось тем, что еще до приезда его в Казань Овцын уже жаловался Державину на то, что местное Губернское правление не принимает должных мер «к открытию виновных и злоупотреблений» в Царевококшайском уездном суде⁵³. Ведь с 8 сентября 1802 года губернаторы, как и подведомственные им Губернские правления, не зависели больше от генерал-прокуроров. У них появилось новое начальство в лице первого министра внутренних дел графа В. П. Кочубея, который, как наверняка было известно и Кацареву, находился далеко не в лучших отношениях с первым министром юстиции Державиным. Между прочим, такое разделение судебной и исполнительной власти пошло на пользу как раз губернским прокурорам, которые теперь обрели своего особого патрона и потенциального покровителя в лице министра юстиции. Прежние же генерал-прокуроры, командуя не только местной прокурорской, но и губернской властью, не имели никаких мо-

тивов защищать прокуроров от губернаторов в случае каких-либо конфликтов. Впрочем, Кацарев не решился совсем игнорировать министра юстиции, хотя тот более не был для него начальником, послал ему встречную жалобу на прокурора Овцына в том, что он превысил свою власть, сделав «предписание» секретарю губернского правления, угрожая в случае неисполнения «взыскать по всей строгости законов», да и еще вменив ему в вину некоторые мелкие проступки⁵⁴. В резолюции на эту жалобу Державин писал 19 декабря 1802 года: «написать прокурору немедленно, чтоб он таковых предписаний противу должности своей не делал, а руководствовался бы данным ему ордером. Сказав притом, что в нем усмотрена деятельность, и чтобы он постарался не выходить из границ сей»⁵⁵. А в ордере Овцыну в январе 1803 года Державин, указывая прокурору на неправомерность подобных предписаний, добавлял: «и как я усматриваю в вас способность к отправлению должности, то стараться быть в границах оной и чрез то навсегда удерживать о службе хорошее мнение»⁵⁶. В общем, Державин, похоже, повел себя в этом конфликте вполне беспристрастно: с одной стороны, не стал защищать честь мундира, сделав заслуженное замечание своему подопечному за превышение власти, а с другой — не встал на сторону своего бывшего сотоварища Кацарева и даже ободрил конфликтовавшего с ним прокурора. Овцын 23 февраля 1803 года оправдывался, что это пресловутое предписание он сделал еще задолго до приезда в губернию Кацарева, при прежнем губернаторе Аплечееве, который отнесся к нему вполне благодушно, как некоей угрозе, с помощью которой прокурор пытался подстегнуть секретаря Правления, не исполнявшего своей должности. А также объяснился и по всем прочим обвинениям, выдвинутым против него Кацаревым⁵⁷.

Конфликт тем временем продолжался. В начале 1803 года Овцын, отвечая на ордер Державина к нему от 5 января 1803 года, в котором от прокурора требовалось оказать всемерное содействие закупкам хлеба, производившимся комиссионерами Адмиралтейств-коллегии в Казанской губернии, писал, что операция эта срывается опять-таки самовластием губернатора Кацарева. Последний не утверждал закупочные цены, когда они были еще сравнительно низкими, и дождался, когда пришлось покупать по повышенным ценам, а потом еще сорвал заключенные с поставщиками контракты, потребовав от них залоги, после чего все поставщики отказались от поставок. Далее Овцын писал, что

во всех сельских хлебозапасных магазинах, в которых комиссионеры теперь рассчитывают закупить нужный для Адмиралтейств коллегии хлеб, не наберется нужного его количества⁵⁸. По этому поводу Державин 25 февраля 1803 года жаловался на Кацарева его прямому начальнику графу Кочубею, сообщая и мнение Овцына⁵⁹. 7 апреля 1803 года Овцын снова жаловался, что Кацарев самовластно распорядился, вопреки высочайшему повелению, деньги за хлеб, купленный комиссионерами, отдавать не крестьянам, а в уездные казначейства⁶⁰. По этому поводу уже Державин, отклоняя все объяснения Кацарева, жаловался его непосредственному начальнику министру внутренних дел 28 апреля 1803 года⁶¹. Овцын 9 мая предупреждал, что на губернатора собирается всеподданнейше жаловаться незаконно уволенный казанский полицмейстер Низяков, тем более, что протокол о его увольнении был подложно составлен задним числом⁶². Тогда же Овцын заявлял, что Губернское правление по приказанию губернатора подвергает тотальной обструкции прокурора, не подавая ему своих определений, журналов и документов, блокирует его предложения об удалении уездных стряпчих, которые стали явно игнорировать все распоряжения своего начальника-прокурора. Один же из них, ядринский стряпчий Аленин, открыто покровительствует в лихоимстве местному исправнику Назарову⁶³. Одним словом, деятельность губернского прокурора оказалась полностью парализованной.

Обуздать самоуправство губернатора можно было только с помощью его прямого начальника — министра внутренних дел, с которым, как известно, у Державина отношения, мягко говоря, не сложились. Апелляция прямо к государю в этом случае вряд ли помогла бы — Державин отлично знал, с каким доверием Александр Павлович относится к своим «молодым друзьям». Однако в непосредственном ведении Державина остается Сенат, поскольку должность министра юстиции была совмещена с должностью генерал-прокурора. И именно туда Гаврила Романович направляет дальнейшие жалобы на губернатора, которые продолжали поступать к нему теперь уже от советника Гернера, уездного стряпчего Алексева⁶⁴. 31 октября 1803 года, т. е. после увольнения Державина, на Кацарева жалуется уже и казанский вице-губернатор Ивановский⁶⁵. Но, наверное, решающим стал донос некоего подпоручика Исакова, который, в отличие от предыдущих жалобщиков, уже прямо обвинял губернатора Кацарева в коррупции, заявляя,

что подручный губернатора, секретарь Ключарев, делится со своим начальником взятками, которые он собирает с уездных чинов за назначение на должности, а те, уже в свою очередь, отыгрываются на местных жителях⁶⁶. Для того чтобы проверить достоверность обвинений, выдвинутых Ивановским и Исаковым, государь указом от 13 декабря 1803 года повелевает Сенату отправить в Казань для ревизии сенатора Ивана Борисовича Пестеля⁶⁷ (отец будущего декабриста, сам впоследствии долго находившийся под судом за то, что, будучи губернатором Восточной Сибири, допустил своих подчиненных до страшных злоупотреблений, управляя своей губернией из Санкт-Петербурга). Однако еще прежде, чем Пестель выехал в Казань, т. е. задолго до того, как были проверены выдвинутые против Кацарева обвинения, он был уволен от должности губернатора и на его место назначен генерал-майор Борис Александрович Мансуров. Дата этого назначения — 15 декабря 1803 года — указывалась в обвинительном заключении по делу Кацарева, которое было вынесено Государственным советом 6 декабря 1809 года⁶⁸, но, по-видимому, неточно. Во всяком случае, Сенат, поручая Пестелю отправиться в Казань указом от 21 декабря 1803 года, еще не называет Кацарева бывшим губернатором⁶⁹. И только из письма Пестеля к министру юстиции Лопухину от 4 января 1804 года мы узнаем, что на место Кацарева уже назначен Мансуров, отправления которого в Казань Пестель ждет с нетерпением⁷⁰. Высочайшего же указа о перемене губернаторов найти пока не удалось. Между прочим, Пестель никакого подпоручика Исакова ни в Казани, ни вообще в России так и не нашел; кто прикрывался этим именем, выяснить не смогли. Доказать причастность к взяткам Кацарева также не удалось — его подручный Ключарев, признавшийся в собственном лихоимстве, тем не менее категорически заявлял, что со своим патроном взятками не делился. Поэтому Кацарева судили только за слабость в управлении, постановив мнением Государственного совета от 6 декабря 1809 года впредь «к подобным должностям не определять» и прекратить выплату жалования, которое ему по высочайшему повелению продолжали выплачивать и после увольнения.

Что же касается Овцына, то и он недолго оставался в Казани после увольнения своего противника. 25 января 1804 года новый министр юстиции П. В. Лопухин внес в Сенат предложение об увольнении «за нерадение» прокурора Римско-католической духовной коллегии

Скржендзевского и назначении на его место казанского губернатора Овцына⁷¹. Это, по-видимому, можно рассматривать как повышение, учитывая перемещение из провинциальной Казани в С.-Петербург. Однако уже здесь Овцына настигают доносы, в которых его обвиняли в том, что он якобы через секретаря Притыкина предлагал вице-губернатору брать взятки за каждого рекрута по 5–6 рублей, что, конечно, трудно допустить, учитывая, что этого Притыкина Овцын, как оказалось, видел всего один раз в жизни. Зато гораздо правдоподобнее звучит другое обвинение — в том, что он взял с татар старой новой Казанской слободы тысячу рублей за то, что ходатайствовал по их просьбе о замене для них рекрутского набора денежными платежами, а когда ходатайство было высочайше отклонено, вернул им только 500 рублей. И хотя Уголовный департамент Сената, который разбирал эти доносы, оправдал его в обоих случаях, тем не менее ссылка Сената на некоторые разногласия в показаниях жалобщиков-татар, которой Сенат мотивирует оправдательный приговор по второму доносу, звучит не вполне убедительно⁷². Похоже все-таки, что Овцын, который и впрямь писал министру юстиции о том, что для государства в данном случае замена натуральной рекрутской повинности денежными платежами будет только полезна, счел себя вправе удержать за свои хлопоты 500 рублей из поднесенной ему тысячи. Это по тогдашней терминологии следовало бы расценивать как «мздоимство», осуждавшееся законом, но не строго судившееся общественным мнением, в отличие от «лихоимства» (когда чиновник за взятку осуждает невинного и оправдывает виноватого). Позднее Овцын служил московским вице-губернатором⁷³, так что Державину вряд ли приходилось краснеть за своего бывшего подзащитного прокурора. Даже если Гаврила Романович, будучи на пенсии, и подозревал в Овцыне некоторую денежную нечистоплотность по слухам, которые наверняка доходили до него из Сената, но все-таки у него не было никакого повода раскaiваться, что в борьбе прокурора с губернатором он поддержал первого, избавив, таким образом, не чужую для него губернию от самодура, а, может быть, и лихоимца.

Впрочем, не всегда Державин поддерживал губернских прокуроров в их конфликтах с губернаторами. Можно сказать, что тут он действовал, невзирая на лица и не стараясь в любом случае защитить честь мундира. Так, например, дважды делал он выговоры тверскому прокурору Чепчугову, который сначала поверил «безвинно» посаженному

губернатором под арест дворянину Комаровскому, который, в конце концов, оказался жуликом и самозванцем, купившим краденый паспорт у настоящего дворянина Викентия Комаровского, благополучно продолжавшего свою службу в Преображенском полку⁷⁴. Другой раз Чепчугов попал впросак, рьяно вступившись за «обиженных» казенных крестьян, у которых помещик Ртищев якобы незаконно оттягивал исконную их пустошь. И даже когда Ртищев предъявил совершенно неоспоримые доказательства принадлежности этой пустоши еще по писцовым книгам 135–136 (т. е. 1627–1629 гг.), Чепчугов, продолжал отстаивать права «угнетаемых крестьян», за что и получил заслуженный выговор от Гавриила Романовича, который, следовательно, отнюдь не всегда бывал «бичом вельмож», по крылатому выражению Пушкина, зато всегда бичом несправедливости и беззакония со стороны вельмож или крестьян — безразлично (о том, что он не боялся поспорить с вельможами, можно заключить хотя бы из его позиции в пользу крестьян, у которых пытался оттягать землю сам А. А. Аракчеев)⁷⁵.

Еще один эпизод такого же рода: 2 января 1803 года тульский губернский прокурор Степан Быховец жаловался Державину на то, что местное Губернское правление не предъявило ему своевременно журнала, по которому губернатором был отправлен в г. Елифань советник правления Мотякин⁷⁶. А 19 января того же года министр внутренних дел переслал Державину рапорт тульского губернатора Николая Иванова, которым тот объяснял, что советник Мотякин был секретно отправлен им в г. Елифань для расследования анонимного доноса о том, что помещик Леонтьев четыре дня подряд бесчеловечно порол своего дворового человека Василия Ефимова, который через день после окончания экзекуции умер. Причем, как оказалось, анонимно доносили на помещика его же собственные сыновья⁷⁷. Державин, как бы не обращая внимания на существо дела, начал дотошно разбираться, действительно ли имело место нарушение законного порядка и, наконец, пришел к выводу, что хотя запись и была сделана в журнале Губернского правления задним числом, но губернский прокурор не мог не знать о возвращении Мотякина из Елифани и о цели его секретной миссии, «а чрез то и представляет сомнение, что прокурор в дела по службе вмешал личность»⁷⁸. Поэтому министр и сделал прокурору выговор ордером от 15 мая 1803 года, приказав ему впредь к делам по службе «не

примешивать никакой личности», известив об этом выговоре и губернатора⁷⁹, что, вероятно, было обиднее всего прокурору. Что же касается до дела помещика Леонтьева, то оно по уликам, искусно собранным Мотякиным, было благополучно доведено до Епифанского уездного суда, который вдруг самым неожиданным образом постановил 28 марта 1803 года, что «никем не доказано, чтоб действительно дворовой человек Ефимов умер от жестоких <...> побоев», а потому виновным помещика Алексея Леонтьева не признавать, а за то, что он наказывал Ефимова, который был болен, приговорить Леонтьева к церковному покаянию. Таким образом, помещик мог, вернувшись в имение, разобрататься с теми крестьянами и священником, которые давали против него показания. Сыновей же его за «несправедливый» донос на отца — они показали, что порол он Ефимова 5 раз за три дня, а на самом деле, по показаниям дворовых, «только» три раза — «лишить чинов и дворянского достоинства и отдать их отцу в полное послушание»!

Впрочем, этот удивительный приговор был внесен на ревизию в палату уголовного суда, которая изменила его радикальным образом, признав помещика Леонтьева (к тому времени уже умершего) безусловно виновным в смерти дворового человека, а сыновьям вменить в наказание за донос на отца содержание их под присмотром во время суда. Губернатор Иванов, на утверждение которому поступил приговор уголовной палаты, еще более усугубил вину Леонтьева, «касательно ж его сыновей, кои вопреки закона самой природы, может быть, от неудовольствия или же от непомерного желания скорее воспользоваться наследством, учинили на отца донос и во многом его не доказали, то по мнению моему, полагаемое им палатою освобождение без всякого наказания может служить злым примером для других», что и предлагал он разрешить преемнику Державина на посту министра П. В. Лопухину, поскольку экстракт этот был отправлен в министерство уже 7 апреля 1804 года, т. е. полгода спустя после увольнения Державина⁸⁰. И Лопухин, в отличие от Державина, который и в этом деле, как и во многих других, старался по возможности уклониться от вмешательства в правосудие, выносит свой окончательный вердикт — о сыновьях, не оказавших «к родителю должного почтения <...> полагаю, что должно оставить суду Всевидящего Бога, знающего наши намерения и угрозынию собственной их совести»⁸¹. Вердикт вполне гуманный, но не в духе Державина, который скорее бы уклонился от приговора по существу,

но зато, может быть, поставил вопрос о штрафовании членов епифанского уездного суда, вынесших заведомо неправосудный приговор своему земляку, с которым, надо полагать, не раз хлеб-соль ели.

Вот еще один пример, который также отчасти может свидетельствовать о сугубо законническом амплуа Державина. Еще летом 1802 года экспедиция Государственного хозяйства жаловалась Беклешову на майора Апошнянского, который, будучи Бахмутским капитан-исправником, без малейших оснований захватил громадный участок казенной земли, крайне нужный теперь экспедиции, дабы расселить там колонистов-меннонитов. Майор Апошнянский, не имея никакой возможности доказать справедливость захвата, просто-напросто беззастенчиво тянул время, подавая апелляцию на апелляцию⁸². Земля нужна была срочно: меннониты ждали ее уже не первый год, поэтому министр внутренних дел просил Державина, который, пока тянулось дело, уже стал министром юстиции, распорядиться, чтобы дело было проведено не апелляционным порядком, а следственным, поскольку речь шла о казенном интересе, а на этот случай еще 19 августа 1799 года был издан специальный разрешительный указ⁸³. Беклешов или Лопухин в такой ситуации, наверно, не затруднились бы просто отправить соответствующий ордер местному прокурору, удовлетворив законное и вполне полезное пожелание коллеги-министра. Но Державин не был бы Державиным, если бы своей властью решил этот вопрос. Он обратил его к Сенату, предложив последнему распространить свое решение на возможные аналогичные случаи, т. е. представил частный вопрос как повод для толкования закона, право на которое принадлежало одному только Сенату. Сенат своим указом дал нужное толкование, на основании которого Державин направил ордер местному прокурору, уважив, таким образом, просьбу коллеги Кочубея, и все было бы прекрасно, если бы не датировка документов этого дела. Просьба графа Кочубея датирована 29 ноября 1802 года⁸⁴. Предложение же Державина Сенатскому обер-прокурору Голикову — только 25 февраля 1803 года!⁸⁵ Дальше Сенат и Голиков действовали вполне оперативно: Сенат рассмотрел вопрос в двух заседаниях, 26 февраля и 10 марта⁸⁶. Голиков уведомил об этом Державина 27 марта⁸⁷, и, наконец, ордер Державина прокурору датирован 13 апреля⁸⁸. Почему Державин три месяца не мог просто-напросто передать просьбу Кочубея Голикову, если уж он надумал решить дело «законническим порядком», а не своим произволом?

Ведь если бы не эта проволочка, может быть, удалось решить вопрос ко времени весеннего сева. Разумеется, такие неоправданные проволочки прибавляли аргументы тем противникам Державина, которых на самом деле раздражало именно его «законничество», столь контрастировавшее с «правом на произвол», любезным сердцу в равной мере и «молодым», и «старым» друзьям императора, объединившимся против «законника» Державина. На самом деле отнюдь не только в державинской канцелярии бумаги валялись без движения месяцами, а то и годами. Вот всего один пример: в июне 1803 года Державину по высочайшему повелению была передана на рассмотрение всеподданнейшая просьба Витебских горожан о восстановлении магдебургского права, которым они пользовались при польских королях⁸⁹. Державин 10 июля 1803 года запросил у губернского прокурора Маньковского, в чем конкретно заключались просимые горожанами права и привилегии⁹⁰. Маньковский выслал Державину 9 оригинальных привилегий в деревянном ящике, который был получен в канцелярии министра уже 9 октября 1803 года, т. е. на другой день после отставки Державина и назначения Лопухина⁹¹. Так вот, у этого последнего ящик провалялся без всякого дела восемь с половиной месяцев и только 19 июня 1804 года был поднесен на высочайшее рассмотрение, причем без всякого заключения по содержанию этих привилегий⁹², которого недвусмысленно требовало упомянутое выше высочайшее повеление от июня 1803 года.

Лучше было бы не тратить попусту время на ежемесячные ведомости, которые все равно некогда было бы читать, а больше заниматься именно частными просьбами и жалобами. Разумеется, это небольшое замечание ничуть не перечеркивает достоинства Державина-министра, принципиальность и последовательность которого достаточно рельефно проявляется в сохранившихся делах из фондов Канцелярии генерал-прокурора и Министерства юстиции. К сожалению, в этих фондах не удалось обнаружить тех дел, о которых он рассказывает в своих «Записках»: дело Лазаревича, отнявшего бриллиант от персиан, тяжбы графа Соллогуба с женой, дела о незаконном увольнении председателя Нижегородской уголовной палаты⁹³. Ни в описи за 1803 год, ни в алфавите к ней ни одного похожего по смыслу заголовка не попало. Да и вообще просмотр дел из этих двух фондов скорее разочарует современного исследователя, если он ожидает обнаружить там эффектные, скандальные коррупционные дела. Учитывая, что дела просматривались

сплошь, по нумерации, а не по выбору, и уничтожались они тоже, скорее всего, не по выбору, а по случайному принципу (по крайней мере, никакой закономерности при сравнении уничтоженных и сохранившихся дел выявить пока не удалось), можно предполагать, что ничего особо интересного для современного читателя и в прочих делах не содержалось. То есть, конечно же, коррупция была, и даже в пересказанных выше делах примеров тому вполне достаточно. Но по сравнению с сегодняшним днем выглядит она как-то бледно и не очень интересно, хотя и сетовал один из ближайших преемников Державина Д. П. Трощинский по поводу подведомственной ему юстиции, говоря словами псалмопевца Давида, что «сие есть море пространное и великое, в нем же гадов несть числа»⁹⁴. А главное, что в лице державинской юстиции тогда существовала достаточно эффективная структура, которая могла противостоять коррупции. И структура эта была твердо поддержана высочайшей волей, которая непритворно была настроена на минимизацию коррупции. Вот хотя бы один наглядный пример, который, правда, только вскользь касается министерской деятельности Державина.

В июне 1801 года в Казани случилась серия пожаров. В городе началась паника, люди ночевали в полях, опасаясь повторения того, что случилось 4 года назад, когда при подобных же пожарах погибло 20 человек. Молва и тогда, и теперь винила поджигателей. В 1797 году их отыскать не смогли, несмотря на высочайшую угрозу отдать полицию под суд. А в 1801 году, когда военный губернатор П. Пущин снова строго объявил полиции, что «ежели не будут отысканы злоумышленные поджигатели, она предана будет на основании прежнего высочайшего повеления суду <...> наконец, оные открыты <...> после чего пожары и поджигательства здесь совершенно прекратились, и жители города, находившиеся в страхе и смятении, все успокоились и обеспечились благополучною тишиною»⁹⁵. Несколько поджигателей признали свою вину и, быв наказаны кнутом, отправились в Сибирь⁹⁶. Но один из заподозренных, мещанин Петр Яковлев, долго упирался на допросах. После чего был передан приставу Столбовскому, которому, наконец, после второго допроса признался. Однако во время суда в магистрате, которому он подлежал по своей сословной принадлежности, заявил, что по приказанию Столбовского три неизвестных человека в вывороченных тулупах и с приклеенными бородами, завели его в темную комнату и, подвесив за руки, нещадно истязали. Магистрат не принял во

внимание это заявление и вынес ему обвинительный приговор, утвержденный затем Уголовной палатой и гражданским губернатором Мухановым. Яковлев кричал о своей невинности и тогда, когда его публично пороли кнутом, и затем, уже на пути в Сибирь, повторял то же самое исповедавшему его священнику, умирая на 6-й день после наказания. Сведения эти дошли до государя, и тот послал в Казань своего флигель-адъютанта барона Альбедиля, который тайно собрал улики. На основании этих улик казанская палата гражданского суда в 1802 году приговорила главного истязателя — пристава Столбовского — к лишению чинов и дворянства и ссылке в Сибирь, переодетых солдат, исполнявших его приказания, к прогнанию шпицрутенами 12 раз (в отношении солдат как людей подневольных этот убийственный приговор был отменен), прочих, причастных к истязаниям, — к другим наказаниям⁹⁷. Однако 4-й департамент Сената, куда приговор поступил на ревизию, счел улики, собранные Альбедилем, недостаточными. Своим определением он, во-первых, признал, что на Яковлеве все-таки остается подозрение в поджигательстве, что Столбовской не уличен в истязаниях Яковлева и потому подлежит обвинению только за то, что, по собственному признанию, сорвав платок с одной мещанки, ударил ее по щеке⁹⁸. Обер-прокурор Духовницкий протестовал против этого определения, настаивая на достаточности улик Альбедиля, и оно было рассмотрено уже общим собранием 4-го департамента Сената. Впрочем, и общее собрание отклонило протест Духовницкого⁹⁹. Вот на этом этапе к делу подключился Державин, который, очевидно, сочувствуя мнению Духовницкого, представил его протест на высочайшее рассмотрение. Двадцать первого апреля 1803 года последовала высочайшая резолюция о том, что дело надлежит рассмотреть в Общем собрании теперь уже всего Правительствующего Сената¹⁰⁰.

Тут незачем входить во все дальнейшие перипетии этого дела, которое получило хрестоматийную известность и даже попало в статью о пытках в энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Евфрона, поскольку послужило поводом к строжайшему напоминанию о том, что пытки и истязания в России запрещены еще в 1774 году¹⁰¹. Для современного читателя интереснее другое. Дело в том, что еще тогда, когда Альбедиль представил собранные им в ходе неофициального дознания улики на высочайшее рассмотрение и по ним еще не было вынесено никакого судебного решения, да и следствия законного еще не было

произведено, состоялось Сенатское определение от 2 и 5 октября 1801 года, которым предписывалось во исполнение высочайшего указа не только отстранить, но и предать суду военного и гражданского губернаторов, губернского прокурора, председателя и всех заседателей Городового магистрата и 2-й палаты Уголовного суда, а заодно и казанского полицмейстера за слабое смотрение за своим подчиненным приставом!¹⁰² Почему дело и пришлось потом рассматривать в палате Гражданского, а не Уголовного суда по принадлежности.

Примечания

¹ Цит. по: Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902. Исторический очерк. СПб., 1902. С. 47.

² См.: *Державин Г. Р.* Записки 1743–1812. Полный текст. М., 2000. С. 235–268.

³ См. рапорт инспектора Сенатского архива И. А. Блинова за 1908 год: РГИА. Ф. 1365, оп. 1, д. 78, а также подготовленную под его редакцией «Памятную книжку Сенатского архива» (СПб., 1913. С. 131, 140).

⁴ См.: РГИА. Ф. 1365, оп. 1, д. 78.

⁵ См.: *Грот Я. К.* Жизнь Державина. СПб., 1880–1883. Т. 1–2; Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902. Исторический очерк. СПб., 1902. С. 10–23; *Филиппов А. Н.* Исторический очерк образования министерства юстиции в России // Журнал Министерства юстиции. 1902. № 9–10; *Ефремова Н. Н.* Министерство юстиции Российской империи 1802–1917 гг. М., 1983; *Левенштейн О. Г.* Державин — государственный деятель. 1784–1796 гг. Казань, 2008.

⁶ РГИА. Ф. 1374, оп. 6, д. 2095, л. 1–2 об.

⁷ Там же. Л. 3.

⁸ Там же. Л. 4–5 об.

⁹ Там же. Л. 4.

¹⁰ Там же. Л. 6–11 об.

¹¹ Там же. Л. 14–14 об.

¹² См.: Там же. Ф. 1405, оп. 1, д. 595, 701.

¹³ См.: Там же. Ф. 1349, оп. 3, д. 741, л. 55–56.

¹⁴ См.: Там же. Ф. 1405, оп. 1, д. 503.

¹⁵ Алфавит к оп. 1. Ф. 1405, л. 250.

¹⁶ РГИА. Ф. 1374, оп. 6, д. 2095, л. 15.

¹⁷ См.: *Грот Я. К.* Жизнь Державина. Т. 1. С. 804.

¹⁸ См.: РГИА. Ф. 1405, оп. 1, д. 111.

¹⁹ См.: Там же. Д. 595.

²⁰ См.: Там же. Оп. 2, д. 1192; алфавит к оп. 2.

²¹ Там же. Ф. 1374, оп. 5, д. 213-б, л. 1–4 об.

²² Там же. Л. 5–6 об.

²³ Там же. Д. 159, л. 1.

²⁴ Там же. Д. 196. л. 9а–9б.

- 25 Там же. Л. 42–42 об.
26 Там же. Ф. 1405, оп. 1, д. 305.
27 См.: Там же. Д. 84.
28 См.: Там же. Д. 2611.
29 Там же. Д. 181, л. 1–9.
30 См.: Там же. Д. 305.
31 Там же. Д. 181, л. 11–12.
32 Там же. Д. 38, л. 50–51.
33 Там же. Ф. 1374, оп. 5, д. 163, л. 1–4 об.
34 Там же. Д. 22, л. 1–4 об.
35 Там же. Ф. 1374, оп. 5, д. 163, л. 1–4 об.
36 Там же. Л. 5–6.
37 Там же. Л. 21–23 об.
38 Там же. Л. 31 об.–32.
39 Там же. Л. 56–58.
40 Там же. Лл. 61, 62, 66, 69, 71.
41 Там же. Л. 73–73 об.
42 См.: ПСЗ. Т. XVII. № 20553. 15 дек. 1802 г.
43 РГИА. Ф. 1374, оп. 5, д. 163, л. 21–23 об.
44 ПСЗ. Т. XXVII. № 20608.
45 См.: РГИА. Ф. 1405, оп. 1, д. 695, л. 2–12 об.
46 См.: Там же, л. 17.
47 См.: *Державин Г. Р.* Записки. С. 266–267.
48 См.: РГИА. Ф. 1405, оп. 1, д. 695, л. 2–12.
49 См., напр., заголовки дел, к сожалению, не сохранившихся, в ф. 1405, оп. 1, д. 1315, 1843 и т. д.
50 ПСЗ. Т. XXVIII. № 21189.
51 См.: *Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 2000. С. 89–90.
52 РГИА. Ф. 1374, оп. 5, д. 176, л. 3–4.
53 См.: Там же. Л. 1–1 об.
54 Там же. Л. 26–32 об.
55 Там же. Л. 26.
56 Там же. Л. 35.
57 Там же. Л. 51–55 об., 58.
58 Там же. Ф. 1405, оп. 1, д. 81, л. 3–4 об.
59 Там же. Л. 12–12 об.
60 Там же. Л. 19–20.
61 Там же. Л. 24.
62 Там же. Ф. 1374, оп. 5, д. 176, л. 10–11 об.
63 Там же, л. 20–24; ф. 1405, оп. 1, д. 81, л. 19–20.
64 См.: Там же. Ф. 1341, оп. 1, д. 379, ч. 1, л. 2–4 об.
65 Там же. Л. 74–74 об.
66 Там же. Л. 74–74 об., 57–65 об. Содержание и даже датировку этих жалоб приходится восстанавливать по Сенатскому определению от 15 декабря 1803 г., которое содержится в деле о ревизии Казанской губернии. Соответствующие дела из фонда Министерства юстиции были уничтожены комиссией Репинского (см., напр., заголовок дела по жалобе Исакова: ф. 1405, оп. 1, д. 5254).
67 Там же. Ф. 1341, оп. 1, д. 379, ч. 1, л. 1.

⁶⁸ См.: Ф. 1146, оп. 1, д. 30, л. 417–422.

⁶⁹ См.: Ф. 1341, оп. 1, д. 379, ч. 1, л. 66–73 об.

⁷⁰ См.: Ф. 1405, оп. 2, д. 3447, л. 1.

⁷¹ Ф. 1405, оп. 1, д. 3815, л. 12.

⁷² См. дело по доносам на Овцына, которое разбиралось в Уголовном департаменте Сената: Ф. 1341, оп. 98, д. 814, л. 1–373.

⁷³ См.: «Месяцеслов» на 1807 г. Ч. II. С. 16.

⁷⁴ См.: РГИА. Ф. 1374, оп. 5, д. 2199, л. 1–63 об.

⁷⁵ Там же. Д. 130; ф. 1405, оп. 1, д. 656.

⁷⁶ Там же. Ф. 1405, оп. 1, д. 93, л. 6–6 об.

⁷⁷ Там же. Л. 1, 2–3.

⁷⁸ Там же. Л. 19.

⁷⁹ Там же. Л. 20, 21.

⁸⁰ Там же. Л. 22–27 об.

⁸¹ Там же. Л. 29.

⁸² Там же. Ф. 1374, оп. 6, д. 2110, л. 1–15.

⁸³ Там же. Л. 16–17.

⁸⁴ Там же. Л. 16–17.

⁸⁵ Там же. Л. 18–18 об.

⁸⁶ Там же. Л. 20–25.

⁸⁷ Там же. Л. 19.

⁸⁸ Там же. Л. 27–27 об.

⁸⁹ Там же. Ф. 1405, оп. 1, д. 1616, л. 1–4 об.

⁹⁰ Там же. Л. 7–7 об.

⁹¹ Там же. Л. 8–9.

⁹² Там же. Л. 12–13.

⁹³ См.: *Державин Г. Р.* «Записки». С. 256–257.

⁹⁴ Цит. по: *Ефремова Н. Н.* Указ. соч. С. 59.

⁹⁵ См. рапорт П. Пущина от 22 сентября 1801 г.: Ф. 1374, оп. 4, д. 241, л. 9–10 об.

⁹⁶ См.: Там же. Л. 5–6.

⁹⁷ См.: Там же. Ф. 1405, оп. 1, д. 1145, л. 28 об.–29.

⁹⁸ См.: Там же. Л. 12–33 об.

⁹⁹ Там же. Л. 34–44, 46–46 об.

¹⁰⁰ Там же. Л. 1–2 об. Итоговый приговор после рассмотрения дела в Общем собрании Сената был вынесен высочайшим указом от 13 ноября 1804 г., в котором признавалась вина Столбовского и невинность Яковлева, и даже был сделан выговор Уголовному департаменту Сената за попытку оправдать Столбовского. Но, в то же время наказание подсудимым было значительно смягчено по сравнению с тем, которое предполагала Палата гражданского суда (см.: Ф. 1345, оп. 98, д. 755, л. 568–569 об.). Текст указа в этом деле сильно попорчен плесенью, но содержание его, за исключением пункта о выговоре Уголовному департаменту, воспроизведено в ведении, адресованном Сенатом Св. Пр. Синоду 19 ноября 1804 г. (см.: Ф. 796, оп. 85, д. 826, л. 1–4 об.).

¹⁰¹ Энциклопедический словарь. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, т. XXV-А. С. 903.

¹⁰² См.: Ф. 1374, оп. 4, д. 241, л. 12–22 об.

И. В. Коцциенко

Граф Хвостов и его эпитафьи



К творчеству графа Дмитрия Ивановича Хвостова, обиженного современниками и забытого потомками, в последние десятилетия вновь пробуждается интерес исследователей. Сегодня о нем говорят как о предшественнике русского модернизма и пересматривают его произведения в свете некой системы, следующей из особенностей его литературного мышления¹. Я. А. Гордин, например, назвал ее системой «поэтической неточности и нелепости», «замечательной» системой «выпадения ассоциативных звеньев», а самого Хвостова — «противником рассудочного творчества», выступающим «за „свободный стих“»². М. Г. Альтшуллер убежден, что Хвостов погружает читателя в «странный, с гиперболизированными деталями, почти сюрреалистический мир, похожий на те чудовищные картины, которые мы гораздо позднее найдем в странных композициях Сальвадора Дали или Михаила Шемякина. Этой внутренней логики художественной системы Хвостова не поняли и не могли понять современники»³. «Нашей эпохе легче определить это влекущее своеобразие хвостовской „бездарности“, — считает А. Е. Махов, — ведь в нашем распоряжении — поэтика абсурда, Хармс, обэриуты...»⁴.

Ориентиром Хвостова в поэзии были Г. Р. Державин и М. В. Ломоносов, в области же применения эпитафьев ни до него, ни после не было создано ничего подобного: и здесь не обошлось без его собственной системы, первое и главное отличие которой состоит в том, что автором всех эпитафьев⁵ является сам Хвостов. В настоящей статье предпринята попытка понять приемы выбора строк для эпитафьев, а также ответить на вопрос, откуда могла возникнуть эта страсть к автоцитации. Все обнаруженные эпитафьи (тридцать один) будут рассмотрены в следующем порядке: эпитафьи к собраниям произведений и к их ча-

стям (томам), эпиграфы к стихотворениям, переводам и, наконец, единственный эпиграф к сочинению в прозе.

Как известно, Хвостов стал адресатом едва ли не самого большого количества пародий, эпиграмм и анекдотов. Дело было даже не в качестве написанных стихов, среди которых достаточное количество стройных и довольно удачных, а в устоявшейся привычке: чтение сводилось к выискиванию стихотворных нелепостей⁶. Эпиграфы обращали на себя внимание в первую очередь. Одной из причин, вызывавших издевки и остроты, была фигура самого графа с его непреодолимым влечением к стихотворчеству и непременной публикацией своих сочинений. Об этой позиции Хвостова откровенно заявляли эпиграфы на титулах собраний стихотворений. В первую очередь отметим два самых ранних изречения, ставших особенно популярными: «За труд не требую и не чуждаюсь славы» и «Люблю писать стихи и отдавать в печать».

Эпиграф «*За труд не требую и не чуждаюсь славы*» предварял «Лирические творения графа Хвостова» (СПб., 1810). Впоследствии этот первый в творчестве графа эпиграф превратился в устойчивый компонент Полного собрания стихотворений (далее в тексте — ПССт): в первом издании он был общим к изданию и печатался на титульных листах трех частей⁷. При этом являлся и эпиграфом первой части («Лирические стихотворения»), где был напечатан дважды: на титуле ПССт и на следующей, титульной странице тома. Эта завершающая строка из послания «Живописцу моему» (1809) и в остальных изданиях ПССт неизменно открывала первый том. Стих отображает характерные черты личности автора: чистосердечие, в некотором смысле жертвенность и преданность (несмотря ни на что)⁸ любимому занятию и, конечно, тщеславие, честолюбие. Вот строки, предшествовавшие ей:

Не столь я знаменит, чтоб древних по следам
При жизни воздвигать себе бессмертья храм.
Что нужды? пусть пишу для пользы, для забавы;
*За труд не требую и не чуждаюсь славы*⁹ (З, 66).

В 1821 году Хвостов в финале предисловия ко второму изданию несколько уточнил аспект в понимании собственного эпиграфа: «<...> я не исключаю некоторых стихов, особливо в первом томе, по уважению достопамятных обстоятельств и лиц, во время жизни моей бывших; ибо горжусь тем, что я современник знаменитых происшествий,

на спасение Европы и славу Отечества совершившихся. Впрочем, мне, проповеднику и защитнику отечественной критики, следует без ропота покоряться *справедливым* (курсив мой. — И. К.) оной суждениям.

За труд не требую и не чуждаюсь славы»¹⁰.

Возникающие вокруг имени графа и его произведений многочисленные пересуды часто носили утрированный характер. Хвостов же, чувствительный к ироническим, а чаще язвительным отзывам, призывал к открытому и объективному разговору о его творчестве (см. также об эпиграфе к стихотворению «О пользе критики»).

Эпиграф «*Люблю писать стихи и отдавать в печать*» появился в сборнике 1814 года «Послания в стихах»¹¹, вышедшем из печати в конце лета (цензурное разрешение от 13 августа). Уже 4 сентября Н. М. Карамзин заметил в письме к И. И. Дмитриеву: «Он (Хвостов. — И. К.) пишет действительно для своего удовольствия: в чем можем ему завидовать»¹². Источником эпиграфа послужило незадолго написанное послание «И. И. Дмитриеву» (1811, 30-й стих):

Кто может угодить разборчивости Муз?
Я первый волю их нередко нарушаю,
И воду из Кубры в Кастальский ток мешаю
То изломаю ямб, то рифму зацеплю,
То ровно пополам стиха не разделю,
То, за отборными гоняся словами,
Покрою мысль мою густыми облаками;
Однако Муз люблю на лире величать,
Люблю писать стихи и отдавать в печать!
Строками с рифмами, скажи, кого обижу?
И самому себе от них беды не вижу.
Не станут их хвалить? мне дальней нужды нет;
Их Глазунов продаст, а Дмитриев прочтет.
Когда мои стихи покажутся в столицу,
Не первые пойдут обертывать корицу (3, 39–40).

Позже этот несколько наивный, простодушный стих сделался атрибутом второй части ПССТ «Послания к разным лицам» (1818; 1822), и был исключен в 1829 году из третьего тома с тем же названием.

Хвостов, будучи еще начинающим поэтом, сочинил эпиграмму «На самого себя» (1781):

Стихи мои читать
Всегда везде намерен;
В печать их никогда не буду выдавать,
Не будет и меня никто критиковать,
Я в том уверен.
Не может пострадать певца такого честь,
Которого нельзя расслушать и прочесть (5, 353).

Почти через полвека публикуя этот текст¹³, граф сказал о нем: «Автор не сдержал своего обещания, сделанного в молодости¹⁴, единственно потому, что впоследствии многочисленные друзья автора и с тем вместе друзья русского слова заставили его изменить этому шутовскому обету и, напротив, все, все, все печатать он стал, что доказывается семью томами полных его творений»¹⁵. Критическое отношение Дмитрия Ивановича к своему творчеству с годами ослабевало, во многом благодаря таким «многочисленным друзьям» — не оскудевающим на похвалы и заискивания льстецам поэта-чиновника¹⁶.

Еще в 1805 году Г. Р. Державин предостерегал Хвостова: «<...> прошу послушать моего беспристрастного совету и не торопиться писать скоро стихов ваших, а паче не предавать их скоро в печать. Что прибыли отдавать себя без строгой осмотрительности суду критиков? Вы знаете, что не количество, а качество парнасских произведений венчает авторов. Итак, заключу тем, что бывало мне друзья мои говаривали:

Писания свои прилежно вычищай:
Ведь из чистилища идут в рай»¹⁷.

Сам же Хвостов в 1815 году оправдывал себя так: «Если жизнь моя продлится, я, может быть, решусь на полное собрание моих сочинений, и тогда уж должен буду ответствовать кроме посильного дара за недостаток вкуса, а теперь отрывки мои, так сказать, не что иное, как пища моей суетности и, может быть, удовольствие приятелей»¹⁸. Граф не стеснялся своей страсти, обозначенной в эпиграфе к «Посланиям»: «Я... который сам о себе исповедую, что

Люблю писать стихи и отдавать в печать,

я могу ли надеяться какого-нибудь внимания от критики даже и при жизни? По крайней мере благодаря беспечности моей, которая меня по сие время избавляла от титула писателя»¹⁹.

Эту строку можно поставить эпиграфом к длительной творческой деятельности Дмитрия Ивановича, который в 77 лет выпустил седьмой том своих сочинений. Максим Амелин, составитель впервые переизданных после смерти графа (1835) произведений в «Библиотеке Графомана» (1997), считает, что одной из причин неприятия творчества графа стала во многом продолжительность его жизни²⁰. А «несчастливая страсть», как назвал ее А. В. Западов²¹, только усугубляла положение, сделав графа всеобщим посмешищем. Как только ни называли его страсть: стихомания, рифмоплетство, метромания, виршеслагательство, и, наконец, современный термин — «графомания», как будто специально звучащий каламбурно.

Стих пользовался у современников большой популярностью, породив множество шуток и эпиграмм. С реальным отзывом удалось познакомиться в рукописном варианте: в одном из экземпляров сборника «Посланий» 1814 года к эпиграфу (как и ко многим стихотворениям этого издания) есть ироническая приписка лица, ранее владевшего книгой: «Люблю писать стихи и отдавать в печать — *Хоть не любят их читать*»²².

Среди эпиграмм есть посвященное этому эпиграфу четверостишие, приписываемое А. С. Пушкину-лицеисту²³:

Куда ты неудал, мой граф,
Или судьба твоя упряма!
Искал-искал ты эпиграф;
Нашел — выходит эпиграмма²⁴.

Через несколько лет Пушкин, в шутку сравнивая себя с Хвостовым, писал: «Я полу-Хвостов: люблю писать стихи (но не переписывать) и не отдавать в печать (а видеть их в печати)»²⁵. И все-таки Хвостов заслужил уважение знаменитых писателей, заслужил своей горячей влюбленностью в поэзию. О его графоманстве Н. М. Карамзин так отозвался 20 сентября 1824 года в письме к И. И. Дмитриеву: «Я смотрю с умилением на графа Хвостова <...> на его постоянную любовь к стихотворству <...>, не мало не охлаждаемую преклонными летами. Это редко, а потому драгоценно в моих глазах. Смейся, если угодно: я уважаю Хвостова <...>; он действует чем-то разительным на мою душу, чем-то теплым и живым. Увижу, услышу, что граф еще пишет стихи, и говорю себе с приятным чувством: „Вот любовь, достойная таланта!“

Он заслуживает иметь его, если и не имеет. Столько строк в письме к другу посвятить размышлению о графе Хвостове не есть ли доказательство моего особенного к нему уважения — к поэту, а не к человеку: ибо он сам ставит в себе поэта гораздо выше человека?»²⁶.

Несмотря на то что этот поэт всегда подчеркивал свое равнодушие к известности²⁷, эпитафия второго тома «Стихотворения о разных предметах» (1829), все же выдавал его мечтания:

Надеюсь, к счастью, в числе стихов моих,
Внушенный Музами один найдется стих,
Быть может, знатоки почтут его хвалами,
Украсят гроб певца приятели цветами,
И с чувством оценят не мыслей высоту,
Не обороты слов, но сердца простоту²⁸.

Том III-й, с. 43²⁹.

Искренние, трогательные строки, взятые в эпитафия из того же послания «И. И. Дмитриеву», полны надежды если не на прижизненную, то на посмертную славу. Эти слова, по мнению Хвостова, оправдывали его небрежность, беспечность в написании стихов. Именно их процитировал А. А. Писарев в споре с неким «пристрастным разбирателем и толкователем сочинений» в своей статье «О разборе книг»³⁰: «А сочинителя, по вашему мнению, нельзя похвалить <...> за один стих? (далее цитирует шестистишие Хвостова, не называя имени автора. — И. К.). По сему, надобно умереть, чтобы критик или журналист похвалил сочинителя?.. правда; многим сочинителям, хотя бы и следовало прежде умереть, нежели что-нибудь написать, а другим, хотя бы вечно жить, но не писать; однако же, если так случилось, что и *живут* и *пишут*, то почему же за-живо не похвалить за хорошее?..»³¹ После столь весомого аргумента Писарев озвучил имя Хвостова, перечислив его удавшиеся послания и отдельные стихи, а также посоветовав ему «переменить» некоторые слова. Писарев, хотя и несколько иронизируя, все же признал поэтические заслуги графа. Отмеченные же литератором строки Хвостов через 14 лет сделал эпитафией второго тома своих сочинений.

В третьей части — «Басни и сказки» (1817; 1822; 1829 — т. 4) встречается уникальный для Хвостова эпитафия, поскольку он написан им специально, а не взят из уже существующего произведения (эпитафия сохранен и в отдельном издании сборника 1820 г. «Басни»):

Вот книга редкая; под видом небылиц
Она уроками богато испещрена;
Она Комедия; в ней куча разных лиц³²,
А место действия пространная вселенна.

В четверостишии достаточно точно обозначены жанровые особенности произведений этого тома: иронический, но в то же время нравоучительный характер, масштабность включенного материала и его безотносительность к конкретному топосу.

При третьем переиздании «Басни и сказки» сохранили прежний порядок, кроме нововведения — эпитафий к трем (из четырех) книгам басен³³, источник которых не обозначен.

«Сочинитель сих басен во 2 и 4 книгах весьма старался о изобретении наставлений (*moralité*) доселе малоизвестных» (4, 307), — так декларирует Дмитрий Иванович привлекательность своих творений. Титульный лист второй книги украшает действительно не знакомое до той поры нравоучение:

Ползя,
Упасть нельзя (4, 71).

Писатели новой школы толковали его как «автоэпиграмму»³⁴. Может быть, неслучайно мотив ползанья неизменно присутствует в творчестве графа: достаточно упомянуть название его переславского имения — «Выползова слободка»³⁵. В примечании к этим строчкам из басни II «Орлица и черепаха» (1802), уже ставшими к тому времени крылатыми, отмечено: «Благосклонные любители иносказательного рода похвалят в ней стихи: Ползя, упасть нельзя, хотя и оные могут быть подвергнуты критике. Ползя с горы, упасть можно» (4, 298). В этих словах чувствуется некое литературное кокетство: с одной стороны, Хвостову очень приятна справедливая оценка его труда, а с другой — он как будто оправдывается, опровергая удачность стиха. Баснописец сам определил критерий, по которому традиционно судили о его творчестве: предельная реалистичность. Однако в устах Хвостова он звучит как большая уступка критикам. Под «благосклонными любителями иносказательного рода» Хвостов имеет в виду Николая Федоровича Остолопова, в статье которого «О баснях графа Хвостова»³⁶ были отмечены достоинства этого жанра. Удивителен факт появления статьи, автор которой, «прочитав без малейшего пристрастия и предубеж-

дения» отдельное издание басен Хвостова (1820), «не *выискивал* погрешностей»³⁷ (курсив Н. Остолопова!), а предложил читателям то, что ему «показалось особенно заслуживающим похвалы и уважения» и что «принесло большое удовольствие»³⁸. В числе «рассуждений, заслуживающих внимания» Остолопов упомянул и отрывок из басни «Орлица и черепаха»: «Все на земле беды родятся от полета. / Ползя, / Упасть нельзя»³⁹, а среди «весьма хороших стихов» отметил и тот, который через девять лет стал эпиграфом книги четвертой: «*Желаний лестница — величины безмерной*»⁴⁰ из басни I «Желатель» (4, 214). Этот факт Хвостовым был также зафиксирован: «В этой басенке многие стихи многим понравились, особливо стих, поставленный в сей книге в эпиграф, замечен был Н. Ф. Остолоповым при разборе басней автора»⁴¹ (4, 307).

Книга третья басен Хвостова открывается словами: «*Некстати говорить — педантов всех порок*» (4, 139) из басни II «Учитель и ученик», где вместо помощи утопающему ученику учитель решил преподавать урок «витиеватый». В предыдущих изданиях басни («Избранные притчи из лучших сочинителей». СПб., 1802; 1816) рассматриваемый стих отсутствовал, он появился лишь в редакции притчи 1818 года (ПСС, ч. 3), претерпевшей заметные изменения. В эпиграфе содержится намек на выпады в адрес автора.

Все три выдержки избраны Хвостовым из басен, где он нашел известным сюжетам новое нравоучение⁴², к тому же сами басни неизменно печатались в соответствующих им книгах в числе первых. Особенного принципа выбора этих эпиграфов, которые явились бы, например, тематическим, идейным или характерологическим ключом той или иной книги басен, не выявлено, кроме уже отмеченного: избранные стихи были или могли быть, по мнению автора, признаны удачными.

В первых двух изданиях четвертого тома «Переводы» (1818; 1822) присутствовал эпиграф-дубль: один и тот же эпиграф был напечатан дважды, т. е. предназначался как для всего четвертого тома, так и для одного из произведений — перевода трагедии Расина⁴³:

Что само по себе естественно, прекрасно,
То вновь перерождать и украшать опасно.

Во второй части настоящей статьи будет продолжен анализ эпиграфов к произведениям в последующих изданиях Д. И. Хвостова, а также подведены итоги исследования этого пристрастия поэта.

Примечания

¹ См.: *Альтшуллер М.* Беседа любителей русского слова: у истоков русского славянофильства. 2-е изд., доп. М., 2007. С. 181–214; *Махов А. Е.* Это веселое имя: Хвостов // *Граф Дмитрий Иванович Хвостов. Соч. / сост. О. Л. Довгий, А. Е. Махов. М., 1999. С. 6–43; Гордин Я.* Певцы искаженного мира // *Петрополь. Альманах. Л., 1991. Вып. 3. С. 156–167.*

² *Гордин Я.* Певцы искаженного мира. С. 159.

³ *Альтшуллер М.* Беседа любителей русского слова. С. 204.

⁴ *Махов А. Е.* Это веселое имя: Хвостов. С. 8.

⁵ Имеются в виду эпиграфы к поэтическим произведениям и сборникам, включая три издания Полного собрания стихотворений Д. И. Хвостова (СПб., 1817–1818: в 4 ч.; СПб., 1821–1822, 1827: в 5 ч.; СПб., 1828–1830, 1834: в 7 т.).

⁶ Об этом не раз упоминалось в переписке современников Хвостова. См.: *Вацуро В. Э.* Пушкинская пора. СПб., 2000. С. 48.

⁷ Четвертая часть «Переводы графа Хвостова» была выпущена только с одним эпиграфом: «Что само по себе естественно, прекрасно, / То вновь перерождать и украшать опасно» (см. ниже).

⁸ Современники отметили и эту черту графа. Так, Н. И. Греч писал в «Обозрении истории русской литературы»: «Граф Хвостов представил современникам своим пример благородного, неутомимого занятия отечественною словесностью, вопреки всем препятствиям и неудачам» (Цит. по: *Хвостов Д. И.* Избр. соч. / сост., вст. ст., примеч. М. Амелина. М., 1997. С. 18).

⁹ *Хвостов Д. И.* Полн. собр. стихотворений: в 7 т. 3-е изд. СПб., 1828–1834. Цитаты приводятся главным образом по этому изданию. Далее ссылки на него даются с указанием тома и страницы в тексте.

¹⁰ *Хвостов Д. И.* Полн. собр. стихотворений. 2-е изд. СПб., 1821. Т. 1. С. VII.

У Хвостова есть строки, которые можно назвать «предэпиграфом»: это двустипхи, которым оканчивается «Предупреждение к читателю» в «Избранных притчах из лучших сочинителей российских стихами» (СПб., 1802): «<...> предоставляя благоволению и суждению просвещенного читателя, ожидаю не подпал ли я под собственное мое порицание:

Выкрадывать стихи, не важное искусство: —
Украдь Корнелев дух, а у Расина чувство».

Это нравоучение из притчи «Грабитель» (с. 66–67 издания 1802 г.) «многим очень полюбилось», как сообщил сам Хвостов в примечаниях (4, 299). С благосклонностью отзывались об этих строках и его современники, перечисляя их среди «des vers a retenir», т. е. стихов для запоминания (франц.) (см.: *Дмитриев М. А.* Мелочи из запаса моей памяти // *Дмитриев М. А.* Московские элегии. М., 1985. С. 197).

¹¹ Хвалебный отзыв об этом сборнике «Разбор посланий в стихах Графа Дмитрия Ив<ановича> Хвостова» был напечатан в четвертой книжке журнала «Кабинет Аспазии» (с. 70–85), выходявшего в 1815 г. в Петербурге не без помощи Хвостова, и начинался эпиграфом в защиту автора: «Des Zoiles du tems méritent la colére. R.» («Зоилы времени заслуживают гнева. Р.», франц.). Статья подписана инициалами А. Р. (А. Ф. Рихтер).

¹² Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 182.

¹³ Впервые в 1827 г. в пятом томе («Разные стихотворения графа Хвостова, сочиненные после полного собрания»), где было напечатано и много ранних произведений.

¹⁴ Еще одним примером такого неисполненного обета является начало стихотворения «К музам» (1802):

Оставлю, Музы, труд напрасный
И не хочу писать стихов,
На Пинде розы все прекрасны,
Но только много и шипов (1, 229).

У Сумарокова, на которого также равнялся Хвостов, есть стихотворение «Расставание с музами» (1759), завершающееся словами: «Прощайте, Музы, навсегда! Я более писать не буду никогда» (*Сумароков А. П.* Избр. произведения / вст. ст., подг. текста и примеч. П. Н. Беркова. Л., 1957. С. 297. (Б-ка поэта. Бол. сер.).

¹⁵ Цит. по: *Корнеев А.* Невольник лесты. К 150-летию Д. И. Хвостова // Культура. 2007. № 33 (23–29 авг.). С. 5.

¹⁶ Е. Я. Колбасин в своем психологическом очерке о графе довольно много страниц уделил свидетельствам подобного «заинтересованного» отношения некоторых литераторов и проанализировал, к чему привело Хвостова это ослепление лестью. См.: *Колбасин Е. Я.* Певец Кубры, или Граф Дмитрий Иванович Хвостов (психологический очерк) // Время. 1862. № 6. С. 156–176.

¹⁷ Из письма к Хвостову от 21 ноября 1805 г. (Соч. Державина с объяснит. примеч. Я. Грота: в 9 т. СПб., 1876. Т. 6. С. 174). Это перевод эпитагмы Капниста, адресованной Державину и написанной на французском языке. См. улучшенную редакцию эпитагмы «Совет автору»: Соч. Державина. Т. 3. С. 485.

¹⁸ Граф Дмитрий Иванович Хвостов. Соч. С. 189.

¹⁹ Там же. С. 188.

²⁰ *Хвостов Д. И.* Избр. соч. С. 7. Сам Хвостов считал творчество в старости хотя и проигрывающим в воображении, но преуспевающим в рассудительности. См.: Граф Дмитрий Иванович Хвостов. Соч. С. 187.

²¹ *Западов А. В.* Из архива Д. И. Хвостова // Литературный архив. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 361.

²² Книга из библиотеки ИРЛИ РАН (шифр: 76 6/3; в одном конволюте с ч. III (СПб., 1817) ПСС). Приписка выделена нами курсивом.

²³ Предположение Н. В. Измайлова (*Измайлов Н. В.* Новый сборник лицейских стихотворений // Сборник Пушкинского Дома на 1923 год. Пг., 1922. С. 71).

²⁴ Там же.

²⁵ Письмо к А. А. Дельвигу от 16 ноября 1823 г. (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: в 16 т. М.; Л., 1937. Т. 13. С. 75).

²⁶ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 379–380.

²⁷ Даже издавая 7-й том в 1834 г., Хвостов продолжал утверждать: «Автор пишет <...> по своим чувствам для удовольствия, не мечтая ни мало о Парнасских чинах и отличиях» (7, 258).

²⁸ По поводу этой конечной строки стихотворения (в эпитаграф взято последнее шестистишие) Хвостов написал в примечании: «Последние стихи сего послания весьма дурно переведены у г. Сент-Мора. В них сказано, будто бы я по собственному признанию дурной Поэт, но за то добрый человек» (3, 160).

²⁹ Такие пометы появились под эпитаграфами третьего издания, тем самым подчеркивалось авторство Хвостова. Правда, иногда указанная страница не совпадала с той, где действительно находилась цитата, а сама цитата нередко также отличалась от поставлен-

ной в эпитафии, как в этом случае отличается первая строка («Надеюсь, — может быть, в числе стихов моих») и предпоследняя («И с чувством оценят не мыслей красоту <...>») (З, 42–43; Курсив мой. — И. К.). Поэт бесконечно правил свои стихи, стараясь устранить строки или слова, вызывавшие насмешки литераторов.

³⁰ Статья, которую открывает эпитафия «И критике себя бестрепетно мы вверим», в целом посвящена проблеме необъективной оценки литературы. Упомянуты имена Ломоносова, Сумарокова, Суворова-Рымниковского. О Хвостове речь заходит лишь на последних страницах. Самыми пристрастными среди «судей» литераторов Писарев признает рецензентов, отмечая, что «пристрастие есть злейший враг достоинству, а паче оно предосудительно ценителю качеств, какого бы то роду оные ни были» (Писарев А. А. О разборе книг: 1-й разбор [О критике] // Амфион. 1815. Кн. 4. С. 44).

³¹ Там же. С. 54.

³² В издании 1829 г. эту строку Хвостов делает более благозвучной: «в ней много разных лиц».

³³ Книга первая не имеет эпитафии.

³⁴ Русская басня XVIII–XIX веков. С. 572.

³⁵ Еще одни именитые строки «Ползем, — а мыслим, что летаем» родились у Хвостова в «Стихах на Новый 1804 год» (Друг просвещения. 1804. Ч. 1. № 2. С. 105–106). Возможно, специальное исследование выявит роль в распространении этого мотива в русской литературе (включая, конечно же, и речение М. Горького «Рожденный ползать — летать не может») «выползовского» поэта и его «крылатых» выражений.

³⁶ Благонамеренный. 1820. Ч. 10. № IX. С. 176–182. Рецензия подписана: О-въ. (Н. Ф. Остолопов).

³⁷ По справедливому замечанию В. Э. Вацура, «биография Хвостова-графомана строилась последовательно и целенаправленно; из всей его необозримой поэтической продукции отбирались и передавались из уст в уста именно „примеры галиматий“ <...>; от него ждали стихотворных нелепостей и читали с этой установкой» (Вацура В. Э. Пушкинская пора. С. 47–48).

³⁸ Благонамеренный. 1820. Ч. 10. № IX. С. 176. Остолопов также заметил, что пишет «не критику, не рецензию; но замечания, относящиеся к одному избранному мною предмету» (там же). Эпиграммы, послания Н. Ф. Остолопова к Хвостову не были злыми, язвительными, а чаще носили рекомендательный характер. Так, в стихотворении «Ответ графу Хвостову» (Благонамеренный. 1821. Ч. 15. № XIII. С. 34–35) Остолопов советовал поэту, с легкостью писавшему во всех жанрах, остановиться на сатирах-посланиях («И только изредка к друзьям твоим Послания // Являют нам твои в сатирах дарованья»), тогда Муза перестанет ревновать его к другим вдохновителям (Пиндару, Феду, Мельпомене) и он обретет популярность: «Вновь лаврами твое украсится чело. / Завистников оставь — пускай шинят и жалят! / Бессмертен тот певец, кого по смерти хвалят». Последний стих у Остолопова — строка из послания Хвостова «Живописцу моему» (1809), которая, в свою очередь, была навеяна ее автору письмом Г. Р. Державина от 11 декабря 1805 г., где Державин, цитируя стихотворение «Мой истукан», писал: «Заслуги в гробе созревают, / Герои в вечности сияют. Вот чего, кажется, самые наивеличайшие смертные во всех родах добиваются, а потому похвала современников не надежна, как и на хулу их смотреть много не для чего» (Соч. Державина. Т. 6. С. 169–170).

³⁹ Благонамеренный. 1820. Ч. 10. № IX. С. 176, 179–180. К 1829 г. первая часть цитаты была отредактирована Хвостовым и выглядела уже так: «Напасти на земле роятся от полета» (4, 76).

⁴⁰ Там же. С. 181.

⁴¹ Отметим, что ко всем другим стихам и басням Хвостова, упомянутым Н. Остолоповым в своем разборе, в авторских примечаниях отсутствуют подобные заметки. Только в двух случаях, когда строки стали эпиграфами, Хвостов напомнил о положительном отзыве.

⁴² При этом Хвостов отмечал, что первая и третья книги «почерпнуты из Лафонтена или переведены из сего, по справедливости, знаменитейшего баснописца», вторая и четвертая — «подражания разным французским и немецким сочинителям, изобретение же некоторых басней в сих двух книгах принадлежит собственно нашему автору, что видно из примечаний, при баснях находящихся» (4, 293).

⁴³ Этот прием так и остался единственным примером в русской эпиграфике.



С. Д. Дзюбанов

Об авторах карты «Река времен»



Статья посвящена создателям карты «Река времен», изображающей всемирную историю и вдохновившей Г. Р. Державина на написание последнего в его жизни стихотворения. Автор первого варианта карты немецкий историк Фридрих Штрасс не был обойден вниманием биографов¹, в отличие от автора русского перевода Александра Варенцова, удовлетворительной биографии которого до сих пор не было, а в некоторых источниках авторство перевода карты ошибочно приписывается его отцу или старшему брату².

Немецкий историк Иоганн Готлиб Фридрих Штрасс родился 10 марта 1766 года в Грюнеберге. Существует множество населенных пунктов с названием Грюнеберг, родина Штрасса находилась поблизости от города Кенигсберга в Ноймарке (ныне польский город Хойна). Штрасс обучался в гимназиях: сначала в Кенигсберге, позднее в Йоахимштале. Затем он изучал теологию и филологию в университете города Галле. По окончании курса наук длительное время путешествовал по Европе с неким итальянским графом, и, наконец, поселился в Берлине, где в 1791 году стал профессором кадетского корпуса. Штрасс преподавал историю в корпусе до 1803 года. «Река времен» была опубликована в Вене в 1804 году. Чтобы осуществить такое издание, требовалась серьезная и продолжительная подготовка. Вероятно, идея создания карты возникла у Штрасса еще в Берлине. Возможно, рукописный вариант карты использовался им в качестве наглядного пособия для изучающих историю кадет.

В 1803 году Штрасс получил должность директора учебного заведения при монастыре Клостер Берген близ Магдебурга. Это было престижное учебное заведение с многовековой историей. Однако война

помешала его педагогической деятельности. Штрасс переселился в Вестфалию, где с 1812 по 1820 год был директором гимназии в Нордхаузене. В 1820 году он открыл новую евангелическую гимназию в Эрфурте, которую возглавлял до 1841-го, затем оставил службу и переехал к дочери в Берлин, где 17 марта 1845 года скончался.

Самыми известными работами Штрасса по истории являются карта «Река времен» и объемное руководство по всемирной истории (Handbuches der Weltgeschichte). Карта после первого венского издания еще несколько раз переиздавалась в Берлине, с авторскими дополнениями. Последнее издание руководства вышло в 2011 году.

В основу карты «Река времен» Штрасс положил синхронистические таблицы. Такие таблицы широко использовались как его предшественниками, так и в более позднее время. Истории разных народов в этих таблицах помещались в параллельные синхронные колонки, нередко дополнительно вводилась колонка с указанием важнейших изобретений и открытий человечества. В популярном в начале XIX века «Хронологическом и синхронистическом обозрении истории» Ф. Кольрауша³, наряду с колонками истории народов, в таблицу включены колонки истории их образованности. Переводчик этих таблиц с немецкого на русский Евстафий Ольдекоп несколько расширил их в части, касающейся России. Синхронистические таблицы удобны, но преподавателям истории хотелось максимально задействовать зрительную память учащихся. Один из последователей Штрасса Николай Иванович Павлицев (муж сестры А. С. Пушкина Ольги) писал, что история описывает события, происходящие во времени и пространстве и что «сочетание времени с пространством можно сделать доступным для глаза посредством „реки времен“»⁴. Штрасс первым из историков предложил показывать истории народов как потоки, которые то сливаются, если происходит объединение народов, то делятся на рукава. Такое представление истории является, пожалуй, наиболее наглядным. «Журнал российской словесности» писал в августе 1805 года по поводу карты «Река времен», что «никакая история не может так поразить внимания человека, как сия карта. Никакая история не возродит в душе чувствительного человека того неизъяснимого чувства скорби при виде быстрого полета всеразрушающего времени, которое рождается при воззрении вдруг на все перемены мира. История народов и жребий царств поражают всякого»⁵.

Русский перевод карты «Река времен» был выполнен Александром Алексеевичем Варенцовым (1787–1835) и опубликован в 1805 году вместе с прилагавшейся к карте пояснительной брошюрой. Относительно перевода «Реки времен» «Журнал российской словесности» отметил, что «поток российской истории на карте был явно недостаточным, переводчик его вновь обработал, а также приумножил и довел до новейшего времени поток, определенный на карте для учености и изобретений»⁶. Журнал заключил, что «как переводом, так и дополнением сей карты, г. Варенцов заслуживает благодарность всех любителей истории, а наиболее отечественной»⁷.

Что же нам известно о Варенцове? Сведения, содержащиеся в публикациях о нем, крайне скудны и во многом противоречивы. Автор статьи в Русском биографическом словаре Владимир Владимирович Шереметевский (1863–1943) не приводит дат его жизни, не указывает даже отчества.

Некоторые источники ошибочно называют автором «Реки времен» обер-провиантмейстера Алексея Николаевича Варенцова, который в действительности был отцом настоящего автора перевода. Алексей Николаевич сын Николая Михайловича Варенцова (1725–?) и Натальи Васильевны (1729–1799)⁸, принадлежал к старинному роду переславль-залесских купцов и, подобно всем его родственникам, занимался торговлей. Дела шли хорошо, Варенцов стал купцом первой гильдии и именитым гражданином Переславля-Залесского, в 1782 году он состоял в выборной купеческой службе (вероятно, был ратманом в Переславле-Залесском). Он торговал в Переславле-Залесском, в Москве, Петербурге и за границей. Во второй половине XVIII века переславль-залесские купцы получали немалые доходы, продавая за границу через порт Санкт-Петербурга русский текстиль; в Россию они везли табак, чай, кофе. Налоги Варенцов продолжал выплачивать в Переславле-Залесском. В 1785 году он приобрел дом в Санкт-Петербурге на левой стороне Фонтанки в приходе церкви Владимирской Божьей Матери, что в Придворных слободах⁹. В том же году он был внесен в 1-ю часть городской обывательской книги как домовладелец.

В 1787 году Варенцов обратился с прошением о внесении его в 4-ю часть обывательской книги по промысловому занятию:

Переславль-Залесский именитый гражданин и первой гильдии купец, торгующий при здешнем порте, вместо присяги утверждаю,

что поселяясь иногородним гостем и право гражданское принимаю, и обязуюсь по мещанству нести тягости, а для отправления торгу первой гильдии присвоенного собственного капитала имею 10 500 руб, который объявлен в городе Переславле-Залесском и о платеже однопроцентного с того капитала денег квитанцию представляю.

Генваря 20 дня 1787 года¹⁰.

К прошению Алексей Николаевич приложил копию паспорта:

По указу Ея императорского Величества Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны Самодержицы Всероссийской и прочая, и прочая, и прочая

Из переславского городского магистрата залесского, Переславля-Залесского именованный гражданин и первой гильдии купец Алексей Николаев сын Варенцов отпущен в Москву, Санкт-Петербург и в другие великороссийские и заграничные города для торгового его промысла с нижеписанного числа предбудущего тысяча семьсот восемьдесят седьмого года марта по первое число, чего ради ему и сей пашпорт с приложением магистратской печати дан в Переславле-Залесском марта седьмого на десять дня 1786 года.

Бургомистр Петр Быков
Ратман Василий Кириллов
Ратман Илья Глинский¹¹.

О себе Варенцов сообщил:

Переславский купец Алексей Варенцов, от роду имею 32 года.

Женат у переславского купца Ивана Куманина¹² на дочери его Анне Ивановой.

Имею сына Алексея семи месяцев. Имею дом в Московской части в первом квартале под номером 21 по купчей. Жительство имею здесь, в Москве и в Переславле-Залесском.

В каких градских или иных службах был:

В службе находился в Переславле в 1782 году¹³.

В том же 1787 году у Варенцова родился второй сын Александр, будущий автор перевода «Реки времен». Он был крещен в приходской церкви Владимирской Богоматери:

Именитого гражданина Алексея Николаевича Варенцова сын Александр родился 21 августа, крещен 25-го. Восприемниками были: сын Варенцова Алексей, корнета Софрона Дементьева жена Клеопатра Иванова¹⁴.

Крестный отец Александра брат Алексей пребывал еще в младенческом возрасте, но, как оказалось, подобные случаи в семье Варенцовых встречались.

Молодой купец Варенцов, выезжавший за границу и, вероятно, владевший иностранными языками, привлек внимание русских спецслужб. В те годы фактическим главой внешнеполитического ведомства России был тайный советник граф Александр Андреевич Безбородко. И в последующие годы Варенцов выполнял поручения канцелярии Безбородко. Одним из приоритетных направлений внешней политики России было польское, готовился Третий раздел Польши. Варенцов оказался в польской королевской службе, а в конце 1791 года был официально оформлен в русскую государственную службу:

...военная коллегия уведомляет, что Алексей Варенцов в российскую польской королевской службы из надворных советников принят капитаном 1791 декабря 1-го и определен в Суздальский пехотный полк, с которого времени находился при канцелярии господина действительного тайного советника и кавалера графа Александра Андреевича Безбородко при исправлении поручаемой ему комиссии¹⁵.

Из документа видно, что Варенцов не был на службе в полку ни дня, а в действительности местом его службы была канцелярия Безбородко, который очень тщательно относился к подбору кадров для своей канцелярии, и это в значительной мере было залогом его успеха как политика. В октябре 1791 года Безбородко писал графу С. Р. Воронцову:

...Государыня сама видит из сокровенных особливо каналов, что чужеземцы многое знают от каких либо у нас неверных людей и жалуются, что члены моей канцелярии дики, неприступны и в особой сфере обращаются¹⁶.

Безбородко был строг и требователен к членам своей канцелярии, но за преданность и хорошую службу щедро награждал подчиненных. Ва-

ренцов 1 декабря 1792 года был признан во дворянстве и внесен во вторую часть дворянской родословной книги Полоцкого наместничества, в котором он к тому времени уже успел обзавестись недвижимым имением, по-видимому, также не без помощи Безбородко. В 1793 году Варенцов купил обширное поместье в Ярославском уезде у премьер-майора Петра Владимировича Салтыкова (?–1806)¹⁷. Он сразу же стал вкладывать деньги в развитие этого имения и уже в следующем году просил разрешения на постройку мукомольной мельницы на реке Монже близ с. Туношна¹⁸.

В 1793 году у Варенцова родился сын Петр, который по праву считался потомственным дворянином по заслугам отца. Иначе обстояло дело со старшими сыновьями Алексеем и Александром. Они родились до того, как их отец выслужил право на потомственное дворянство. Такие дети именовались обер-офицерскими и прав на потомственное дворянство по законам того времени не имели. Но при таком покровителе, как князь Безбородко, это не составляло серьезной проблемы. Тридцатого ноября 1797 года Алексей и Александр Варенцовы были приняты на службу в Коллегию иностранных дел титулярными юнкерами, т. е. в обер-офицерском чине, и могли считаться потомственными дворянами по собственным заслугам.

Александрю тогда исполнилось 10 лет, немногим старше был Алексей. Впрочем, русские аристократы, принадлежавшие к древним дворянским родам, не считали ровней себе таких «выскочек» из купечества. Так, Ф. Ф. Вигель писал о П. А. Варенцове:

Он принадлежал к тем купеческим родам, которые, чрезвычайно разбогатевав, так охотно и легко переходят у нас в дворянское состояние. Некоторые из них, поднявшись в чинах, посредством блестящих супружеств, беспрепятственно приписываются к знатым, как, например, некогда Демидовы, а в настоящее время Мальцовы, Гончаровы, Устиновы. Но не всем это удается; многие из них, во втором или третьем поколении, прогуляв нажитое родителями, возвращаются к ничтожеству и к нищете. Отец Варенцова, простой разбогатевший фабрикант, нашел средство двух старших сыновей определить в Иностранную коллегию, а меньшого Петра Алексеевича — в Институт путей сообщения¹⁹.

Вигель, по-видимому, не имел ни малейшего представления о службе отца Варенцова.

Алексей Николаевич Варенцов числился капитаном Суздальского полка до 1793 года, затем был переведен в провиантский департамент:

1793 года июня 1 числа коллегией по признанной генерал-провиантмейстером способности определен в провиантский штат обер-провиантмейстером премьер-майорского чина, и при том определении к дальнему впредь производству старшинством велено считать по силе провиантского штата 5 пункта 2-го отделения по прежнему чину²⁰.

Перемещение Варенцова по времени совпало с периодом, когда Безбородко был в немилости у императрицы из-за конфликта (впрочем, скоро улаженного) с ее последним фаворитом Платоном Зубовым. Но означал ли этот перевод Варенцова, что он покинул «команду» Безбородко? В июле 1795 года Варенцов обратился с прошением на высочайшее имя:

Всепересветлейшая державнейшая Великая Государыня Императрица Екатерина Алексеевна Самодержица Всероссийская Государыня Всемиловивейшая:

Просит штата провиантского обер-провиантмейстер премьер-майорского чина Алексей Николаев сын Варенцов о нижеследующем:
1-е

По состоянию за мною в Полоцкой губернии недвижимого имения благородное дворянство, признав представленные от меня о дворянском достоинстве доказательства сходственными с пожалованною всемиловивейшее дворянству грамотой, дали мне в 1792 году за подписанием дворянского предводителя и уездных дворянских депутатов с утверждением узаконенной на то печати грамоту, в 1793 году июня 17-го дня всемиловивейшее пожалован я из капитанов в обер-провиантмейстеры премьер-майорского чина, на который и патентом удостоен, и ныне нахожусь в действительной Вашего Императорского Величества службе, чего для, прилагая при сем в оригинале грамоту и патент, всеподданнейше прошу: Дабы высочайшим Вашего Императорского Величества указом повелено было сие мое прошение в правительствующий сенат принять и на дворянское достоинство пожаловать меня дипломом и гербом, а подлинные грамоту и патент благоволить возвратить мне обратно.

Всемилолюбивейшая Государыня, прошу Вашего Императорского Величества о сем моем прошении решение учинить июля дня 1795 года. К поданию надлежит правительствующего Сената в герольдмейстерскую контору.

Прошение писал дому господина камер-юнкера барона Григорья Александровича Строганова служитель Яков Кузнецов.

Обер-провиантмейстер Алексей Николаев сын Варенцов руку приложил²¹.

В департаменте Герольдии в 1796 году были подготовлены проекты герба Варенцовых и высочайшего указа об его утверждении:

Жалуем Варенцову нижеследующий дворянский герб.

В нижней части щита голубого цвета изображены крестообразно два золотые колоса и над ними вдоль щита шпага, означающая службу нашего верноподданного обер-провиантмейстера Варенцова в провиантском штате, а в знак монаршего нашего благоволения и возведения его в дворянское достоинство по сторонам шпаги два серебряные орлиные крыла, щит завенчан обыкновенным дворянским шлемом с страусовыми перьями, намет на щите голубой подложен серебром²².

В связи со смертью Екатерины II указ остался неподписанным. Позднее Герольдия подготовила новый проект указа для подписания Павлом I, но герб, по-видимому, так и не был утвержден²³.

Варенцов состоял в провиантском штате до 1799 года. Его сыновья Алексей и Александр числились в это время в Коллегии иностранных дел. Оба 28 октября 1798 года были произведены в переводчики (это соответствовало капитанскому чину). Возможно, что производство совпало с их реальным выходом на службу.

Мать Алексея Николаевича — переславль-залесская купчиха Наталья Васильевна Варенцова умерла 17 марта 1799 года в возрасте 70 лет, ее отпевали в церкви Владимирской Богоматери и похоронили на Волковом кладбище в Санкт-Петербурге²⁴. По-видимому, Варенцову предстояли хлопоты по наследственным делам. Четвертого апреля того же года скончался светлейший князь канцлер Безбородко. Трудно сказать, какое из этих событий повлияло на выход в отставку Варенцова, но уже 18 декабря 1799 года в записи о крещении дочери его дворового че-

ловека Алексей Николаевич именуется отставным обер-провиантмейстером²⁵.

Седьмого августа 1801 года в возрасте 35 лет умерла жена Варенцова Анна Ивановна. Она была похоронена на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры. Около 1802 года Варенцов женился вторым браком на Екатерине Алексеевне Сырейщиковой, принадлежавшей к старинному московскому купеческому роду²⁶. От этого брака он имел сына Николая, умершего в младенчестве, и дочь Елизавету (24.10.1803–28.06.1883). Екатерина Алексеевна умерла 10 ноября 1804 года в возрасте 28 лет и была погребена также на Лазаревском кладбище. 15 сентября 1805 года Алексей Николаевич, которому исполнился 51 год, женился третьим браком на восемнадцатилетней Ольге Семеновне Волковой (1787–?). Венчались в церкви Владимирской Богоматери, поручителями по жениху были его сыновья Алексей и Александр, по невесте — надворный советник Александр Иванчин. Сохранился брачный обыск:

1805 года сентября 15 дня мы, нижеподписавшиеся, свидетельствуем, что сочетающийся браком обер-провиантмейстер Алексей Николаевич Варенцов понимает себе умершего поручика Семена Волкова дочь девицу Ольгу, вступают во оной по взаимному между собой согласию и любви и с позволения своих родителей и родственников без всякого принуждения, сродства между ими ни духовного ни плотского, разрушающего достояние тайны сея, ни присвоения до супружества не допускающего, ни какого иного какого правильного препятия, к соединению их возбраняющего, не обретается. Жених — вдовец от роду лет 51, невеста — девица от роду 18 лет.

Заклячая истинность сего свидетельствования и поручительства своего тем, что ежели хотя едино от вышереченного явится когда несправедливо, приемлем ответствование за то по силе законов на себя, в чем своеручно и подписуемся

К сему свидетельству подписуюсь

Коллежский ассессор Александр Варенцов

К сему свидетельству подписуюсь

Коллежский ассессор Алексей Варенцов

К сему свидетельству подписуюсь надворный советник Александр Иванчин²⁷.

Дочь Ольгу, которая родилась у них 3 июля 1806 года, крестили 4 июля в церкви Владимирской Богоматери. Восприемниками были петербургский купец Козьма Федорович Папышев²⁸ и дочь Варенцова Елизавета, которой не было тогда и трех лет²⁹. Алексея Николаевича уже не было в живых, он скончался в 1806 году и был погребен на Лазаревском кладбище рядом с первой и второй женами. Над могилами было поставлено общее надгробие, позднее там же была похоронена дочь Варенцова Елизавета. Могила сохранилась, она находится на Ломоносовской дорожке неподалеку от могилы М. В. Ломоносова.

Сыновья Варенцова были тогда на службе в департаменте Иностранных дел. После вышеупомянутого производства в переводчики Алексей и Александр были пожалованы 3 января 1801 года в коллежские асессоры, а 31 декабря 1805 — в надворные советники. Их младший брат Петр 28 января 1803 года был произведен в Иностранной коллегии юнкеры и отправлен в дом для продолжения курса наук. Позднее Петр Варенцов поступил в Институт корпуса инженеров путей сообщения и стал одним из первых выпускников этого учебного заведения³⁰.

Старшие братья Алексей и Александр в 1805–1806 годах активно занимались литературной и издательской деятельностью. Братья Варенцовы, не достигнув полного совершеннолетия и находясь при отце, собственных денег не имели. По-видимому, они не посвящали отца в свои замыслы: возникавшие финансовые проблемы решал Александр Варенцов, занявший в то время у разных лиц около 80 тысяч рублей³¹. В течение года братья издавали литературно-художественный «Журнал для пользы и удовольствия»³², который печатался в петербургской типографии Дрекслера. Он выходил ежемесячно, но с некоторым опозданием: 9-й номер 1805 года был подписан в печать 20 января 1806-го, а последний, 12-й номер, вышел в свет уже после смерти отца Варенцовых. В журнале публиковались произведения, написанные преимущественно в сентиментальном духе. Редактором был Алексей Варенцов, который являлся и автором многих публикаций. В 12-м номере журнала он сообщил читателям: «Все почти прозаические сочинения и большая часть стихов без имени суть мои опыты»³². Участие в журнале Александра Варенцова ограничивалось, вероятно, финансовой стороной и публикацией сочинений на историческую тему. Постоянными сотрудниками «Журнала для пользы и удовольствия» были: И. Г. Ари-

стов, Е. П. Люценко, И. Ильинский. Здесь впервые напечатаны некоторые произведения И. П. Пнин (1773–17.09.1805). Н. И. Греч помещал в нем свои переводы с немецкого, А. С. Милорадович — с французского. А. А. Писарев (1780–1848) опубликовал в журнале работу «Прибавление ко всякой статье о человеколюбии. О необходимости помещикам заботиться о благосостоянии крестьян на примере А. Н. Оленина», а также описание загородного дома и картинной галереи графа А. С. Строганова.

После смерти Алексея Николаевича Варенцова к его детям были назначены попечители и опекуны, которые, вероятно, строго контролировали расход денежных средств. К тому же журнал лишился некоторых своих постоянных авторов. В сентябре 1805 года умер И. П. Пнин. А. А. Писарев с 1805 был занят объемным трудом «Предметы для художников», задуманным как справочник, который не предполагалось публиковать в периодике. Издание журнала пришлось прекратить. В последнем номере Алексей Варенцов объяснил прекращение издания отсутствием некоторых сотрудников, приключившейся с ним болезнью, некоторыми семейственными переменами и смертью «любезнейшего родителя»³⁴.

В то время как старший брат Алексей был занят журналом, Александр Варенцов готовил к публикации перевод «Реки времен». Издание было задумано как подарок императору (было снабжено посвящением Александру I) и осуществлялось на средства автора перевода. В начале 1805 года «Река времен» была уже напечатана, и Александру I был поднесен экземпляр издания. За поднесенный экземпляр Варенцов получил награду от императора. В «Реестре вещам, всемилостивейше пожалованным» от 8 апреля 1805 года читаем:

Ведомства Государственной коллегии иностранных дел коллежскому ассессору Варенцову за поднесенную Вашему Величеству переведенную им аллегорическую карту. Табакерка золотая с жемчугами³⁵.

Очевидно, Варенцов преподнес карту к очередной годовщине восшествия Александра I на престол, то есть к 12 марта 1805 года или несколько ранее. Итак, к началу марта 1805 работа над «Рекой времен» была уже завершена. Заметим, что это издание требовало продолжи-

тельной предпечатной подготовки. Нужно было гравировать объемную карту на медных досках. Сама печать и раскраска карты акварелью также требовали времени. На это, вероятно, ушли месяцы. Немало времени эта работа требовала и от автора перевода. Нужно было не только перевести карту Штрасса и пояснение к ней, но и существенно дополнить поток, соответствовавший на карте России, значительно расширить поток, относящийся к культуре человечества. Варенцов сделал не только это, но и продлил «реку времен» до текущего года. Такая работа потребовала бы значительного времени даже у профессионального преподавателя истории, а не только у семнадцатилетнего юноши. К тому же Варенцов не мог посвящать этой работе все свое время: он состоял на службе в департаменте, где был занят переводами с английского. Обращает на себя внимание, что карта Штрасса была напечатана в Вене только в 1804 году. Требовалось еще время на то, чтобы она была доставлена в Петербург и попала на глаза Варенцову. Невероятно! Единственное рациональное объяснение — Варенцов каким-то образом знал о «Реке времен» заранее. Но какая связь могла быть у берлинского профессора Штрасса с петербургским юношей Варенцовым? Этой, казалось бы, неразрешимой загадке все же нашлось рациональное объяснение.

По соседству с Варенцовыми в те годы жил Иван Иванович Дибич (1785–1831), впоследствии граф Забалканский, великий русский полководец, генерал-фельдмаршал и полный кавалер ордена св. Георгия. В 1798 году отец Дибича, которого также звали Иваном Ивановичем, поступил в русскую службу по приглашению Павла I. Сначала он был пожалован в подполковники, но вскоре произведен в генерал-майоры. Его сын тогда воспитывался в Берлинском кадетском корпусе. В 1801 году он был выпущен из корпуса в Россию по просьбе отца. Берлинское начальство пошло на это крайне неохотно, так как Дибич был лучшим учеником корпуса. Любимыми предметами Ивана Ивановича были тогда история, география, математика. Итак, Дибич был лучшим учеником Штрасса, а Штрасс преподавал любимый предмет Дибича. В чине портупей-прапорщика 23 августа 1801 года Дибич вступил в службу в лейб-гвардии Семеновский полк. Ф. Ф. Вигель писал о молодом Дибиче:

Семеновские офицеры, как уже говорил я, старались в обществе отличаться любезностью, ловкостью и щегольством. Между ними молодой Дибич примечателен был неуклюжестью и невзрачностью. Това-

рищи, однако же, не могли пренебрегать юношей, одаренным великою твердостью и благоразумием, напротив, в своих недоумениях, несогласиях всегда прибегали к его советам и подчиняли себя его суду. В нем ничего не оставалось славянского, одно только германское во всем было видно. Всегда степенный, рассудительный, хладнокровный в делах обыкновенной жизни, как бы равнодушный к окружающему, он был исполнен огня; не сердце кипело у него, а горела голова и, как у всех немцев новейшего времени, полна была фантазий³⁶.

В шумном Петербурге, в кругу товарищей, посещавших блестящие общества, молодой Дибич отказался от удовольствий, упорно занимался военной службой, а свободное время посвящал изучению русского языка. Братья Алексей и Александр Варенцовы были ровесниками Дибича. Будучи его соседями³¹, они, вероятно, посещали те же дома и так же, как он, были чужды праздности. Александра Варенцова и Дибича объединял к тому же общий интерес к истории. Их мог свести кто-нибудь из общих знакомых, например, упоминавшийся выше А. А. Писарев — сослуживец Дибича по Семеновскому полку. Вполне вероятно, что Дибич не только знал о «Реке времен», но и имел рукописный вариант такой карты. Не исключено, что именно Дибич подал Варенцову идею сделать русский ее вариант. В голове Дибича всегда рождалось множество идей, из-за чего его позднее прозвали Самовар-пашой.

Интересно, что в своем переводе «Реки времен» Варенцов назвал ее автора Штрасса Страссом. Что это, дань начинавшейся моде на все английское? Или следствие занятий Варенцова в департаменте английскими текстами? По-видимому, объяснение состоит совсем в другом. В то время в Петербурге был хорошо известен другой Фридрих Штрасс, который был эльзасцем, а, значит, мог именоваться также и Фредериком Страссом. Так его обычно и называли, а изобретенные им фальшивые драгоценности получили название «стразы».

Александр Варенцов вышел в отставку 4 мая 1806 года в чине надворного советника, в октябре того же года к нему был назначен попечитель. Алексей Варенцов продолжал службу в Коллегии иностранных дел до 22 октября 1807 года, когда был уволен в чине коллежского советника. В аттестате, выданном при увольнении, было отмечено, что он «в коллегии вел себя добропорядочно и порученное исправлял рачительно»³⁸. Младший брат Петр обучался в гимназии, по окончании ко-

торой, как уже говорилось, в 1810 году поступил в Институт корпуса инженеров путей сообщения. Мачеха Варенцовых Ольга Семеновна, которая была несколько моложе старшего из своих пасынков Алексея, около 1807 года вышла замуж вторым браком за капитана³⁹ Николая Александровича Дружинина (1778–?), служившего во 2-м кадетском корпусе. Его родной брат — Я. А. Дружинин (1771–1849) — действительный член Академии Российской, а впоследствии директор департамента мануфактур, тайный советник и почетный член Академии наук. С 1811 года Я. А. Дружинин состоял действительным членом «Беседы любителей русского слова» (4-й разряд).

Алексей Николаевич Варенцов оставил немалое наследство жене и детям, но недвижимость была разделена между ними только в ноябре 1814 года. Между тем подошли сроки выплаты по займам, которые брал Александр Варенцов:

Когда обязательства сии от кредиторов представлены были ко взысканию, то Варенцов отозвался, что хоть оные подлинно им даны и подписаны, но не за наличные деньги, а за товары, не стоящие написанных в них денег и при том в такое время, когда не имел он совершенных лет и не был отделен от отца⁴⁰.

Кредиторы подали на Варенцова в суд. Санкт-Петербургский уездный суд 23 сентября 1809 года определил доводы Варенцова о том, что товары не стоили уплаченных денег как бездоказательные. Что касается несовершеннолетних ответчика, то суд отметил, что частичная ответственность по указу 1785 года наступала уже с 17 лет, к тому же Варенцов состоял в то время в штаб-офицерском чине и должен был отвечать за свои поступки. Было решено взыскать с ответчика 69 675 рублей, заемные письма на сумму 13 650 рублей в суд не были представлены, иск по ним решено было рассматривать отдельно, если Варенцов не отдаст денег добровольно. Варенцов подал на апелляцию, но рассмотрение дела надолго отложилось из-за войны с французами.

С 10 мая 1812 года Александр Варенцов поступил на службу в канцелярию Министерства финансов, где «дела исполнял с особенным успехом и отличной похвалой, чем обращал на себя внимание начальства»⁴¹, но начавшаяся вскоре война помешала его гражданской службе. Шестнадцатого ноября того же года он вышел в отставку; 17 апреля 1813 года

был произведен из надворных советников в штаб-ротмистры и определен в Серпуховской уланский полк, однако на службе в полку не был, а со времени вступления в военную службу находился при генерале от кавалерии Кологривове. Варенцов не был в походах и сражениях, но внес свой вклад в общую победу, выполняя важные поручения в тылу.

Андрей Семенович Кологривов (1775–1825), при котором служил Варенцов, руководил формированием кавалерийских резервов для действующей армии. А. С. Грибоедов, тоже служивший тогда под началом Кологривова, писал:

Блистательные события прошедшей войны обращали на себя всеобщее внимание и не давали публике времени для наблюдений побочных, но между тем важных причин, кои способствовали к успехам нашего оружия. К оным, конечно, принадлежат резервы, сие мудрое учреждение венценосного нашего героя, сей рассадник юных воинов, который единственно делал, что войско наше, после кровопролитных кампаний 1812 и 1813 годов, после дорого купленных побед, как феникс, восставало из пепла своего, дабы пожать новые, неувядаемые лавры на зарейнских полях и явить грозное лицо свое в столице неприятеля. Буду говорить только о формировании кавалерии; ибо сам был очевидцем, дивился быстроте хода его, трудностям, с коими оно сопряжено, и неусыпным стараниям командующего сею частью, который в точности оправдал слова великого нашего государя, изъявившего ему во всемилостивейшем рескрипте, что не нашел иного, коему бы можно было вверить столь важную часть⁴².

Варенцов с усердием выполнял возлагаемые на него поручения и, по представлению Кологривова, 21 сентября 1813 года удостоился высочайшего благоволения⁴³.

Братья Александра Варенцова Алексей и Петр также приняли участие в Отечественной войне. Младший брат Петр с началом войны из Института корпуса инженеров путей сообщения в чине подпоручика поступил в действующую армию, участвовал в сражениях под Смоленском, при Бородино, Тарутино, Малом Ярославце, а также за пределами России: при Люцене, Бауцене, при взятии Герцбергера, под Дрезденом и Данцигом. Петр Варенцов умело применял знания, полученные в институте. Он участвовал в сооружении переправ и путей для движения войск, оборудовании позиций и был неоднократно награжден ор-

денами. Алексей Варенцов с началом формирования ополчения в Ярославле оснастил на свои средства целый казачий полк всем необходимым снаряжением и оружием. Сабли для полка были сделаны на ножевом заводе, бывшем в общей собственности Варенцовых. Он вступил в этот полк ротмистром и служил в нем до расформирования⁴⁴.

К окончанию войны с французами братья Варенцовы были уже женаты. Алексей и Петр женились, по выражению Ф. Ф. Вигеля, на девицах «равного себе состояния». Женой Алексея стала Мария Сергеевна Гусятникова, дочь московского купца. Петр женился на дочери надворного советника Екатерине Михайловне Кусовниковой, принадлежавшей роду, который так же, как и Варенцовы, недавно вышел из купечества. Александр женился на дочери поручика Павла Александровича Лодыженского Екатерине, принадлежавшей древнему дворянскому роду.

Продолжившееся дело о взыскании долга с Александра Варенцова последовательно рассматривали суды разных уровней. В 1819 году апелляционное дело рассматривала Санкт-Петербургская гражданская палата. К тому времени жена Варенцова Екатерина Павловна заплатила за своего мужа 26 тысяч рублей.

Палата постановила освободить Варенцова от взыскания на том основании, что он в то время был несовершеннолетним и брал в долг без разрешения отца. Дело переходило из инстанции в инстанцию и завершилось решением Государственного Совета в 1821 году, которым Варенцов окончательно освобождался от взыскания долга. Члены Совета были единодушны, против высказался лишь министр юстиции князь Лобанов-Ростовский.

Алексей и Александр Варенцовы, поселившиеся в своих ярославских вотчинах, постепенно превратили принадлежавшие им имения в образцовые хозяйства. Их крепостные крестьяне, состоявшие на оброке, не только приносили немалые доходы своим помещикам, но и сами жили довольно хорошо. В экономических примечаниях к атласам губерний по поводу состояния крестьян в то время применялась стандартная формулировка: «зажитком средственны». Крестьяне Варенцовых были редчайшим исключением, о них указывалось: «зажитком достаточны»⁴⁵. Земли в этих районах не отличались высоким плодородием, урожай всякого хлеба на них был «средственный». Крестьяне кроме хлебопашества были заняты кузнечной, каменной, мукомольной работой и перевозкой товаров в разные города России. В имениях было

множество водяных и ветряных мельниц. При селе Новое был уже упоминавшийся ножевой завод, «на коем обрабатываются помещичьими крестьянами паровою машиной точение и полировка в год ножей до 2000 дюжин по цене до 40 000 руб., продаются в Санкт-Петербурге, Москве и Ярославле». Ф. Ф. Вигель, побывавший там, писал, что завод «находился в самом цветущем состоянии, не так как у Саблукова; не было никаких лишних затей, ни иностранцев, а он сбирался уже вырабатывать бритвы»⁴⁶. Крестьянки в имениях Варенцовых помимо полевых работ занимались рукоделием: пряли лен и шерсть, ткали холсты и сукна для себя и на продажу. При селе Бурмакино еженедельно устраивались «торги по четвергам, на которые приезжают купцы из городов Ярославля и Нерехты с шелковыми и бумажными товарами, а из деревень крестьяне с молочными товарами и съестными припасами»⁴⁷. В селах Варенцовы построили каменные церкви. При селе Бурмакино было создано хорошо оборудованное пожарное заведение, которое тушило пожары не только в имениях Варенцовых, но и во всех соседних деревнях и селах. В 1829 году граф Бенкендорф ходатайствовал о награждении за тушение пожаров владельца села Бурмакино Алексея Варенцова, который к тому же, как оказалось, не получил никакой награды за участие в Ярославском ополчении. Вопрос рассматривал Комитет министров, который постановил Варенцова не награждать, а ограничиться Монаршим благоволением⁴⁸.

Александр Варенцов никогда более не возвращался к переизданию карты «Река времен». В 1827 году умерла его жена, которой исполнился 31 год. Варенцов умер 5 ноября 1835 года в возрасте 48 лет, оставив пятерых детей, и был похоронен на кладбище принадлежавшего ему села Туношна Ярославского уезда⁴⁹.

Примечания

- ¹ См., напр.: Allgemeine Deutsche Biografie. Leipzig, 1893. Bd. 36. S. 498–501.
- ² См., напр.: Русский биографический словарь: в 20 т. М., 1999. Т. 4. С. 37–38.
- ³ Русский перевод — СПб., 1833.
- ⁴ Павлицев Н. И. Исторический атлас России. Варшава, 1845. С. 7.
- ⁵ Журнал российской словесности. 1835. № 8 (10 авг.). С. 213–216.
- ⁶ Там же. С. 215.
- ⁷ Там же. С. 216.
- ⁸ ГАВО. Ф. 556, оп. 111, д. 15, л. 24 об.–25.

- ⁹ Дом не сохранился.
- ¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 781, оп. 2, д. 70, л. 1–2.
- ¹¹ Там же. Л. 4.
- ¹² Куманины — старинный род переславль-залесских и московских купцов.
- ¹³ ЦГИА СПб. Ф. 781, оп. 2, д. 70, л. 3.
- ¹⁴ Там же. Ф. 42, оп. 1, д. 2, л. 58 об.
- ¹⁵ РГИА. Ф. 1343, оп. 18, д. 331, л. 4.
- ¹⁶ Архив князя Воронцова. Кн. XIII. М., 1879. С. 212.
- ¹⁷ ГАЯО. Ф. 196, оп. 1, д. 339, л. 1–15.
- ¹⁸ Там же, д. 384, л. 1–5.
- ¹⁹ *Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 2003. Кн. II. С. 936.
- ²⁰ РГИА. Ф. 1343, оп. 18, д. 331, л. 4.
- ²¹ Там же. Л. 16.
- ²² Там же. Л. 7.
- ²³ Там же. Ф. 1374, оп. 1, д. 309, л. 124.
- ²⁴ ЦГИА СПб. Ф. 42, оп. 1, д. 6, л. 260 об.
- ²⁵ Там же. Л. 250.
- ²⁶ За одним из представителей этого рода была замужем Елизавета Николаевна Варенцова (25.05.1741–30.12.1805), по-видимому, сестра Алексея Николаевича.
- ²⁷ ЦГИА СПб. Ф. 42, оп. 1, д. 12, л. 89.
- ²⁸ К. Ф. Папышев (1753–?) в 1787–1790 гг. проживал с семьей в доме Варенцовых на Фонтанке.
- ²⁹ ЦГИА СПб. Ф. 42, оп. 1, д. 10, л. 229.
- ³⁰ О нем см.: *Павлов В. Е.* Они были первыми. СПб., 2009. С. 5–6.
- ³¹ РГИА. Ф. 1263, оп. 1, д. 293, 1822 г., л. 66.
- ³² См.: Сводный каталог сериальных изданий России (1801–1825). СПб., 2000. Т. 2. С. 320.
- ³³ Журнал для пользы и удовольствия. СПб., 1805. № 12. С. 294.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ РГИА. Ф. 468, оп. 1, д. 3922, 1805 г., л. 267.
- ³⁶ *Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 2003. Кн. II. С. 1021–1022.
- ³⁷ Дом Варенцовых был на левом берегу Фонтанки у Чернышева моста между современными улицей Ломоносова и переулком Джамбула. Дома офицеров Семеновского полка располагались на Загородном проспекте, т. е. на ближайшей улице, параллельной Фонтанке.
- ³⁸ РГИА. Ф. 1343, оп. 18, д. 329, л. 51.
- ³⁹ Позднее полковника и с 1831 г. генерал-майора в отставке.
- ⁴⁰ РГИА. Ф. 1263, оп. 1, д. 293, 1822 г., л. 66–67.
- ⁴¹ РГИА. Ф. 1343, оп. 18, д. 329, л. 14.
- ⁴² *Грибоедов А. С.* Соч. М.; Л., 1959. С. 359–360.
- ⁴³ РГИА. Ф. 1343, оп. 18, д. 329, л. 2 об.
- ⁴⁴ Там же. Л. 56.
- ⁴⁵ Там же. Ф. 1350, оп. 312, д. 198, л. 253 об.
- ⁴⁶ *Вигель Ф. Ф.* Записки. Кн. II. С. 936.
- ⁴⁷ РГИА. Ф. 1350, оп. 312, д. 198, л. 248 об.
- ⁴⁸ См.: РГИА. Ф. 1286, оп. 4-1829, д. 137, л. 1–30.
- ⁴⁹ Великий Князь Николай Михайлович. Русский провинциальный некрополь. М., 1914. Т. 1. С. 125.

II

Н. П. Морозова

Портрет неизвестного в сенаторском мундире



Во Всероссийском музее А. С. Пушкина хранится живописный портрет неизвестного в сенаторском мундире, написанный неизвестным художником в первой половине XIX века (КП-27 231). Сенатор изображен с орденом св. Анны I степени и бронзовой медалью «В память отечественной войны 1812 года», которую носили на шее на Владимирской орденской ленте. Размеры портрета 66,5 × 58,5 см. Эту работу музей приобрел в 1984 году в ленинградском художественном магазине-салоне № 1. История ее бытования неизвестна. В 2008 году портрет был отреставрирован М. Мельниковой. В настоящее время он экспонируется в Бильярдной «Музея Г. Р. Державина и русской словесности его времени», где дополняет живописную галерею участников «Беседы любителей русского слова».

Таким же портретом (инв. 22 773) располагают Государственный музей А. С. Пушкина (Москва)¹, который приобрел его в 2009 году, и Государственный Исторический музей, куда портрет поступил в 1927 году из Государственного музейного фонда². В собраниях обоих музеев картина хранится как «портрет неизвестного в сенаторском мундире».

В процессе работы над ее атрибуцией удалось установить, что таким же портретом (Ж-22; БП-29; ЯМЗ-4250) обладает Ярославский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, хранитель живописи которого В. Ф. Красновид сообщила, что на портрете изображен ярославский губернатор (с 1817 по 1820). Гаврила Герасимович Политковский (1770–1824)³. Работа поступила в музей в 1918 году в составе портретной галереи Дома призрения ближнего, которая была создана в 1786–1787 годах, вскоре после его

открытия, по распоряжению губернатора Алексея Петровича Мельгунова (1722–1788). Галерея включала 29 портретов, 21 из них относился к указанной дате, остальные к 1790–1820 годам. Портреты XVIII века, большая часть которых была написана художником Д. М. Корневым (1742–1826)⁴, представлены сегодня в экспозиции Ярославского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Портрет Политковского музеем никогда не выставлялся и не публиковался. В 2001 году он был отреставрирован в Училище реставрации им. Рериха в Петербурге. Кем был написан интересующий нас портрет и какой из четырех его экземпляров является оригиналом, установить пока не удалось.

Биография изображенного сенатора хорошо известна. По рождению Политковский принадлежал к польской шляхте. Отец его был священником в селе Боровичи Черниговской губернии. Образование Гаврила Герасимович получил в Московском университете, который окончил в 1791 году. Затем год служил в Преображенском полку. Перейдя в статскую службу, сделал крупную чиновничью карьеру⁵, став в 1817 году Ярославским губернатором, а в феврале 1820 — сенатором. Тогда же он получил чин тайного советника и был награжден орденом св. Анны I степени. По-видимому, вскоре неизвестный художник написал его портрет. По отзыву Ф. Ф. Вигеля, Политковский был «человек умный, тонкий, проворный» и бескорыстный, «ибо ничего почти не оставил сыновьям своим»⁶. В молодости он писал стихи⁷, в которых обращался к мотивам умеренности, уединения, сентиментальных размышлений, и пьесы, адресованные «зрителям известного круга», т. е. своему близкому окружению⁸. Все эти сочинения наполнены архаизированной славянской лексикой. Их автор не был «рабом развращенной воли», считал, что лишь в вере можно «найти покой». В начале XIX века Гаврила Герасимович сблизился с участниками будущей «Беседы любителей русского слова», посещая литературные вечера И. С. Захарова. Впоследствии он принимал активное участие в ее деятельности, став действительным членом четвертого разряда, в председатели которого даже баллотировался, уступив это место Ивану Матвеевичу Муравьеву-Апостолу⁹. Именно Политковский готовил издание первого выпуска «Чтений в Беседе любителей русского слова». По воспоминаниям Н. И. Греча, он «очень хорошо читал стихи, но только в тесном кругу, в небольшой комнате. В огромной зале голос его

терялся»¹⁰. Тем не менее на заседаниях «Беседы» Гаврила Герасимович читал сочинения Д. П. Горчакова, Г. Р. Державина, И. С. Захарова. На последнем из известных сегодня ее чтений он прочел речь, посвященную Александру I, появления которого ждали на заседании «Беседы». Из поздних произведений Политковского известна лишь песня «Понесись по поднебесью, птичка, милая голубушка...», в 1814 году Е. С. Семенова исполнила ее при отъезде за границу императрицы Елизаветы Алексеевны.

Гаврила Герасимович Политковский был женат на Александре Григорьевне Шелеховой (1788–1816), дочери знаменитого мореплавателя, промышленника и основателя Российско-Американской торговой компании (акционером этой компании состоял и Г. Р. Державин). У Политковских было две дочери и пятеро сыновей. Могила Александры Григорьевны сохранилась на Лазаревском кладбище Александроневской лавры¹¹.

Гаврила Герасимович скончался 31 августа 1824 года в селе Сменцово Ярославской губернии. В 1844 году его старший сын Александр поставил над могилой отца однопрестольную каменную церковь во имя архангела Гавриила. Она была разрушена в середине XX века.

Для нас же сегодня важно то, что в экспозиции «Музея Г. Р. Державина и русской словесности его времени» представлен портрет не просто возможного посетителя заседаний «Беседы», проходивших в доме поэта на Фонтанке, а одного из самых активных ее участников.

Примечания

¹ Портрет был опубликован Т. Г. Дмитриевой в кн.: Портреты неизвестных из собрания Государственного музея А. С. Пушкина (М., 2011), где было высказано предположение о том, что изображенным является дядя поэта К. Н. Батюшкова П. Л. Батюшков.

² Приношу благодарность ведущему научному сотруднику ГИМ Н. А. Перевезенцевой, сообщившей мне эти сведения, старшему научному ГМП Т. Г. Дмитриевой и хранителю живописи Ярославского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника В. Ф. Красновид.

³ О нем см.: Николаев С. И., Степанов В. П. Политковский Г. Г. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 (К–П). С. 460–461.

⁴ См.: Касторская Т. М. Особенности портретных галерей провинциальных дворянских усадеб второй половины XVIII века Костромской и Ярославской губерний. Автореф. <...> дис. канд. искусствоведения. СПб., 2008; Кулешиова И. Искусство русской

провинции // Третьяковская галерея. 2009. № 1. С. 32–43; <http://www.yaroslavskiy-kray.com/111/yaroslavskijj-portret.html>

⁵ О службе Политковского см.: *Модзалевский Б. Л.* Политковский Г. Г. // Русский биографический словарь. Т. 14: «Плавильщиков–Примо». СПб., 1905. С. 364–365; формуляр 1820 г. хранится в ИРЛИ РАН (Ф. 320, № 1978).

⁶ См.: *Вигель Ф. Ф.* Записки: в 7 ч. М., 1892. Ч. V. С. 171.

⁷ В 1792 г. в журнале «Новые ежемесячные сочинения» он опубликовал (под криптонимом Г. П.) стихотворения «Сновидение» (Ч. 67. С. 91–98), «Ночь» (Ч. 68. С. 72–72), «Утро» (Ч. 69. С. 72–76), «Вечер» (Ч. 70. С. 88–91), «Сумрак» (Ч. 71. С. 79–82), «Осень» (Ч. 78. С. 90–95), а также оду «На заключение мира с Оттоманскою Портою» (Ч. 69. С. 32–40); в журнале «СПб Меркурий» стихотворение «Болезнь» (Ч. 3. С. 19–27).

⁸ «Слезная» драма «Верный друг в несчастье познается» (пост. 1 янв. 1793; изд. 1796), посвященная В. С. Васильевой, жене министра финансов А. И. Васильева, под началом которого служил Политковский. Ей же посвящена пьеса «Усердие детей, пастушеское зрелище» (1796, не сохр.).

⁹ *Десницкий В. А.* Из истории литературных обществ начала XIX века: 1) Журналы «Беседы любителей русского слова»; 2) Из истории «Вольного общества любителей наук, словесности и художеств» // *Десницкий В. А.* Избр. статьи по русской литературе XVIII–XIX вв. М.; Л., 1958. С. 114, 116, 124.

¹⁰ Северная пчела. 1857. 20 мая. № 108. С. 510.

¹¹ См.: URL: <http://www.lavraspb.ru/ru/nekropol/view/item/id/4619/catid/3>



С. Д. Дзюбанов

Письма А. А. Писарева Г. Р. Державину



Статья посвящена двум письмам А. А. Писарева Г. Р. Державину. Первое из них было опубликовано в 1807 году, а второе, написанное в предместье Парижа в 1814 году, публикуется впервые.

Прозаик, поэт, драматург, критик, военный историк Александр Александрович Писарев родился 16 августа 1780 года. Первоначальное образование он получил в доме отца, Александра Ивановича Писарева, который был образованным человеком, состоял в дружеских отношениях со многими европейскими учеными и во время своих заграничных путешествий дважды посетил Вольтера¹. Александр Александрович обучался в Сухопутном Шляхетном кадетском корпусе в Санкт-Петербурге. По окончании корпуса в конце 1796 года Писарев поступил в лейб-гвардии Семеновский полк, в котором прошел путь от подпоручика до полковника.

Уже с 1802 года Писарев начал публиковать свои сочинения (стихи, рецензии) в периодике. В октябре 1804 года он был избран членом «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» и вместе с членами этого общества И. П. Пниним и Н. Ф. Остолоповым стал сотрудничать с «Журналом для пользы и удовольствия», издаваемым А. А. Варенцовым (братом А. А. Варенцова — автора русского перевода карты «Река времен»). В этом журнале Писарев опубликовал в 1805 году «Прибавление ко всякой статье о человеколюбии. О необходимости помещикам заботиться о благосостоянии крестьян на примере А. Н. Оленина»², из чего можно сделать вывод, что он тогда уже был лично знаком с А. Н. Олениным, а через него, вероятно, и с Г. Р. Державиным. В том же 1805 году Писарев завершил пространное сочинение «Предметы для художников», задуманное как справочник для вос-

питанников Академии художеств, но не успел его опубликовать. В феврале 1807 года Писарев в составе корпуса гвардии выступил в поход против французов. По случаю выступления гвардии в поход Державин написал известные стихи:

Громовая стрела,
Луч молнии быстропарный
Подобие Орла
О дух России бранный!...³

Писарев прочитал их, будучи уже в походе. Он сочинил ответные стихи, находясь в прусском городке Бартенштайн (ныне это польский город Бартошице):

Великих дел певец
Вития мира, брани
Признательность сердец
Прими ты вместо дани...

По форме ответные стихи были «приноровлены» к державинским и сопровождалась краткими примечаниями автора. Ответ Писарева был напечатан в журнале «Вестник Европы» под названием «Ответ на стихи, сочиненные на выступление корпуса Гвардии в поход февраля 13, 14, 16 и 16 числ 1807 г.»⁴. Вероятно, еще до публикации автор послал рукопись своего сочинения Державину. Она сохранилась в архиве поэта⁵, публикация отличается от рукописи лишь сокращенным названием и примечаниями. Стихотворение написано на бумаге английского производства лондонской фирмы «Магней энд Пикеринг» с белой датой «1804» год. Такая бумага не характерна для державинских документов. Сопроводительное письмо не сохранилось. Нам известно крайне мало писем Писарева этого периода. В его большом архиве, хранящемся в РГБ⁶, присутствуют только значительно более поздние письма. Возможно, что это связано с тем, что ранние документы были утрачены во время войны 1812 года в Москве, где у Писарева был дом, или в ближайшем Подмоскovie (Писареву принадлежала усадьба Горки, ныне более известная под названием Горки Ленинские).

В 1807 году Писарев участвовал в нескольких сражениях против французов, был награжден орденами. По возвращении в Петербург он, наконец, опубликовал давно готовую работу «Предметы для художников» (книга была напечатана по Высочайшему повелению), а также

еще два сочинения компилятивно-учебного характера. Параллельно Писарев занимался военно-историческими разысканиями. В 1809 году по предложению Державина он был избран членом Российской Академии; в следующем году — почетным членом Императорской Академии художеств. Граф А. С. Строганов писал 1 сентября 1810 года вице-президенту Академии Художеств П. П. Чекалевскому:

Весьма желательно для меня также было, ежели б Академия приняла в сословие свое почетным членом г-на лейб-гвардии Семеновского полка полковника Александра Александровича Писарева, который приобрел себе в благодарность свободных художеств изданием на отечественном языке разных сочинений по художественной части⁷. Я довожу сие до сведения Вашего превосходительства с тем, чтобы Вы моим именем предложили о сем собранию⁸.

В 1811 году Писарев стал членом «Беседы любителей русского слова» по 4-му разряду и одновременно ее непременным секретарем. Он не успел выступить в «Беседе» с чтением своих произведений, так как в 1812 году в составе лейб-гвардии Семеновского полка отправился в поход против французов. На должности секретаря «Беседы» Писарева сменил Яков Андреевич Галинковский (1777–1815).

Писарев участвовал в Бородинском сражении, а в 1813 году был переведен из гвардии в армию, где не хватало опытных командиров. В последующих сражениях кампании он командовал уже соединениями: обычно бригадой, составленной из двух гренадерских полков, или дивизией.

В апреле 1813 года отличившийся в сражении Писарев был произведен в генерал-майоры. Это было сомнительное поощрение для гвардии полковника, который при переводе в армию обычно получал генеральский чин без всяких отличий. В августе того же года Писарев, отличившийся в битве при Люцене, был вновь поощрен. Его снова произвели в генерал-майоры⁹. Если первое производство с некоторой натяжкой еще можно было считать поощрением, то второе выглядело едва ли не как издевка. Позднее Писареву удалось добиться замены этого ошибочного повторного произведения на награждение орденом св. Анны 1 степени. В этом же году 4 и 5 октября он вновь отличился, на сей раз при взятии Лейпцига. К. Н. Батюшков писал: «...хладнокров-

нее и веселее его никого в деле не видел. <...> У Писарева прострелена шляпа и две сильные контузии в ногу, несмотря на это он остался в деле до конца»¹⁰. Он был награжден многими российскими и иностранными орденами; в период войны с французами написал несколько патриотических стихотворений и опубликовал их в «Русском вестнике» и «Сыне Отечества».

В 1814 году Писарев отличился при взятии Парижа 18 марта, за что был награжден орденом св. Георгия 3 класса, который ему вручил лично Александр I. В конце марта того же года Батюшков встретил Писарева в замке Сире-сюр-Блез. Александр Александрович занимал комнату, в которой когда-то жил Вольтер, отчего приходил в неописуемый восторг¹¹.

В 1814 году Писарев написал письмо Державину, которое, по видимому, не было еще в научном обороте. Письмо хранится в фонде Державина в РНБ¹². Оно написано на плотной бумаге без водяных знаков.

Ваше высокопревосходительство
Милостивый государь,
Гаврила Романович.

От всей пламенеющей к вам души моей благодарю вас за присылку ваших стихотворений. Сей Великий подвиг России свершен во славу ей вечную и прочную. Вам предоставлено описать ее торжество. — И кто другой отважится принять на себя толико несоразмерный труд своим силам?...

Вам, вам и Омирова лира и Пиндарово перо остались в наследство. Прочтя вашу оду, я постыдился отписать к вам в стихах — прошу извинения и за дурную прозу.

С истинною и совершеннейшею моею преданностию пребыть честь имею

Вашего превосходительства милостивого государя
Покорнейшим ко услугам.

А. Писарев.

18 мая 1814.

Замок Лафаэтов в 12 милях от Парижа.

P. S. Смею присоединить портреты наших лучших художников Лебрехта медальера и Мартоса, гравюра; они же пожелали, чтобы и я с ними был вместе.

О какой оде Державина идет речь в письме? Конечно же, это ода «На покорение Парижа»:

Сердца пленяюща лира!
Гений восторга! Вznосись
И обтекая вокруг мира
Светлый твой голос возвысь...¹³

В письме Писарев указывает расстояние до Парижа в милях. В России тогда в ходу были версты, а во Франции использовалась уже метрическая система мер. По-видимому, расстояние было указано со слов хозяина замка — маркиза Мари Жозефа де Лафайета (1757–1834). Лафайет участвовал в войне за независимость Северной Америки, где, вероятно, и получил привычку измерять расстояния милями. С 1800 по 1814 год Лафайет удалился от политики и жил в своем замке. Случайно ли Писарев оказался в замке Лафайета? Не исключено, что отец Писарева был знаком с маркизом. Предположение представляется вполне вероятным, так как оба они были в молодости увлечены идеями Просвещения, Вольтером, Руссо.

Упомянутый в постскрипту письма портрет — гравюра резцом, выполненная в том же 1814 году французским гравером Бовине, учеником Патаса. В России известны две гравюры Бовине, относящиеся к этому времени. На одной изображен Александр I при взятии Дрездена, на другой — Писарев, а вместе с ним ректор Академии художеств Иван Петрович Мартос и барон Карл Иванович Леберехт. Леберехт был медальером, который обучал своему искусству не только учеников Академии художеств, но и императрицу Марию Федоровну, довольно искусно резавшую по камню.

Гравюра отнесена Д. А. Ровинским к категории редких. Она была опубликована в каталоге собрания коллекционера А. В. Морозова в 1913 году¹⁴. Судьба экземпляра, принадлежавшего Державину, остается пока неизвестной.

Примечания

¹ См.: Федорченко В. И. Императорский дом. Выдающиеся сановники: энциклопедия биографий: в 2 т. Красноярск, М., 2003. Т. 2. С. 242.

² Журнал для пользы и удовольствия. 1805. Ч. 2. № 5. С. 152–156.

³ На выступление корпуса гвардии в поход против французов февраля 13, 14, 15 и 16 числ 1807 года. СПб., 1807. — [4] с.

⁴ Вестник Европы. 1807. Ч. XXXIII. № 12. С. 276.

⁵ РНБ. Ф. 247. Т. XXIX, л. 50–51.

⁶ РГБ. Ф. 226, 658 ед. хр., 1818–1835.

⁷ Среди сочинений Писарева были и описание загородного дома, а также картинной галереи гр. Строганова.

⁸ РГИА. Ф. 789, оп. 1, д. 2117, л. 1–1 об.

⁹ Там же. Ф. 1343, оп. 27, д. 3136, л. 5.

¹⁰ *Батюшков К. Н.* Соч.: в 3 т. СПб., 1886. Т. 3. С. 236.

¹¹ См.: Там же. С. 250.

¹² РНБ. Ф. 247, оп. 2, д. 110, л. 1–2.

¹³ Сын Отечества. СПб., 1814. Ч. 14. № 22. С. 95–98.

¹⁴ *Морозов А. В.* Каталог моего собрания русских гравированных и литографированных портретов. М., 1913. Т. 3. С. CCLVII.



Н. П. Морозова

1813-й год в жизни Г. Р. Державина



В 1813 году Гавриле Романовичу Державину исполнялось семьдесят лет. Многотрудным стал для поэта этот год. Муза его, вновь призванная прославлять победы русского оружия, должна была, соревнуясь с «юными певцами», вдохновенно и энергично воспевать «все славы» россиян и величие русского Бога в «его наказаниях и милостях». Шестого января император Александр I подписал Манифест об окончании Отечественной войны; 8 января было подписано цензурное разрешение на публикацию «Гимна лиро-эпического на прогнание французов из Отечества 1812 года», которым Державин отвечал на всеобщие ожидания и в том числе ожидания В. А. Жуковского — автора «Певца во стане русских воинов», созданного 13–20 октября 1812 года¹. Черновых рукописей «Гимна лиро-эпического» не сохранилось, поэтому мы можем лишь предполагать, что он был написан в конце декабря 1812 — начале января 1813 года, и, к сожалению, не можем сказать, в течение скольких дней пребывал Державин в состоянии творческого вдохновения и крайнего напряжения духовных и физических сил, чтобы создать 646 стихов своего исполинского творения². Тринадцатого января «Гимн» был прочитан на торжественном заседании «Беседы любителей русского слова», которое по традиции началось «в 7 часов пополудни». Первую же половину этого дня поэт провел во дворце, куда получил приглашение по случаю дня рождения императрицы Елизаветы Алексеевны, и где по этому поводу состоялась Литургия в Большой церкви и обед на 75 персон в Желтой комнате. Подобные визиты в 1813 году повторялись не единожды. Хотя «восхищенные взоры» императрицы Марии Федоровны все чаще обращались в сторону Жуковского, она и Державину продолжала оказывать знаки внимания, приглашая его на придворные праздни-

ки (четыре раза) и камерные обеды (девять раз). Это должно было помочь Музе поэта не оставаться безмолвной. Однако от творчества его отвлекали (помимо подготовки очередных чтений «Беседы») хлопотные события домашней, семейной жизни. В феврале у Державиных две недели гостили граф и графиня Стейнбоки (сестра супруги поэта Екатерина Алексеевна и ее муж Яков Федорович), приехавшие со своей воспитанницей Люси из Ревеля. В декабре 1812 года прибыл в отпуск из действующей армии жених племянницы Державиных Веры Николаевны Львовой Алексей Васильевич Воейков, и началась деятельная подготовка к свадьбе, которую сыграли в середине апреля. За перо поэт брался лишь 13 марта. В этот день он написал небольшую оду «На домовую церковь кн. А. Н. Голицына» (возможно, в связи с посещением службы) и, почувствовав приход «шутливого вдохновения», начал балладу «Новгородский волхв Злогор», в которой следовал своему представлению об этом жанре. Надежды государыни он смог оправдать только через четыре месяца после создания «Гимна лиро-эпического», отметив одой «На победу Александром I-м Наполеона под Люценом» факт первого присутствия на театре военных действий российского императора — «кроткого северного Давида». Тогда же Державин пишет духовные оды «Сострадание» (подражание псалму 41) и «Покаяние» (подражание псалму 50), которые увидят свет лишь через три года. Быть может, он создавал их с думой не только о себе, но и об императоре. Двенадцатого мая в Петербурге было получено известие о смерти М. И. Кутузова, и вскоре Державин «грянул в струны», создав траурную и одновременно героическую философскую оду «На смерть князя Смоленского, апреля в 16 день 1813 года», которую закончил ободряющим обращением к «Отечества сынам прямым». Ода была напечатана накануне похорон фельдмаршала в «Чтениях в Беседе любителей русского слова»³. Размышлять о постигшем Россию горе поэт продолжит осенью. В мае же и начале июня он готовится к дальнему путешествию на Украину, в гости к Капнистам. Накануне поездки Гаврила Романович составляет духовное завещание, словно предчувствуя, что в Обуховке, несмотря на восхитительный климат, будет болеть. Почти два с половиной месяца (с 15 июня по 26 августа) длилось это путешествие. Только дорога до Обуховки заняла три недели. Племянница Державиных Прасковья Николаевна Львова, сопровождавшая их в поездке, вспоминала: «Мы

ехали быстро, но, однако, продвигались очень мало, так как мой дядя, желанный повсюду, вынужден был останавливаться в каждом городе»⁴. Горестное впечатление произвел на поэта вид разоренной Москвы. На обратном пути путешественники провели несколько дней в Киеве, «посещая все, что было любопытного», почти пять дней в гостях у графини А. В. Браницкой, племянницы Г. А. Потемкина, в ее «прекрасном имении» Александрия. Здесь в своеобразном Пантеоне среди бюстов знаменитых людей находился и бюст Державина. В самой Обуховке гостили всего двенадцать дней, однако за это время родственные чувства овладели всеми настолько, что забота о судьбе молодых Капнистов стала одним из главных дел в жизни Дарьи Алексеевны и Гаврилы Романовича. Старшие же Капнисты становятся их основными корреспондентами. Воспитанная в Смольном институте, Александра Алексеевна неустанно пишет «любезной сестрице Дашеньке» о своих чувствах, тоске, одиночестве вдали от родных. Дарья Алексеевна в ответ «делом доказывает родственную любовь».

Вернувшись 26 августа домой, Державины два месяца живут в Званке. В июле И. И. Дмитриев с иронией писал Д. Н. Блудову: «Орел нашей Поэзии от бранного шума направил полет свой к Киевским святым пещерам, которых вид, вероятно, пособит ему подарить нас вместо громкого чем-нибудь умилительным <...>»⁵. Автор письма ошибся в своих ожиданиях. Самым сильным впечатлением для Державина оставалось «созерцание в гробе» «спасителя Отечества» М. И. Кутузова, «в память кончины» которого он через полтора месяца после возвращения в Званку создает оду «Тление и нетление». В ней поэт продолжил размышления над волновавшей его всегда темой смерти и бессмертия.

В Петербурге Державин, откликаясь на события военного времени, пишет оду «На победу при Лейпциге», в которой создает вполне искреннюю похвалу Александру, и «На отбытие императрицы Елисаветы Алексеевны к государю в заграничную армию, 19 декабря 1813 года». К императрице поэт всегда относился с большой симпатией, что нашло отражение в четырнадцати его произведениях, написанных в разное время.

Два предновогодних месяца были для Державина наполнены разнообразными событиями: он посещает торжественные молебны в Казанском соборе, праздники и обеды во дворце, готовит заседания «Бесе-

ды», переписывается с молодыми стихотворцами, присутствует на экзаменах в губернской гимназии, начинает хлопоты об определении в службу сыновей В. В. Капниста. Лукавое обещание передать «ветхую лиру» «младым певцам» поэт откладывает на будущее.

Более детальное представление о том, как прожил Державин этот год, дадут публикуемые ниже материалы, составленные по печатным и рукописным источникам.

Материалы к летописи жизни и творчества Г. Р. Державина

1813

2 января. Державин принимает участие в подготовительном (к 10-му публичному заседанию) «общем собрании» литературного общества «Беседа любителей русского слова». Все рассматриваемые сочинения, кроме послания Д. И. Хвостова «К Стамбулову», были одобрены. Вместо адмирала Н. С. Мордвинова, вышедшего в отставку и жившего в это время в селе Столыпино Пензенской губернии, попечителем первого разряда «Беседы» был избран председатель Комитета министров и главнокомандующий в С.-Петербурге на время отсутствия императора Александра I С. К. Вязмитинов.

Соч. Державина, VI, 254; Хвостов, 390; Чтение 13. С. III.

3 января. Державин пишет письмо гр. Д. И. Хвостову по поводу отклоненного накануне предварительным заседанием «Беседы» его послания «К Стамбулову», в котором содержались сатирические намеки на А. С. Хвостова: «Верьте, что очень прискорбно мне видеть не токмо письменные колкости друг другу, но и тайные насмешки и переговоры между сочинителями, которых у нас еще так мало. Мое правило: сказал правду в глаза, что хорошо или дурно по моему разумению; а заочно пересмежать и научать ближнего какие-либо сатиры писать или критики несправедливые, право, не могу и не терплю, тем больше, что сам никогда на это не попускаю» (VI, 254–255).

8 января. Получено разрешение цензора И. О. Тимковского на печатание стихотворения Державина «Гимн лиро-эпический на прогнание французов из Отечества 1812 года» (СПб.: В Медицинской тип., 1813).

11 января. В доме кн. А. Н. Голицына «в присутствии видных сановников и духовных лиц всех вероисповеданий» состоялось открытие Библейского общества.

13 января, понедельник. Державин по приглашению императрицы Марии Федоровны присутствует во дворце на торжествах по случаю дня рождения императрицы Елизаветы Алексеевны. Обед на 75 персон был накрыт в Желтой комнате.

Старые интерьеры Зимнего дворца уничтожены пожаром 1837 года. КФЖ, 313.

В доме Державина на Фонтанке состоялось 10-е публичное заседание «Беседы любителей русского слова», «собрание посетителей при сем случае было многочисленное».

Слушали: *Г. Р. Державин* «Гимн лиро-эпический на прогнание французов из отечества 1812 года»; *Ф. П. Львов* «Письмо русского уроженца к сыну его, ноября 1-го дня 1812 года»; *С. И. Висковатов* «Торжество добродетели»; *Д. А. Воронов* «Введение к Рассуждению о славе и чести», «Рассуждение о славе и чести»; *Ф. П. Львов* «Выписка из 10 письма к Графине Н. Н. (Из Архангельска)».

Б. п. Известия внутренние // Северная почта. № 7. 22 янв. С. 2.

15 января, Ревель. Сестра Д. А. Державиной графиня Е. А. Стейнбок пишет ей в Петербург о невозможности по обстоятельствам военного времени приехать в гости к Державиным.

Павлова, 171, № 179: РНБ. Ф. 247, оп. 2, ед. хр. 179, л. 9–9 об.

20 января, Петербург. Державин посылает Капнисту экземпляр печатного издания «Гимна лиро-эпического на прогнание французов» (СПб., 1813) и укоряет в молчании: «Удивляюсь, что перемирие наше или дружба опять простыла. С июля месяца не получаю от вас на мои письма никакого ответа <...>» (VI, 255).

Долгова, 194, № 23; РГАДА. Ф. 1478, д. 23, л. 1.

Державин пишет письмо П. А. Гасвицкому и «в доказательство непрременной дружбы» посылает «Гимн лиро-эпический на прогнание французов».

РНБ. Ф. 247, оп. 1, т. 11, № 33, л. 107.

21 января. Державин поздравляет с Новым годом А. С. Ярцова и посылает ему «Гимн лиро-эпический».

РНБ. Ф. 247, оп. 1, т. 11, л. 49.

22 января. Газета «Северная почта» печатает сообщение о состоявшемся 13 января заседании «Беседы любителей русского слова».

Б. п. Известия внутренние // Северная почта. № 7. 22 янв. С. 2.

Ревель. Гр. Е. А. Стейнбок пишет Д. А. Державиной, что они решились приехать на пять дней в Петербург повидаться с родными, рассчитывают «выехать в понедельник или во вторник, то есть 27 или 28 сего месяца» и в четверг быть в Петербурге. Просят, чтобы Вера Николаевна (Львова) и Алексей Васильевич (Воейков) их дождались.

Павлова, 171, № 179; РНБ. Ф. 247, оп. 2, ед. хр. 179, л. 10–10 об.

26 января. Державин записывает в «зеленой тетради»: «26 генваря большой был <снег> и малинькой».

ИРЛИ. Ф. 96, оп. 1, ед. хр. 10, л. 1.

29 января, среда. Державин обедает у императрицы Марии Федоровны. Обед на 22 персоны состоялся в Кавалерской комнате.

КФЖ, 351.

Член-сотрудник «Беседы» П. А. Корсаков пишет Державину письмо, к которому прилагает врученную ему ранее поэтом для «литерального перевода» отдельных мест трагедию «Федра» и письмо от заболевшего актера Яковлева (VI, 377).

Полоцк. Е. Б. Фукс, директор военной канцелярии при кн. М. И. Голенищеве-Кутузове, бывший адъютант гр. А. В. Суворова, пишет Державину письмо, в котором сообщает о взятии русскими

войсками Варшавы (VI, 255). Получив письмо, поэт начинает писать стихотворение:

Ты возвещаешь, Фукс, мне о взятъе Варшавы
И что виновник сей Россиян новой славы
Был Милорадович, сподвижник-ученик
Суворова, твой друг, чей меч блистать привык <...> (VI,
452–453).

Стихотворение осталось незаконченным.

Павлова, 152, № 128; РНБ. Ф. 247, оп. 2, ед. хр. 128, л. 2.

30 января, Петербург. Получено ценз. разрешение на печатание 10-го «Чтения» (СПб.: В тип. Дрехслера, 1813).

Помимо прочитанных на 10-м публичном заседании, были напечатаны не читанные в «Беседе» сочинения: *Галинковский Я. А.* «Перевод первой Виргилиевой эклоги, древним размером», «Письмо к издателям академического журнала „Сочинения и переводы“», «Первая эклога Виргилия».

В гости к Державиным приезжают Е. А. и Я. Ф. Стейнбоки со своей воспитанницей.

1 февраля. Тверская губ., Прямухино. А. М. Бакунин, двоюродный брат Д. А. Державиной, пишет ей письмо о денежных расчетах между ним и Леонидом Николаевичем Львовым.

Павлова, 158, № 145; РНБ. Ф. 247, оп. 2, ед. хр. 145, л. 6.

Февраль. Державин отвечает на письмо гр. Хвостова, решившего опубликовать послание «К Стамбулину», отклоненное «Беседой» (VI, 256).

5 февраля. Державин обедает у императрицы Марии Федоровны. Обед на 18 персон состоялся в Кавалерской комнате.

КФЖ, 373.

19 февраля, Астрахань. Студент Астраханской семинарии Илья Ершов пишет Державину письмо, в котором благодарит за присланные ему Сочинения поэта.

Павлова, 136–137, № 85; РНБ. Ф. 247, оп. 2, ед. хр. 85, л. 1–2 об.

Ревель. Стейнбоки пишут письмо Д. А. Державиной, в котором сообщают о благополучном приезде в деревню и благодарят за угощение: «нам было весело и как будто мы это во сне видели».

Павлова, 171, № 179; РНБ. Ф. 247, оп. 2, ед. хр. 179, л. 12–13.

20 февраля, Петербург. Державин пишет письмо военному министру кн. А. И. Горчакову с просьбой дать какое-либо курьерское поручение своему племяннику ротмистру П. Н. Дьякову (адъютанту генерал-майора И. Е. Шевича, командира гвардейской легкой кавалерийской дивизии 5-го гвардейского (русского) корпуса Богемской армии), отправляющемуся в армию.

Русский архив. 1896. Кн. 1. № 4. С. 564.

Февраль или март. Состоялось 11-е открытое чтение «Беседы любителей русского слова».

Слушали: *кн. С. А. Шихматов* «Песнь Россиянина в новый 1813 год»; *Я. А. Галинковский* «Рассмотрение Овидия»; *С. И. Висковатов* «Счастье»; *кн. Д. П. Горчаков* «Беседа об уединении. К А. С. Таранову»; *Ф. П. Львов* «Письма к Графине Н. Н. (Продолжение: № 15)»; *Н. А. Нелединский-Мелецкий* «Ода на Время» (С франц. г-на Томаса); *И. А. Крылов* «Демьянова уха», «Лисица и Сурок»; *А. С. Хвостов* «Мысли разных сочинителей».

2 марта. Державин пишет записку почетному члену «Беседы» действительному тайному советнику, председателю комиссии Прощений и своему давнему другу В. С. Попову с выражением сожаления по поводу его нездоровья, сообщает, что и сам был целую неделю нездоров (VI, 364).

3 марта, понедельник. Державин обедает у императрицы Марии Федоровны. Обед на 20 персон состоялся в Кавалерской комнате.

КФЖ, 443.

7 марта. Департамент государственных имуществ отправляет Державину письмо о денежных недостатках на винокуренных заводах Тобольской и Томской губерний.

РГАЛИ. Ф. 180, оп. 1, ед. хр. 34.

8 марта. День рождения Д. А. Державиной.

Обуховка. А. А. Капнист, отвечая на упреки в молчании, пишет Д. А. Державиной: «Страх от французов и ополчение и проч. всех вообще, а моего Васиньку особенно, так озаботил, что не имели почти часа свободного на дружескую переписку <...>».

Павлова, 137, № 88; РНБ. Ф. 247, оп. 2, ед. хр. 88, л. 7. Фрагмент письма опублик.: Соч. Державина, VI, 256–257, примеч. 2 к № 1053); *Капнист В. В.* Собр. соч.: в 2 т. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 600–601 (примеч. к № 174).

10 марта, *Миргородский уезд, Кибиницы (имение Д. П. Трощинского).* Капнист пишет Державину письмо, в котором просит выяснить, действительно ли вел. княгиня Екатерина Павловна собирается ехать на воды в Богемию, уведомить о «верных слухах» относительно намерений Венского двора и узнать у И. И. Дмитриева о причине задержки утверждения генеральных судей Полтавской губернии, выбранных в январе 1812 года. Здесь же сообщается, что Д. П. Трощинский получил из Петербурга «прекрасное сочинение Кубок воина за здоровье воинов, вождей («Певец во стане русских воинов» В. А. Жуковского, напечатанный отдельным изданием в середине февраля. — *Н. М.*) и ваше («Гимн лиро-эпический на прогнание французов из Отечества 1812 года» (СПб., 1813). — *Н. М.*)».

Павлова, 137–138, № 88; РНБ. Ф. 247, оп. 2, ед. хр. 88, л. 7 об.–8 об. Опублик. с небольшим пропуском: Соч. Державина, VI, 256–258; *Капнист В. В.* Собр. соч. Т. 2. С. 479, № 174.

Петербург. И. Горюнин посылает Державину записку, в которой жалуется на поведение его кучера Василия Трофимова.

РНБ. Ф. 247, оп. 1, т. 12, л. 450.

13 марта, *Петербург.* Державин начинает писать балладу «Новгородский волхв Злогор», «от имени которого получила название река Волхов» и который «и днесь на Званке» проказит (III, 181–186).

Впервые опублик.: *Державин Г. Р.* Соч. СПб., 1816. Ч. V. С. XXXVI —. См.: *Морозова Е. В.* Баллада Г. Р. Державина «Новгородский волхв Злогор» (к истории текста) // Вестник Новг. гос. ун-та. 2011. № 63. С. 80–83.

Державин пишет оду «На домовую церковь кн. А. Н. Голицына».

Дата установлена по черновому автографу Державина («Надпись к церкви кн. А. Николаевича Голицына») (ИРЛИ. Ф. 96, оп. 1, ед. хр. 10, л. 100 об.), где рукой поэта помечено: «Того же года и числа в СПетербурге» (имеется в виду предыдущая дата, проставленная на черновом автографе баллады «Новгородский волхв Злогор»: «Начата в Петербурге 13 марта 1813 года» (л. 98), а не дата «1 мая», относящаяся к оде «На победу Александром I Наполеона под Люценом» (л. 101–101 об.), как указано в Соч. Державина (VI, 170, примеч.). На л. 99 об.–100 находится черновой автограф баллады «Северный Амур», написанной чернилами другого цвета «на Званке 16 сентября 1814 года» на, по-видимому, оставленных ранее чистыми листах.)

Церковь во имя св. Троицы была открыта 1 октября 1812 года в доме кн. Голицына на наб. Фонтанки, 20 (до 1811 г. дом принадлежал давнему приятелю Державина П. В. Неклюдову). Архитектор — А. Н. Воронихин, внутреннее убранство, полное мистических деталей, было создано по проектам А. А. Витберга, иконостас выполнен В. Л. Боровиковским.

Ревель. Стейнбоки пишут письмо Державиным, в котором сетуют, что давно не получали от них известий и сообщают, что завтра едут морем в Гапсаль, а оттуда в Унгру, где останутся до весны; просят секретаря поэта Е. М. Астафьева продолжить хлопоты по определению в службу Балтруша и поздравляют Елизавету Николаевну Львову с рождением ребенка (Леонида Федоровича Львова, 23 февр. 1813–1890).

Павлова, 171, № 179; РНБ. Ф. 247, оп. 2, ед. хр. 179, л. 14–15.

14 марта, Петербург. Получено цензурное разрешение на публикацию оды Державина «На домовую церковь кн. А. Н. Голицына» (СПб.: В Медицинской типографии, [1813]. [2] с.). Тогда же ода опубликована отдельным изданием.

Державин пишет письмо Евгению (Болховитинову), в котором рассказывает о результатах «рассмотрения» А. Н. Олениным, охотно занимающимся со своими приятелями древностями, исследования епископа Евгения, посвященного Юрьевской грамоте XII века. Здесь же сообщает о болезни А. А. Нартова (VI, 258–259).

19 марта. Именины супруги поэта Дарьи Алексеевны.

В. Л. Боровиковский в 1813 году пишет ее портрет на фоне Званки, который станет частью интерьера парадной Столовой в доме Державина на Фонтанке.

30 марта, Силезия, м. Мелич. Кн. М. И. Кутузов пишет письмо Державину, в котором благодарит его за оду «На парение орла» (1812): «Хотя не могу я принять всего помещенного в прекрасном творении вашем на *парение орла* прямо на мой счет, но произведение сие, как и прочие бессмертного вашего пера, имеет особенную цену уважения и служит новым доказательством вашей ко мне любви. Столько же лестен и приятен для меня гимн ваш, коего один токмо экземпляр собственно для меня получил я чрез Петра Петровича Коновницына, но не более, как пишете вы; о чем сожалея, весьма бы желал присылки оных» (VI, 260–261).

Март. С. Н. Глинка публикует в журнале «Русский вестник» краткое «резюме» «Гимна лиро-эпического» с несколькими из него цитатами под заглавием «Вера, верность и терпение суть главные свойства россиян. (Выписка из нового творения Гаврилы Романовича Державина)».

Русский вестник. 1813. Ч. 1. № 3. Март. С. 20–25.

3 апреля, Петербург. Державин, отвечая на письма Капнистов от 8 и 10 марта, сообщает интересовавшие их политические новости и слухи. В конце письма говорится: «Кубок, песня во вкусе бардов, — подлинно Жуковского, а не Батюшкова, из коих последний, сколько мне известно, ничего не пишет или, по крайней мере, не выдает в свет. <...> Для чего ты, братец, чего-нибудь не пришлешь в Беседу нашу прочесть, которая всякой месяц по одному разу довольно многолюдна бывает. <...> Тороплюсь в Беседу, отправляя на почту письмо» (VI, 261–262).

Долгова, 194, № 24; РГАДА. Ф. 1478, д. 24, л. 1–3.

Состоялось 12-е открытое чтение «Беседы любителей русского слова».

Слушали: П. А. Корсаков «Храм славы истинных героев»; Д. А. Воронов «Беседа о писателях и о критике»; С. И. Висковатов «Сирота»; В. Н. Олин «Романс. Могила Юлии»; А. С. Козлянинов «Ода анакреон-

тическая. В день рождения Надежды Л.»; П. Ю. Львов «Лукьян Степанович Стрешнев: Старинное русское предание» (читал Г. Г. Политковский); С. И. Висковатов «Кормчий».

[Б. п.]. Известия внутренние // Северная почта. 1813. № 31. 16 апр. С. 2.

4 апреля, Вологда. Епископ Евгений (Болховитинов), отвечая Державину на письмо от 14 марта, продолжает обсуждение палеографических особенностей Юрьевской грамоты (VI, 262–264).

Петербург. Гр. А. К. Разумовский пишет письмо Державину, в котором предлагает ему временно исполнять обязанности президента Российской Академии вместо умершего 2 апреля А. А. Нартова (VI, 264–265).

Павлова, 147, № 113; РНБ. Ф. 247, оп. 2, ед. хр. 113, л. 2.

5 апреля. Державин в письме гр. Разумовскому отказывается от предложения временно исполнять обязанности президента Российской Академии: «По летам моим и теперешней слабости моего здоровья, предлагаемой мне вашим сиятельством обязанности, — а паче, что я всегда, для пользования оною, на лето отъезжаю в деревню, как уже и собираюсь ныне в оную, — принять не могу. Впрочем, всепокорнейшую мою приношу благодарность за хорошее обо мне мнение» (VI, 265–266).

Павлова, 147, № 113; РНБ. Ф. 247, оп. 2, ед. хр. 113, л. 3. (Черновик письма. Автограф Державина).

6 апреля. Ревель. Стейнбоки пишут письмо Державиным, в котором пеняют им за молчание, беспокоятся об их здоровье, просят Е. М. Астафьева продолжить хлопоты по порученному ему делу и интересуются, где теперь «Воейков с женою».

Павлова, 171, № 179; РНБ. Ф. 247, оп. 2, ед. хр. 179, л. 16.

13 апреля, Петербург. Ф. П. Львов пишет стихотворение «Г. Р. Державину по случаю возобновления его кабинета».

[Львов Ф. П.]. Г. Р. Державину, стихи по случаю возобновления его Кабинета // Чтения в Беседе любителей русского слова. СПб., 1815. Чтение 16. С. 51–54.

14 апреля, понедельник. Державин по приглашению императрицы Марии Федоровны «на другой день высокаторжественного праздника

Святой Пасхи» присутствует на Литургии в большой церкви Зимнего дворца и на обеде, накрытом «на 68-ми кувертах» в Желтой комнате.

КФЖ, 552.

По-видимому, на Пасхальной неделе состоялась свадьба генерал-майора Алексея Васильевича Воейкова (1778–1825), который по просьбе Державина получил у Кутузова отпуск в декабре 1812 года и находился в Петербурге, и племянницы Державиных Веры Николаевны Львовой (1792–1872), жившей с ними в доме на Фонтанке.

Помолвка была в феврале 1812 года. Вера Николаевна — бабушка художника В. Д. Поленова.

16 апреля. Сообщение о заседании «Беседы» печатает газета «Северная почта».

[Б. п.]. Известия внутренние // Северная почта, или Новая СПб. газета. 1813. № 31. 16 апр. С. [2].

23 апреля, среда. Державин обедает у императрицы Марии Федоровны. Обед на 19 персон состоялся в Кавалерской комнате.

КФЖ, 576.

9 апреля. Ф. П. Львов получает цензурное разрешение на публикацию отдельным изданием стихотворения «Гавриле Романовичу Державину» (СПб., 1813).

29 апреля, Кибинцы. Капнист пишет письмо Державину и посылает свое стихотворение «Видение плачущего над Москвою россиянина 1812 года октября 28 дня».

Стих. опубл.: *Капнист В. В.* Избр. произведения. Л., 1973. С. 237–245.

1 мая. Державин пишет стихотворение «Ода на победу императором Александром I Наполеона при Люцене, апреля 20-го 1813 года» (III, 168–169).

Дата указана в рукописи оды (ИРЛИ. Ф. 96, оп. 1, ед. хр. 10, л. 101).

Впервые опубл.: Сын Отечества. 1813. Ч. 5. № XVIII. С. 341.

«Сострадание» (подражание псалму 41) (III, 172).

Впервые опубл.: *Державин Г. Р.* Соч. СПб., 1816. Ч. 5. С. X.

«Покаяние» (подражание псалму 50) (III, 173–175).

Впервые опублик.: *Державин Г. Р.* Соч. СПб., 1816. Ч. 5. С. XI–XIII.

5 мая, понедельник. Державин обедает у императрицы Марии Федоровны. Обед на 24 персоны состоялся в Кавалерской комнате. КФЖ, 607.

8 мая. В журнале «Сын Отечества» напечатана «Ода на победу императором Александром I Наполеона при Люцене, апреля 20-го 1813 года».

Сын Отечества. 1813. Ч. 5. № 19. 8 мая. С. 341. Подп.: Д.

12 мая. В Петербурге получено официальное известие о смерти кн. М. И. Кутузова.

Вторая половина мая. Державин создает оду «На смерть фельд-маршала князя Смоленского, апреля в 16 день 1813 года».

16 мая. Державин пишет письмо военному министру кн. А. И. Горчакову, в котором рекомендует статского советника Осетрова, желающего продать дом в казну.

Павлова, 124, № 51; РНБ. Ф. 247, оп. 2, ед. хр. 51, л. 1.

19 мая. Державин в письме кн. Горчакову, шурина гр. Хвостова, выражает желание помириться с последним: «Относительно же приглашения в Беседу графа Дмитрия Ивановича, то я в том нимало не виноват; напротив того, предупреждал всегда желание его сиятельства, ибо не токмо ныне, но и в отсутствие его посылал билеты; но мне всегда отказывали люди его сиятельства и не принимали оных. Так и третьего дня, посылал 4 билета; но сказали сперва, что дома нет, а потом по докладу сказали, что не велено принимать. Итак, я не знал, что делать и что думать, ибо не думаю, чтоб долгое время гнев его сиятельства продолжался за невинное мое к нему письмо о стихах его, присланных в Беседу, о коих вам не безызвестно, что они были ему возвращены не с иным чем, как только чтоб не раздувать больше вражды между единокровных стихотворцев. Впрочем, я всегда рад обнять графа и про-

силь у него прощения, ежели он находит меня пред собою виноватым» (VI, 266–267).

Долгова, 194, № 25; РГАДА. Ф. 1478, д. 25, л. 1–2.

Державин пишет письмо Капнисту в Обуховку, в котором обсуждает хозяйственные дела, связанные с управлением имением Гавриловка, и сообщает о неоднозначном восприятии его стихотворения «Видение плачущего над Москвою россиянина» столичными литераторами, прилагая отзыв А. Н. Оленина. В этом же письме пересказывает «официальные известия» военного времени и сообщает: «Тело покойного фельдмаршала привезено, но остановлено в Сергиевской пустыни до получения высочайшего соизволения, как и где погребать; ибо кому-то было писано, что дастся о том повеление правительству, но еще оно не получено» (VI, 267–269).

20 мая, Петербург. Державин, вероятно, присутствует на «публичных испытаниях» в Благородном иезуитском институте, где граф В. Завадовский произносит «Речь, доказывающую сходство народа российского с римским в твердости духа, в любви к отечеству и храбрости, оказавшейся наипаче на войне прошедшего 1812-го года <...>».

«Речь» в рукописном виде сохранилась в архиве Державина (РНБ. Ф. 247, т. 30, № 35, 11 л.).

Состоялось 13-е публичное заседание «Беседы любителей русского слова».

Слушали: *кн. С. А. Шихматов* «На кончину генерала-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского»; *А. Н. Оленин* «Письмо к архимандриту Филарету (5 января 1813 года)»; *архимандрит Филарет* «Ответ на письмо, которым предложено написать *рассуждение о нравственных причинах невероятных успехов наших в настоящей войне*»; *М. Е. Лобанов* Перевод отрывка из трагедии Расина «Ифигения»; *И. А. Крылов* «Волк и Кукушка», «Заяц на ловле»; *С. С. Уваров* «Письмо к Николаю Ивановичу Гнедичу о греческом экзамере»; *Н. И. Гнедич* «Ответ г-на Гнедича», перевод VI песни «Илиады»; *С. И. Висковатов* «Кладбище»; *И. А. Крылов* «Орел и Пчела», «Щука и Кот».

24 мая. С. С. Уваров посылает Державину свое сочинение «О преподавании Истории относительно к народному воспитанию» (СПб., 1814) (VI, 266).

Павлова, 151, № 125; РНБ. Ф. 247, оп. 2, ед. хр. 125, л. 1.

30 мая. Державин составляет духовное завещание.

РНБ. Ф. 247, оп. 1, т. 20, ч. 2, л. 308–311 об; ИРЛИ. Ф. 96, оп. 11, ед. хр. 68.

5 июня. Получено цензурное разрешение на печатание «Чтения 13» (СПб.: При Сенатской тип., 1813).

Помимо прочитанных на 13-м публичном заседании, были напечатаны сочинения, не читанные в «Беседе»: *Беляев Т.* «Песнь Курайча Рифейских гор. Прислана с Урала»; Державин Г. Р. «Ода. На смерть фельдмаршала князя Смоленского, апреля в 16 день 1813 года».

11 июня, *Обуховка*. А. А. Капнист пишет письмо Д. А. Державиной, в котором рекомендует молодого «изрядного сочинителя» А. Родзянку, сообщает о хозяйственных делах и просит прислать для своей дочери Катеньки «шелков тамбурных с фунт, разного цвету под тень».

Павлова, 163, № 159; РНБ. Ф. 247, оп. 2, ед. хр. 159, л. 1–1 об.

13 июня, *Петербург*. Державин присутствует на похоронах М. И. Кутузова.

15 июня. Державины вместе с племянницей П. Н. Львовой отправляются из Званки через Москву на Украину, в Обуховку.

Львова: «15 июня 1813 мы поехали из Званки. <...>». (с. 270).

В архиве Державина сохранилась схема «трех кратких маршрутов» поездки в Киев, составленная в 1813 г. (РНБ. Ф. 247, оп. 1, т. 20, ч. 2, л. 270–274). До Москвы предстояло проехать 727 верст, на это потребовалось десять дней.

23 июня, *Петербург*. Получено ценз. разрешение на печатание «Чтения 11» (СПб.: При Сенатской тип., 1813).

Помимо прочитанных на 11-м публичном заседании, были напечатаны не читанные в «Беседе» сочинения: *Потемкин С. П.* «К прошлому 1812-му и наступившему 1813-му годам», «О пользе несчастья: Парменон Харидему» [Из сочинений г-на Душа].

24 июня, Москва. Державин с женой и племянницей прибывают в Москву, где останавливаются в доме Д. М. Полторацкого возле Нескучного сада.

Львова: «24 июня прибыли в Москву, следуя, так сказать, по стопам неприятеля. Мы видели все бедствия, которые он причинил» (с. 268).

Московские ведомости. 1813. № 52. Ц. 1412; *Иванов О.* Державин в доме Полторацких // Литературная учеба. 1993. Кн. 2. Март – апрель. С. 219–227.

25 июня. Поэта по его приглашению посещает А. Я. Нестеров, который позднее вспоминал: «<...> я не ехал — летел. Я представлял уже пред собою мужа, отличного от всех людей, каких только случалось мне видеть: с быстрым, огненным, пронизательным взором, с осанкой величавой, словом, великого песнопевца, изобразившего во всей славе Творца вселенной... Прилетел, спрыгиваю с дрожек, вхожу в дом; меня встречает во второй комнате старичок, в парике, с тростью в руке, за которым бежала собачка. *Гаврило Романович* обнял меня, посадил против себя; и я во все время пребывания у него не сводил с него глаз: мне хотелось, чтобы образ его навсегда впечатлелся в душе моей. Разговаривали о разных предметах, более о литературе. <...> *Гаврило Романович* советовал мне тогда, еще юному, неопытному, испытать, к чему более способен, и упражняться в одном роде стихотворений.

Я взглянул нечаянно в окно: лучи заходящего солнца догорали на золотых главах Донского монастыря, и это напоминало, что и мне пора расстаться с закатывающимся уже *солнцем Поэзии* — и кто знал, навсегда!..».

Нестеров А. Я. Первое и последнее мое свидание с Державиным (Июня 25-го 1813) // Москвитянин. 1843. № 12. С. 423–424.

26 июня. Державин посещает Кремль.

Львова: «26 июня мой дядя вернулся из Кремля. Он вернулся оттуда грустным от разрушений, которые он там увидел, но удивленный,

что чудом сохранилась нетронутой икона Святого Николая над входом в Кремль, над воротами, в то время, как целый угол ворот был снесен взрывом» (с. 268).

Нестеров, «восхищенный лицезрением *великого Поэта*», пишет стихотворение «Певцу Фелицы».

Вестник Европы. 1814. Ч. 74. № 8. Апр. С. 279–281; Кукушкина Е. Д. Стихотворные послания Державину (по рукописным материалам Российской национальной библиотеки) // XVIII век. СПб., 2004. Сб. 23. С. 170.

28 июня. Державины отправляются из Москвы в Обуховку.

Маршрут путешествия: Москва — г. Подольск — Лопасня — г. Серпухов — Липицкий Завод — Вашана — село Волоть — г. Тула — Ясная Поляна — Волово — Сергиевское — Малое Скуратово — Большое Скуратово — г. Мценск — Ивановское (Оптухи) — г. Орел — г. Севск — Поздняковские постоянные дворы — Толстодубовка — Есман — г. Глухов — Тулиголово — г. Кролевец — Алтыновка — г. Батурин — г. Конопотоп — Карабутово — Хмельны (Хмелев) — г. Ромны — Липова долина — г. Гадяч — Обуховка. От Москвы до Батурина 670 верст и от Батурина до Обуховки 179.

РНБ. Ф. 247, оп. 1, т. 20, ч. 2, л. 271, 273.

28 июня, Лопасня. Державины в ожидании лошадей проводят весь день на станции Лопасня (в 35 верстах от Москвы), где и ночуют. Доктор поэта помогает привести в сознание вытасченного из воды крестьянина.

Львова, 268.

30 июня. Державин пишет жалобу директору Московского почтамта Д. П. Руничу на служащих станции Лопасня за задержку лошадей и грубое обращение.

Русская старина. 1899. Т. 98. Кн. 6. Июнь. С. 713–714.

2 июля. Державины останавливаются в Мценске. Здесь их встретил «в нескольких экипажах» семейство Хлоповых, которому поэт когда-то оказал благодеяние.

Львова, 269.

3 июля. Державины останавливаются в Орле у Хлоповых, где «очень приятно» проводят день рождения Гаврилы Романовича.

Львова, 269.

4 июля. Державины в сопровождении «всей большой семьи» Хлоповых отправляются в Кромны.

Львова, 269.

7 июля. Державины приезжают в Обуховку.

Львова: «<...> 7 июля мы прибыли в Обуховку к моему дяде Капнисту. Радость была большой как с одной, так и с другой стороны. Там мы нашли гостей. Это был господин Трощинский с семьей» (с. 270).

13 июля, Обуховка. Именины Державина.

17 июля, Петербург. Получено цензурное разрешение на печатание «Чтения 12» (СПб.: При Сенатской тип., 1813).

19 июля, Обуховка. Державины отправляются из Обуховки в Киев.

Львова, 270.

Маршрут поездки: Обуховка — Трубайцы — г. Миргород — Кибицы — г. Ромодан — Лубны — Лазорки — г. Пирытин — Смотрики — Яготино — г. Переславль (Переяслав Хмельницкий) — Ерковская (Ерковцы) — г. Борисполь — г. Бровары — Киев (304 версты).

РНБ. Ф. 247, оп. 1, т. 20, ч. 2, л. 273.

20 июля, Трубайцы. Державины останавливаются в имении Петра Васильевича Капниста.

Львова: «Ужасная гроза застала нас в 10 верстах от Трубец (деревни Петра Васильевича Капниста). <...> Нам пришлось искать пристанища в одиноком доме, принадлежавшем некоему г-ну Галицкому <...>. Мой добрый дядюшка, вовсе не рассерженный этой помехой, первым стал над ней потешаться; он говорил, что хотел написать поэму, где изобразил бы двух фей, одну добрую, а другую злую, которые поочередно руководили нашим путешествием, доказывая свою власть» (с. 270).

22 июля, *Лубны*. Державины останавливаются в Лубнах, откуда пишут письмо Капнистам, в котором благодарят за хороший прием и «приятное участие».

Долгова, 195, № 26; 206, № I (опубл. впервые); РГАДА. Ф. 1478, д. 26, л. 1–2.

25–27 июля. Державины находятся в Киеве, «посещая все, что было любопытного».

Львова, 270.

28 июля. Державины, «поторапливаемые просьбами» графини А. В. Браницкой, отправляются в Белую Церковь.

Львова, 270.

Маршрут поездки: Киев — Веть (Вита Почтовая) — г. Васильков — с. Гребенки — Белая Церковь (83 версты).

28–31 июля. Державины гостят у графини А. В. Браницкой в Белой Церкви и имении Александрия, где в своеобразном Пантеоне, воздвигнутом графиней в честь Потемкина, среди бюстов знаменитых людей видят бюст Державина. Возможно, в связи с посещением Пантеона поэтом была создана следующая надпись:

На монумент,
воздвигнутый графинею Браницкой в местечке Белой Церкви

Князю Потемкину-Таврическому

Таврида и Эвксинский флот

Вещают о его заслуге.

Здесь благодарность слезы льет

По дяде, по отце, по друге (III, 359).

Львова, 270–271.

Июль, *вторая половина, Петербург*. Журнал «Вестник Европы» публикует отрывок из английской книги «Изображение С.-Петербурга» [The picture of St. Petersburg] в переводе А. Петрова. Отрывок содержит суждение автора о Державине и его оде «Видение мурзы».

Вестник Европы. 1813. Ч. 70. № 14. С. 147–149.

1 августа, Киев. Державины возвращаются в Киев, где «проводят еще несколько дней».

Львова, 271.

3 августа. А. Т. Тутолмин пишет стихотворение «Гавриле Романовичу Державину, на бытность его в Киеве, 1813 года августа 3 дня»:

Мечта любезна, дерзновенна
Умам представилася днесь:
Премудрая жива царевна,
Когда певец Фелицы здесь.

Опубл.: А. Т. [Тутолмин А. Т.]. Куда конь с копытом, туда и рак с клешней. СПб., 1814. С. 10–11. Издание сохранилось в архиве Державина (РНБ. Ф. 247, оп. 1, т. 30, л. 31). См.: Материалы, 280, № 2.

Начало августа (после 3). Державины отправляются из Киева в Званку.

Маршрут поездки: Киев — Бровары — Семиполки — г. Козелец — Козары — Носовка — г. Нежин — Комаровка — Борзна — г. Батурин — Алтыновка — г. Кролевец — Тулиголово — г. Глухов — Есман — Толстодубовка — Поздняковские постоянные дворы — г. Севск — Упорой — г. Дмитровск — Чуваргино (?) — Кромы — Кнубрь — г. Орел — Ивановское (Оптухи) — г. Мценск — Большое Скуратово — Малое Скуратово — Сергиевское — Волово — Ясная Поляна — г. Тула — Волоть — Вашана — Липицкий Завод (Липицы) — г. Серпухов — Лопасня — г. Подольск — Москва

РНБ. Ф. 247, оп. 1, т. 20, ч. 2, л. 271–274.

Из Дмитровска и Москвы Д. А. Державина пишет письма Капнистам. В Орле Державины снова видятся «на некоторое время» с семьей Хлоповых.

Львова, 271.

6 августа, Австрия. В битве при Кейзерсвальде муж племянницы Державиных генерал-майор А. В. Воейков получает ранение пулей в правую руку навывлет. За участие в этом сражении он был награжден золотой шпагой с бриллиантами и прусским орденом Красного Орла 2-й степени.

9 августа, Обуховка. А. А. Капнист пишет Державиным о тоске, охватившей ее после их отъезда, желает им благополучно доехать, просит помнить ее и детей и почаще писать «хотя по одной строчке».

Павлова, 163, № 159; РНБ. Ф. 247, оп. 2, ед. хр. 159, л. 3–4. В письме Г. Р. Державина В. В. Капнисту от 6 октября 1813 г. из Званки упоминается письмо Капнистов от 10 августа (Долгова, 195, № 28; 207, II).

11 августа, Казань. Экстраординарный профессор Казанского университета Г. Н. Городчанинов пишет письмо Державину (VI, 273), в котором разбирает его оду «На взятие Варшавы» (I, 636–650).

13 августа, Москва. Державины приезжают в Москву и вновь останавливаются в доме Д. М. Полторацкого.

Львова: «13 августа Москва снова предстала перед нашим взором, и, к нашему великому удовлетворению, показалась нам в лучшем состоянии, чем была, когда мы проезжали по ней впервые. Многие каменные дома, лишь стены которых уцелели при пожаре, были восстановлены заново, и в них уже жили. Нескончаемое множество рабочих всякого рода трудились в разных местах города. Шум их молотков, сочетающийся часто с их пением, оживлял город, так недавно пустой и весь в пепле» (с. 271).

15 августа. Державины пишут письмо Капнистам в Обуховку.

Соч. Державина, VI, 269, примеч. 1 к № 1063.

17 августа. Державин пишет письмо Д. М. Полторацкому, в котором благодарит за «тридневное успокоение» в его московском доме.

Опубл.: Иванов О. Державин в доме Полторацких // Литературная учеба. 1993. Кн. 2. Март – апрель. С. 224. (РНБ. Ф. 603. С. Д. Полторацкий. № 302). Здесь же о судьбе дома Полторацких и «покою», в котором останавливался Державин (с. 226–227).

Державины отправляются из Москвы в Званку.

Львова, 272.

18 августа, Обуховка. Капнисты пишут письмо Державиным. В. В. сожалеет о разлуке («Не поверите, какую пустоту поселили вы в Обуховке; все хочется иттить в ваш домик; все кажется, вы из него выйде-

те»), сетует на самоуправство генерал-губернатора и просит присылать военные реляции. А. А. также сетует на разлуку: «Поверьте, что грусть великая нам всем, а особливо мне без вас! Мы уж два письма от вас получили: одно из Лубен, и тогда вы еще близко от нас были; другое изъ Киева, на которое я ответ к вам написала. Теперь где вы, друзья мои? Все далее да далее от нас — может быть, уж за Московую. Ах! дай Бог, чтобы счастливо и скоро возвратились к себе, хотя очень грустно! что вы все далее от нас становитесь. Увидимся мы с вами когда-нибудь? Кажется, навсегда простились мы с вами! — Какая мысль! Какая горесть!».

Павлова, 137–138, № 88; РНБ. Ф. 247, оп. 2, ед. хр. 88, л. 9–10. Письмо В. В. Капниста опубл.: Соч. Державина, VI, 269–271; фрагмент письма А. А. Капнист: Там же. С. 270–271. примеч. 6.

26 августа, Званка. Державины приезжают в Званку.

Львова: «26 августа, в годовщину ужасного сражения под Бородино, мы приехали в Званку <...>» (с. 272).

Конец августа — октябрь, Званка. П. Львова читает Державину его Сочинения и заносит в свой дневник «некоторые на них объяснения и анекдоты».

Львова, 272.

1–9 сентября, Обуховка. А. А. Капнист пишет письмо Д. А. Державиной, в котором благодарит Державиных за письма из Дмитровска и Москвы, беспокоится о здоровье Гаврилы Романовича и вновь сожалеет о разлуке: «Вы чрезвычайно скоро от нас едете, поспешаете, а наши чувства за вами летят и всегда вами наполнены, но что нам в том, ежели должны надежду терять, чтобы когда-нибудь вас видеть!». Далее благодарит Д. А. за присланные очки и после сожаления о дождливой погоде, которая от Москвы сопровождала Державиных в их дороге, подробно описывает погоду в Обуховке: «Мы имели после дождей недели две хороши, а сию минуту, как к вам пишу, опять льет ведром, надолго ли продолжаться будет, не знаю, но молим Бога, чтобы нас он помиловал, а то без сена, без хлеба останемся, от сильных сих дождей нашу плотину на пруду, которая, как ты видела, раскопана

была, прорвало, благодарим Бога, что винокурню не снесло <...>. А. А. пишет также о некоторых других семейных и хозяйственных делах и в конце письма просит прислать «когда можно, узоров разных для ковров. <...> Но чтобы по канве они были» и Катеньке «для вышиванья сученой бумаги пунцового цвету и голубого, и зеленого».

В письме имеется приписка Е. В. Капнист с благодарностью «бесценной тетеньке».

Павлова, 163, № 159; РНБ. Ф. 247, оп. 2, ед. хр. 159, л. 5–6 об.

Сентябрь. Державин в письме Капнисту сообщает о благополучном прибытии в Званку, о слышанных им военных известиях (победы союзных войск над четырьмя корпусами армии Наполеона) и обещает «все парнасские произведения» прислать из Петербурга (VI, 271–272).

Долгова, 195, № 27; РГАДА. Ф. 1478, д. 27, л. 1–1 об.

14 сентября. Державин пишет письмо гр. Хвостову, в котором похвально отзывается о его переводах Буало и Горация и просит напомнить членам второго разряда «Беседы» о подготовке очередного чтения (VI, 271).

4 ноября. А. А. и В. В. Капнисты пишут Державиним письмо, в котором А. А. сообщает о получении писем Державиных из Званки, радуется, что Гаврила Романович хорошо перенес дорогу, сожалеет, что «вторичного такого чуда и счастья», как встреча с родными в Обуховке, «надеяться нету возможности». В приписке «любезной и доброй Пашиньке» говорит о своей любви к ней и ее сестрам: «<...> вы все мне по сестре моей дороги». В. В. извещает об отправке в Гавриловку управляющего и просит узнать мнение петербургских «думных людей» о мало-российском генерал-губернаторе кн. Лобанове-Ростовском, с которым у него были сложные отношения.

Павлова, 137–138, № 88; РНБ, Ф. 247, оп. 2, ед. хр. 88, л. 11–12 об. Письмо В. В. Капниста (л. 12–12об.) опублик.: *Капнист В. В. Собр. соч. Т. II. С. 483.*

6 октября, Званка. Державин пишет письмо Капнистам в Обуховку (в ответ на их письмо от 10 августа), в котором сообщает об отправке армейских реляций и о получении посланных Капнистами очков.

Долгова, 195, № 28; 207, II (опубл. впервые); РГАДА. Ф. 1478, д. 28, л. 1–2.

10 октября. Державин видит необычный сон.

«На 10 число октября 1813 года на Званке перед утром видел во сне блистание молний белых и тихих, от коих проснулся, имея в голове следующие стихи:

Победа! победа! победа!
Ни слуха, ни духа, ни следа,
Ни брани, ни бед,
Ни плача, ни стона
В свете уж нет
Наполеона».

7 октября союзные войска одержали победу в «битве народов» при Лейпциге.

Опубл.: Державник, казацкой внук [Левицкий А. А.]. «Безделка» о двух снах Г. Р. Державина // Von weipigen. От немногих [Сб. к юбилею Натальи Дмитриевны Кочетковой]. С. 126.

12 октября. Державин пишет оду «Тление и нетление» (III, 176–178).

(«На Званке 1813 года октября 12») (ИРЛИ. Ф. 96, оп. 1, ед. хр. 10, л. 106) (III, 176)). Ода, написанная в память о М. И. Кутузове, была прочитана 7 января 1814 г. на 14-м публичном заседании «Беседы» и опубликована в «Чтениях в Беседе любителей русского слова» (Чтение 14. СПб., 1815. С. 56–58).

27 октября. Державины возвращаются из Званки в Петербург.

28 октября, Петербург. Державин сообщает Капнистам в Обуховку о благополучном возвращении из Званки, получении их писем от 4 октября, посылает очередную «реляцию» о военных событиях, обещает заказать оправу к присланным очкам и немедленно отправить их обратно.

Долгова, 195, № 29; 207–208, III (опубл. впервые); РГАДА. Ф. 1478, д. 29, л. 1.

Конец октября, Обуховка. А. А. Капнист пишет письмо Д. А. Державиной (с припиской П. Н. Львовой), в котором говорит о только что полученных письмах Державиных из Званки, благодарит «любезного Гаврылу Романовича» за обращенные к ней строки и выражает беспокойство о будущем своих детей: «Буду просить вас, любезные родные,

что как время придет, тогда их не оставить вашей помощью, сколько возможно вам будет. Одна надежда на вас; я Васиньке эти строки прочитала, он с горестью сказал, что и сам не знает, что с ними делать <...>. Он искренно благодарит вас за участие ваше; и помощь ваша будет ему и утешительна и полезна».

Павлова, 163, № 159; РНБ. Ф. 247, оп. 2, ед. хр. 159, л. 7–8.

3 ноября, Петербург. Державин пишет письмо Капнисту, в котором предлагает похлопотать об определении на службу в Петербурге старших его детей — Семена и Ивана и поселить их у себя в доме, а также сообщает о хлопотах по делу Д. П. Трощинского (VI, 272–273).

Долгова, 195, № 30; РГАДА. Ф. 1478, л. 30, л. 1–2.

4 ноября, вторник. Державин обедает у императрицы Марии Федоровны. Обед на 20 персон состоялся в Кавалерской комнате.

КФЖ, 589.

Обуховка. А. А. Капнист пишет письмо Д. А. Державиной, в котором вновь вспоминает проведенное вместе с родными время и говорит о своих чувствах: «Не могу забыть, что вы у нас были, и как я была тогда довольна! Но это, как сон, исчез, одно удовольствие остается, это чтоб читать ваши письма. Не лишай нас последней сей отрады — воображаю живо тебя, любезного Гаврыла Романовича и всех вас, когда оные я читаю. — Но что, однако, все не то, как была с вами вместе, видела вас глазами своими, говорила с вами, а не писала. Ходила вместе, а не воображала, сидела близ тебя, милая сестра, и казалось, что никто нас разлучить не может. — Поверь, что и теперь голос твой в ушах моих, разговор любезного Гаврыла Романовича и всех вас, все мне напоминает это приятное время. Погода у нас прекрасна, как бы то август месяц, везде зелено и даже и цветы находим, по горам ходивши, по следам вашим мы теперь прохаживаемся, но одни, без тебя, без вас всех очень грустно. Не могу освободиться от сих приятных для меня мыслей, которые меня как будто дразнят и тревожат. — Но со всем тем, как ни тяжело, перестану об этом писать, но не думать и не воображать». Далее А. А. сообщает о поездке на именины Д. П. Трощинского в Кибинцы, где В. В. Капнист остался на несколько дней.

Павлова, 163, № 159; РНБ. Ф. 247, оп. 2, ед. хр. 159, л. 9–9 об.

Ноябрь (не позднее 10). Державин пишет оду «На победу при Лейпциге».

8 ноября, суббота, Петербург. Державин приглашен императрицей Марией Федоровной во дворец на торжества по случаю праздника архистратига Михаила и тезоименитства великого князя Михаила Павловича. После литургии в Большой церкви состоялся обед, накрытый на 64-х кувертах в Желтой комнате.

КФЖ, 600.

11 ноября, Обуховка. А. А. Капнист пишет письмо Д. А. Державиной, в котором благодарит ее за письма, получением которых «несказанно довольна», спрашивает о планах Прасковьи Николаевны («И так Пашенька уже не с вами. Надолго ли она оставила своих благодетелей? свою комнатку и окошечко, в которое она на Волхов смотрела»), просит отдать оправить очки и сожалеет о невозможности повидаться с родными: «Как бы я желала сама у вас побывать, где бы я и сестру Катиньку видела бы, но мне только остается это воображать, или хотя бы во сне это видеть, и то бы утешило. Перед этим письмом я тебя просила сестре Катиньке кланяться, а теперь, как увидишь ее, то поцелуй ее за меня столько раз, сколько дней я ее не видала. Вот комиссия, которую нелегко исполнить, но я бы ее, кажется, так бы расцоловала, а тебе, матинька сестрица, не препоручила — одно воображение страшило б, вспомнивши, как это давно, не только дней, и лет сочесть нельзя. — Любезных Гаврыла Романовича, графа Штенбока обнимаю. Это правда, что ты пишешь, что всем сестрам по серьгам, но для меня чем дешевле и легче, тем бы лучше и сходней было в этом случае».

Павлова, 163, № 159; РНБ, ф. 247, оп. 2, ед. хр. 159, л. 10–11 об. По-видимому, Стейнбоки осенью вновь гостили у Державиных.

13 ноября. В журнале «Сын Отечества» напечатана ода Державина «На победу при Лейпциге».

Сын Отечества. 1813. Ч. 10. № XLVI. 13 нояб. С. 47–48. Подп.: Д.

14 ноября, Полтавская губерния, Кибинцы. В. В. Капнист пишет Державиным письмо, в котором просит их «принять как родных» Николая Ивановича Шредера и его жену (родственницу Капниста),

а также оказать им «всевозможную помощь». В приписке П. Н. Львовой просит ее: «Спроси, пожалуйста, когда же Гаврило Романович пришлет мне свои Сочинения? — Это я приписываю больше для того, чтоб было тебе что-нибудь мне отвечать».

Капнист В. В. Собр. соч. Т. 2. С. 483; Павлова, 137–138, № 88; РНБ. Ф. 247, оп. 2, ед. хр. 88, л. 13–14.

15 ноября, суббота. Державин обедает у императрицы Марии Федоровны. Обед на 20 персон состоялся в Кавалерской комнате. Приглашенные были в полутрауре.

КФЖ, 612.

17 ноября. Державин пишет письмо Г. Н. Городчанинову в Казань, в котором благодарит его за разбор оды «На взятие Варшавы», сделанный в письме от 11 августа: «<...> я должен вас чувствительно благодарить за сей ваш драгоценный мне подарок, в котором виден ваш труд, в честь мою и прославление моего небольшого таланта вами подъятый. Вы, кажется, меня более хвалили, нежели разбирали беспристрастно по правилам нынешней модной эстетики мои мысли и чувства. Я, как у вас называется попросту, что видел, то и бредил. Суворов из всякого чувствительного сердца насильно исторгал похвалы; то если они изящны, не мне, а ему словесность наша обязана» (VI, 273).

Державин пишет письмо Капнисту, в котором сообщает о получении справки из банка и обещает доставить со следующей почтой обещанные книги и «вещи» от Дарьи Алексеевны.

Долгова, 195, № 31; 208, IV (опубл. впервые); РГАДА. Ф. 1478, д. 31, л. 1.

Державин пишет письмо Н. Ф. Грамматину, где благодарит за присланную «песнь на кончину покойного князя Смоленского», в которой «виден дар поэзии и прямые печальные чувствования о потере героя, спасшего отечество» (VI, 273–274).

На обороте письма, по сообщению Я. К. Грота, рукой Грамматина приписано:

Я счастлив, я склонял к себе бессмертных взгляд:
По ним и мой талант и сердце оценят (VI, 274).

20 ноября. Державин пишет письмо В. И. Панаеву, в котором дает ему советы относительно поэтического творчества и приводит в качестве образца идиллии стихотворение А. М. Бакунина «Жатва».

См.: Панаев В. И. Воспоминания // Братчина. СПб., 1859. Ч. 1. С. 111–112.

Державины отправляют Капнистам в Обуховку 14 книжек «Чтений» «Беседы», 4 части Сочинений Державина, книгу гр. Д. И. Хвостова и на отзыв книгу Сестренцевича «Recherches historiques sur l'origine des Sarmates, des Esclavons et des Slaves» (СПб., 1812), а также два куска канвы, двое очков в футляре, ящик с крашеною бумагою на клубочках, 4 склянки с Гарлемскими каплями и жизненной эссенцией.

См.: Соч. Державина, VI, 276, примеч. 3 к № 1069); Долгова, 196, № 32; 208–209, V (приписка полностью опубли. впервые); РГАДА. Ф. 1478, д. 32, л. 1.

22 ноября. Н. И. Язвицкий, поэт и автор трудов по теории словесности, пишет Державину письмо, в котором сетует на свою участь и при котором посылает «два своих стихотвореньица» (второе из них «по случаю поданной» Державиным «мысли о сокрывшемся солнце»), добавляя при этом: «У меня нет ни духа, ни сил ваших. Воробью ли лететь за орлом? <...> Наслаждайтесь, милостивый государь, остатком жизни вашей и покровительствуйте юных песнопевцев, приходящих в священное уединение ваше» (VI, 378).

Павлова, 154, № 135; РНБ. Ф. 247, оп. 2, д. 135, л. 1.

25 ноября, Обуховка. Капнист пишет Державину «дружеское письмо с приложениями».

Упоминается в ответном письме Державина от 26 декабря.

Долгова, 196, № 35; 209, VI).

27 ноября. Державин пишет письмо Капнисту в Обуховку, в котором сообщает о выполнении его финансовых поручений и свои мысли по поводу конфликта Д. П. Трощинского с малороссийским генерал-губернатором кн. Я. И. Лобановым-Ростовским, а «молодым нашим стихотворцам» посылает свою трагедию «Ирод и Мариамна» (СПб., 1809) (VI, 274–276).

Долгова, 196, № 33; РГАДА. Ф. 1478, д. 33.

Державин пишет письмо в Тифлис Главнокомандующему в Грузии и Главноуправляющему по гражданской части генералу Н. Ф. Рти-

щеву, в котором высоко оценивает его роль в Персидской войне и в успешном заключении мира с Персией, что находит отражение в прилагаемом стихотворении, а также обращается с просьбой приобрести для Дарьи Алексеевны две персидские шали, посылая для этого две тысячи рублей.

Письма и стихи Г. Р. Державина к Н. Ф. Ртищеву / [предисл., публ. и примеч.] С. Панова // Новое литературное обозрение. 1993. № 4. С. 74–77.

28 ноября, Петербург. Державин пишет стихотворение «В альбом К. В. Капнист», где говорит, что пение соловьев с берегов Псла доходит до берегов Волхова (III, 552).

Дата создания стихотворения указана в рукописи (ИРЛИ. Ф. 96, оп. 1, № 9, л. 49).

Обуховка. А. А. Капнист пишет письмо Державиным, в котором выражает радость по поводу их благополучного приезда из Званки в Петербург и присоединяет к просьбе «Васиньки к Гаврылу Романовичу» свою о помощи в решении денежных проблем, а также посылает Д. А. стихотворение С. В. Капниста: «Не могу удержаться, чтобы тебе не послать оду моего Сенюшки ко мне в день моего рождения. Как ты ее найдешь, отпиши ко мне».

Павлова, 163, № 159; РНБ. Ф. 247, оп. 2, ед. хр. 159, л. 12–12 об.

2 декабря, вторник, Петербург. Державин обедает у императрицы Марии Федоровны. Обед на 18 персон состоялся в Кавалерской комнате. Среди приглашенных были действительный член «Беседы любителей русского слова», член репертуарной комиссии императорских театров кн. А. А. Шаховской и вице-директор театралных зрелищ кн. П. И. Тюфякин.

КФЖ, 650.

Державин пишет письмо в свое казанское село Егорьево священнику церкви Богоявления Господня отцу Иоанну, которого благодарит за «старание о поддержании и украшении храма», при котором погребены родители (VI, 276–277).

5 декабря, Обуховка. Капнист пишет письмо Державиным, в котором благодарит за хлопоты по определению на службу в Петербурге его сыновей и выражает беспокойство относительно перспектив для

них на служебном поприще. А. А. Капнист в своей приписке разделяет чувства супруга: «Я вам скажу, мои любезные родные, что я нездорова, и слишком тронута, прочитав письмо Васиньки, что ничего вам писать не могу, а только благодарю и о том же прошу вас. Мы во всем на вас полагаемся, да и на кого же мне положиться, вы одни родные у меня. Целую вас в мыслях».

Капнист В. В. Собр. соч. Т. 2. С. 484–485 (без приписки А. А. Капнист); Павлова, 137–138, № 88; РНБ. Ф. 247, оп. 2, ед. хр. 88, л. 15–16 об.

6 декабря, суббота, Петербург. Державин приглашен императрицей Марией Федоровной во дворец на торжества по случаю праздника св. Чудотворца Николая и тезоименитства великого князя Николая Павловича. После литургии в Большой церкви состоялся обед, «накрытый на 60-ти кувертах в Желтой комнате».

КФЖ, 661.

16 декабря, Обуховка. А. А. Капнист пишет письмо Д. А. Державиной, начиная его с просьбы чаще писать: «Ты не поверишь, сколь много письма ваши нас утешают, с нетерпением всегда их ожидаем, и дабы не лишать нас сего удовольствия, пиши к нам, милая сестра, сколько можно более и чаще». Далее благодарит за участие, которое Д. А. с «любезным Гаврылом Романовичем» принимают в судьбе ее детей, добавляя: «Это истинная правда, что разлука детей моих со мною много мне будет стоить, но чего для их блага жертвовать не можно и не должно. Все, лишь бы они были счастливы». Затем благодарит за посылку (очки, капли, канва и бумага) и пишет о самоуправстве генерал-губернатора Лобанова-Ростовского и недовольстве дворян его «необузданностью». Е. В. Капнист в своей приписке благодарит «бесценную тетеньку» «за присланную бумагу и канву» и говорит: «Ах! Боже мой, когда будем мы опять так счастливы и увидим вас, добрую нашу тетиньку? Неужели Всевышний не позволит нам хоть еще раз в жизни иметь сию радость? Как я завидую этой бумаге, она счастливее меня, через недели три она будет в руках милой тетиньки моей. А я — я так далеко от нее. По крайней мере прошу вас, тетинька, не оставляйте нас частыми вашими письмами. <...> Прошу вас помнить и любить вас душевно почитающую и любящую племянницу».

Павлова, 163, № 159; РНБ. Ф. 247, оп. 2, ед. хр. 159, л. 14–15 об.

18 декабря. В журнале «Сын Отечества» напечатана ода Державина «На высочайшее отбытие государыни императрицы Елизаветы Алексеевны для свидания с августейшим супругом ее в Германию декабря 19 дня 1813 года».

Сын Отечества. 1813. Ч. 10. № 51. С. 252–253.

Эта же ода опубликована отдельным изданием: «На высочайшее отбытие государыни императрицы Елисаветы Алексеевны, для свидания с августейшим супругом ея в Германию декабря 19 дня 1813 года» ([СПб., не ранее 1813]. [2] с. 4°. (24 см). Без тит. л. В конце текста авт.: Державин).

Сводный каталог русской книги. 1801–1825. М., 2000. Т. 1. А–Д. С. 452. № 2252.

19 декабря. Державин присутствует на торжественном богослужении в Казанском соборе в связи с отъездом императрицы Елизаветы Алексеевны.

См.: VI, 277.

19, 20, 22, 23 декабря. В Санктпетербургской губернской гимназии состоялись «открытые испытания» учащихся, на которые был приглашен Державин.

В архиве поэта сохранилась «Программа» этих испытаний (РНБ. Ф. 247, т. 30, № 45). См.: Материалы, 272, № 256.

23 декабря. Державин пишет письмо Капнисту в Обуховку, в котором сообщает об отсутствии новостей по его делу, о «знаменитом собрании» в Казанском соборе при отъезде императрицы Елизаветы Алексеевны в чужие края и при котором прилагает «русскую песню» и два экземпляра своей оды «На высочайшее отбытие государыни императрицы Елисаветы Алексеевны, для свидания с августейшим супругом ея в Германию декабря 19 дня 1813 года» (VI, 277–278).

Долгова, 196, № 34; РГАДА. Ф. 1478, л. 34, л. 1–2.

(«Русской песней» названа песня «Понесись по поднебесью, птичка, милая голубушка...», сочиненная действительным членом четвертого разряда «Беседы» Г. Г. Политковским).

25 декабря. Державин присутствует на молебне в Казанском соборе по случаю мира с Персией и взятия нескольких городов.

В архиве поэта сохранилась «Повестка от Высочайшего Двора о молебствии в Казанском соборе 25 декабря по случаю заключения мира с Персией и взятия нескольких городов (Модлина, Утрехта и др.)».

РНБ. Ф. 247, т. 38, № 57, л. 244.

26 декабря. Державин пишет письмо Капнисту в Обуховку, в котором сообщает о получении его «дружеского письма с приложениями от 25 ноября», об изданном в связи со взятием многих крепостей манифесте и благодарственном молебне по этому поводу в присутствии двора, а также поздравляет семейство Капнистов с наступающим Новым годом.

Долгова, 196, № 35; 209, VI; РГАДА. Ф. 1478, д. 35, л. 1.

Декабрь. Журнал «Сочинения и переводы, издаваемые Императорскою Российскою Академиею» печатает несколько стихотворений Державина: «На отъезд императора декабря 7-го дня 1812», «Ода на парение Орла над российской армиею под предводительством князя М. Л. Голенищева-Кутузова, августа 26 дня 1812», «Званское эхо», «Тоска души», «Явление», «Слава», «Идолопоклонство», «Надежда Ф. П. Львову».

Сочинения и переводы, издаваемые Императорскою Российскою Академиею. 1813. Ч. 6. С. 169–192.

27 декабря. Публичное заседание «Беседы» отменяется по «жесточайшей стуже».

Соч. Державина, VI, 279, 364.

29 декабря, Обуховка. А. А. Капнист пишет письмо Д. А. Державиной, в котором сожалеет о нездоровье Г. Р. Державина: «Ты не поверишь, милая сестрица Дашинька, как нам всем грустно было, когда узнали, что любезной Гаврыл Романович был нездоров. Благодарю Бога, что болезнь его не так сильна была, как в Обуховке. Надеяться должно, что это к его облегчению клонится. Видно, что для его здоровья в Петербурге лучше, нежели здесь, что для нас немного и обидно». Далее благодарит за оказанную денежную помощь и сообщает, что В. В. «также был болен и теперь еще не совсем здоров от всех беспокойств, которые он беспрестанно имеет в рассуждении общественного [общественного] дела», пишет о своем здоровье и о погоде: «<...> я часто стражду

биением сердца и судорогами в ногах, тем несчастнее, что помощи здесь ни откудова иметь не можно, следственно должны терпеть, а наконец, может быть, и прежде времени умирать. — У нас такая перемена в погоде, что верить почти не можно; сделавшись совершенно зима. Снегу так много было, что не проехать, а пройти совсем невозможно было. — Потом такая оттепель, что все вновь залило, как весною, плотины прорвало, между которыми и нашу также снесло. После снегу, который весь сошел, сделался мороз так велик, что все осушило, а между тем ни на санях, ни на колесах выехать невозможно». В конце письма А. А. вновь вспоминает о пребывании Державиных в Обуховке: «Ах, это время никогда я не забуду. — Эта приятность и удовольствие, как сон, для нас, особливо для меня, исчез. Но надобно быть признательным и благодарным перед Богом. Он нас несказанно тем обрадовал, что доставил нам вас, наших любезных родных, видеть. <...> Ах, когда бы еще увидеться с вами, какое бы это блаженство было <...>».

Павлова, 163, № 159; РНБ. Ф. 247, оп. 2, ед. хр. 159, л. 16–17.

30 декабря, вторник, Петербург. Державин обедает у императрицы Марии Федоровны. Обед на 20 персон состоялся в Кавалерской комнате. КФЖ, 722.

Державин пишет письмо Капнистам в Обуховку, в котором, помимо семейных и бытовых дел, обсуждает и литературные, в частности формулирует свою позицию в полемике между Капнистом и С. С. Уваровым о гекзаметре: «<...> не метры те или другие дают славу истинную поэтам, а гений, их одушевляющий». Он обещает также «при будущем домовом собрании „Беседы“ предложить для прочтения» присланный Капнистом перевод поэмы Оссиана «Картон» (VI, 278–280).

Долгова, 196, № 36. РГАДА, ф. 247, оп. 2, д. 36, л. 1–2 об.

Список условных сокращений

Соч. Державина — Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: в 9 т. СПб., 1864–1883.

Долгова — Долгова С. Р. Державин и его окружение в документах Российского государственного архива древних актов (ф. 1478, Капнист — Львовы) // Г. Р. Державин и его время: сб. науч. статей. СПб., 2008. Вып. 4. С. 187–217.

КФЖ — Камер-фурьерский церемониальный журнал императрицы Марии Федоровны на 1813 год. (СПб., 1912). Январь — июнь; июль — декабрь.

Львова — *Кукушкина Е. Д.* «Записки» Прасковьи Николаевны Львовой // XVIII век. СПб., 1993. Сб. 18. С. 262–298.

Материалы — *Морозова Н. П., Шаталина Н. Н., Егоров С. К.* Материалы к описанию библиотеки Г. Р. Державина // XVIII век. СПб., 2002. Сб. 22. С. 235–287.

Павлова — *Павлова Е. С.* Материалы фонда «Г. Р. Державин» (ф. 247) в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки (оп. 2) // Г. Р. Державин и его время: сб. науч. ст. СПб., 2013. Вып. 8. С. 102–179.

Хвостов — Из архива Хвостова / публ. А. В. Западова // Литературный архив. М.; Л., 1938. С. 359–401.

Чтение (с указанием №) — «Чтение в Беседе любителей русского слова» (СПб., 1811–1816. Чтение 1–19).

Примечания

¹ «Певец во стане русских воинов» был известен в армии уже в конце 1812 г. Возможно, существовало его отдельное издание, напечатанное в походной типографии. Самое раннее из сохранившихся изданий увидело свет в середине февраля (ценз. разр. 24 января). См.: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М., 1999. Т. I. С. 595–597.

² О «Гимне лиро-эпическом на прогнание французов из Отечества 1812 года» см.: *Альтшуллер М. Г.* Беседа любителей русского слова: у истоков русского славянофильства. 2-е изд., доп. М., 2007. С. 78–82; *Гаспаров М. Л.* Очерки истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. 2-е изд., доп. М., 2000. С. 106; *Коровин В. Л.* Державин и 1812 год: о смысле и композиции «Гимна дироэпического на прогнание французов из Отечества» // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2012. Т. 71. № 6. С. 42–52; *Фрайман Т.* Державин и Жуковский: к вопросу о творческом наследовании // Пушкинские чтения в Тарту 3: Материалы междунар. науч. конференции, посв. 220-летию В. А. Жуковского и 200-летию Ф. И. Тютчева. Тарту, 2004. С. 9–29.

³ *Державин Г. Р.* Ода на смерть фельдмаршала князя Смоленского // Чтения в Беседе любителей русского слова. СПб., 1813. Чтение 13. С. 107–108.

⁴ *Кукушкина Е. Д.* Записки Прасковьи Николаевны Львовой // XVIII век. СПб., 1993. Сб. 18. С. 269.

⁵ Письмо И. И. Дмитриева Д. Н. Блудову от 16 июля 1813 / публ. В. Э. Вацуро // Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 418.

Мероприятия, посвященные 270-летию со дня рождения Г. Р. Державина¹

2013

Москва

На филологическом факультете МПГУ 15–18 октября прошла Всероссийская конференция молодых ученых-филологов «Филологическая наука в XXI веке. Взгляд молодых».

В Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации 13–14 декабря состоялась девятая научно-практическая конференция «Державинские чтения».

В Румянцевском зале Российской Государственной библиотеки с 1 июля по 1 августа работала выставка рукописных материалов из фондов НИОР РГБ, посвященная 270-летию со дня рождения Г. Р. Державина.

Санкт-Петербург

В «Музее Г. Р. Державина и русской словесности его времени» (отдел Всероссийского музея А. С. Пушкина) 12 июля состоялись научная конференция «Державинские чтения», торжественная акция «Приношение поэту» у памятника Г. Р. Державину, открытие выставки «Возрожденная усадьба».

Литературно-музыкальный вечер «Он долг певца постиг вполне...», организованный Домом национальностей и союзом землячеств С.-Петербурга, прошел в «Музее Г. Р. Державина и русской словесности его времени» 24 июля.

¹ В перечень вошли лишь самые значительные события. Помимо перечисленного в юбилейный державинский год во многих областных и районных библиотеках были организованы книжные выставки, прошли литературные вечера, посвященные Г. Р. Державину.

Г. Р. Державин и его время

В Российской Национальной библиотеке состоялась книжная выставка «И Истину царям с улыбкой говорил...», посвященная Г. Р. Державину.

Великий Новгород и Новгородская область

В Новгородской областной универсальной научной библиотеке 13 июля состоялись литературно-музыкальные чтения, посвященные Г. Р. Державину, и была организована книжная выставка «Своеобразен гений и собственным величием велик: к 270-летию Г. Р. Державина».

В Варлаамо-Хутынском монастыре, где похоронен Г. Р. Державин, 14 июля была отслужена панихида и возложены цветы на могилу поэта.

В библиотеке г. Чудово 14 июля состоялась конференция «Державинские чтения».

В усадьбе Г. Р. Державина Званка 14 июля прошел литературно-художественный праздник «Жизнь званская».

Оренбург и Оренбургская область

В с. Державино Бузулукского района Оренбургской области состоялся большой праздник, посвященный 270-летию со дня рождения Г. Р. Державина и 85-летию Бузулукского района.

Во всех школах Оренбургской области 1 сентября, в День знаний, прошли уроки, посвященные Г. Р. Державину.

Оренбургская почта провела гашение марки, посвященной 270-летию Г. Р. Державина.

Тамбов

В Тамбовском Государственном университете им. Г. Р. Державина состоялась XVIII общероссийская научная конференция «Державинские чтения 2013».

Томск

В Томском Государственном университете состоялась научно-практическая конференция «Современное терминоведение в Сибири».

Мероприятия, посвященные 270-летию со дня рождения Г. Р. Державина...

Язык. Право. Образование», посвященная 270-летию со дня рождения Г. Р. Державина.

Республика Карелия

Петрозаводск

В Национальном музее республики Карелия 1–2 октября состоялись традиционные XIV «Державинские чтения», организованные совместно с Карельским филиалом ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

В «Державинском лицее» г. Петрозаводска в апреле прошла научная конференция «Державинские чтения» (конкурс реферативных и исследовательских работ, проектов по различным проблемам науки учащихся 6–11 классов общеобразовательных школ, гимназий, лицеев города Петрозаводска).

Литовская Республика

г. Каунас

В Русском литературном клубе им. Г. Р. Державина состоялся фестиваль поэзии и музыки, посвященный 270-летию со дня рождения Г. Р. Державина.

Республика Мордовия

Саранск

В Средне-Волжском филиале Российской правовой академии 8–19 апреля состоялись IX Державинские чтения.

Республика Татарстан

В Большом читальном зале Национальной библиотеки Республики Татарстан с апреля по июнь действовала выставка «Имя Державина... не утратит в потомстве своего значения», подготовленная Отделом рукописей и редких книг библиотеки.

Г. Р. Державин и его время

В Лядском саду г. Казани 14 июля состоялась торжественная церемония возложения цветов к памятнику Г. Р. Державина.

В Доме Союза писателей Татарстана состоялись Державинские чтения, на которых школьники, съехавшиеся со всего Татарстана, читали стихи Г. Р. Державина.

В г. Лаишево 26 июля прошел Всероссийский фестиваль поэзии, посвященный 270-летию со дня рождения Г. Р. Державина.



III

«Мораль сей басни такова...»

(произведения победителей литературного конкурса)



В преддверии Года литературы и 160-летия открытия в Летнем саду памятника И. А. Крылову Государственным Русским музеем был проведен творческий конкурс для школьников.

Продолжая литературные традиции особняка Г. Р. Державина на Фонтанке, где И. А. Крылов впервые читал многие из своих басен, мы публикуем произведения победителей конкурса в номинации «Мораль сей басни такова...».

А. Рудковская

Свинья и Лань

Однажды шумным летним днем
В большой толпе столкнулись лбом
Свинья и Лань. Что началось!
Свиное рыло затряслось.
Блеснула ненависть в глазах.
Лань ощутила жуткий страх.
Она представить не могла,
Какой свиньей Свинья была.
Сказала Лань: «Прошу прощенья...».
Свинья ж, не слыша извиненья,
Кричала бранные слова.
Она метала и рвала.

И свинство это наблюдала
Толпа зевак. А Лань не знала,
Как ей сдержать ударСвиньи,
Ей — виноватой без вины.
Забыв про честь и благородство
И не боясь с Свиньею сходства,
Лань вдруг такое понесла...,
Что ахнула зевак толпа.
Словесный поединок длился
Как будто вечно. Дым клубился,
И грязь лилась из уст обоих.
Казалось, все вокруг в помоях.
Гадали звери: «Где здесь Лань?»
И здесь, и там свиная брань.
Как вдруг увидели они,
Что перед ними две свиньи!
Мораль: оставь свинью в грязи,
А сам с достоинством уйди.
Оставшись и бранясь, друг мой,
Ты сам становишься СВИНЬЕЙ.

Е. Капустин

Указ царя зверей

В зверином царстве как-то раз
Правитель-лев издал указ:
— «Зверей, нарушивших закон,
Ко мне вести со всех сторон!
Их всех я должен укусить;
Кто будет жив — тех отпустить».

И вот со всех концов земли,
К царю виновных повели.
А среди них попался Еж...
Повсюду вопли, рев, галдеж!
И Лев уже совсем не рад
Кусать виновных всех подряд.

«Мораль сей басни такова...»

Но все кричат: «Ты царь у нас,
Ты должен выполнить указ!»

И Лев, бледнея и дрожа,
Несмело укусил ежа.
Кому больнее — не скажу:
Царю зверей или Ежу...

Мораль сей басни такова:
Всегда цени свои слова,
И, чтобы после не страдать,
Старайся все предугадать!
Но, даже зная цену слов,
К любым сюрпризам будь готов!

Е. Н. Горбунова

Басня о любви и разочаровании

Однажды Петуху портрет Совы попался,
Диковинною птицею он долго любовался.
Все курицы-простушки, что рядом проживали,
Стать лучшими несушками с цыплячьих пор мечтали:
Дни напролет в курятнике, чтобы достигнуть цели,
Они клевали зерна, болтали и толстели.
Сова же на портрете была совсем другою:
Глаза ее светились волшебною тоскою...
Петух стал раздражительным, стал плохо есть и спать,
Врачу его немедленно решили показать.
Но по дороге в клинику сбежал бедняга в лес,
Разыскивая Совушку, в чащобу он залез.
По кочкам и корягам Петух ходил, вздыхал,
Пока на старом дубе Сову не увидал.
И тут случилось чудо — Петух вдруг полетел,
На самой верхней ветке с Совой рядом сел.

Г. Р. Державин и его время

И ей излил он душу: как жил, любил, страдал,
Как в этот лес дремучий сегодня он попал.
Петух красноречивый был, к счастью, холостым,
Блеск перьев его рыжих казался золотым,
И Совушка решила всем рассказать вокруг,
Что сын самой Жар-птицы теперь ее супруг!
Петух с Совой все лето прожили в том лесу.
Сначала воспевал он совиную красу,
Но очень- очень скоро огонь любви потух,
Теперь взлететь не может на дерево Петух.
На согнутой березе насест устроил он,
Назвав его с усмешкой: «Мой петушиный трон!»
На нем встречал рассветы он с песнею всегда,
Но грустной, потому что рассыпалась мечта:
Совиных глаз прекрасных им был раскрыт секрет —
Они во тьме все видят, а днем слепит их свет.
Всю ночь Сова гуляет, все спят, ей не до сна:
Охотится, пирует с родней своей она.
Под утро возвращаясь, ложится тут же спать,
Петух своими песнями не должен ей мешать.
В его рассветном пении слова «Ку-ка-ре-ку»
Всегда Сову вводили в унынье и тоску...
Петух внезапно понял, что он в лесу один...
Восторг от кур-подружек ему необходим,
Мечтает он о зернах, горохе на обед,
И лучше, чем курятник, жилища в мире нет!
Петух побрел сквозь дебри, болота, бурелом,
Туда, где оставался его родимый дом.
И хоть была дорога длинна и нелегка,
В курятнике с восторгом встречали Петуха!
И он был очень тронут вниманием родни
И понял: всех на свете прекраснее они...
Каким бы ни было заманчивым чужое,
Всегда милее и бесценнее родное.

Указатель имен

- Александр I, имп. 32, 36, 44, 58, 92, 102, 107, 108, 110, 111–113, 119, 122, 1230
Александр II, имп. 38, 39
Александра Алексеевна см. Капнист А. А.
Александрина см. Дьякова А.
Алексеев 58
Алексеева Н. Ю. 34, 42
Алексеева О. В. 40, 43
Аленин 58
Альбедиль, бар. 66
Альтшуллер М. Г. 70, 78, 145
Амелин М. 74, 78
Анакреонт 16–18, 22, 23, 27
Ананьевский П. 52
Аплечеев 57
Апошнянский 63
Аракчев А. А. 61
Аристов И. Г. 92
Астафьев Е. М. 119, 121
- Бакунин А. М. 116, 138
Бакунина П. М. 28
Балашева Е. Д. 14
Балтруш 119
Батюшков К. Н. 102, 106, 107, 109, 120
Батюшков П. Л. 102
Бахмутский В. Я. 15
Безбородко А. А., кн. 13, 42, 86–89
Бекетов П. П. 15
Беклешов А. А. 46, 47, 50, 52, 63
Белинский В. Г. 42
Беллинсгаузен Ф. Ф. 53
Беллуа П. Л. Б. де 11
Белобоцкий А. 16, 22
Белозерова Л. 23
Беляев Т. 125
Бенкендорф А. Х., гр. 98
Беркова П. Н. 79
Бессонов А. Ф. 46–50
Бидерманн Г. 21, 23
Бицилли П. М. 39, 43
Блинов И. А. 45, 67
Блудов Д. Н. 112, 144
Бовине 108
Борноволоков 53, 54
- Боровиковский В. Л. 119, 120
Браницкая А. В., гр. 112, 129
Брокгауз Ф. А. 66, 69
Буало-Депрео Н. 133
Буслаев Ф. И. 19, 21, 23
Буше Ф. 22
Быков П. 85
Быховец С. 61
- Варенцов Александр А. 82, 84–87, 89, 91, 93–98
Варенцов Алексей А. 86, 87, 89, 91, 92, 94–98
Варенцов А. Н. 84–91, 95
Варенцов Н. А. 90, 91
Варенцов Н. М. 84
Варенцов П. А. 87, 91, 95, 96, 97
Варенцова А. И. 90
Варенцова Е. Н. 90, 91
Варенцова Н. В. 84, 89
Варенцова (Лодыженская) Е. П. 97
Варенцова О. А. 91
Варенцова О. С. 95
Варенцовы 86, 89, 91, 93, 97–99
Васильев А. И. 103
Васильева В. С. 103
Вацуро В. Э. 78, 80, 144
Вигель Ф. Л. 55
Вигель Ф. Ф. 68, 87, 93, 97–99, 101, 103
Виноградов И. И. 8, 15
Висковатов С. И. 114, 117, 120, 121, 124
Витберг А. А. 119
Воейков А. В. 111, 115, 121, 122, 130
Волкова О. С. 90
Вольтер Ф.-М. Аруз, де 7–15, 104, 107, 108
Воронихин А. Н. 120
Воронов Д. А. 114, 120
Воронцов С. Р., гр. 86
Вязмитинов С. К. 51, 113
- Гагарин Г. И., кн. 40
Галинковский Я. А. 106, 116, 117
Галицкий 128
Гальян С. В. 30–43
Ганке В. 40, 41
Гасвицкий П. А. 115

- Гаспаров М. Л. 144
Гельвецкий К. А. 15
Гендриков М. П. 46–50
Генрих IV 9
Гернер 58
Глазунов 72
Глинка С. Н. 120
Глинский И. 85
Гнедич Н. И. 124
Голенищев-Кутузов М. Л., кн. 115, 142
Голиков К. Г. 63
Голицын А. Н., кн. 111, 114, 118, 119
Гольбах 15
Гончаровы 87
Гораций 133
Горбунова Е. Н. 151, 152
Гордин Я. А. 70, 78
Городчанинов Г. Н. 131, 137
Горчаков А. И., кн. 117, 123
Горчаков А. М. 40
Горчаков Д. П., кн. 102, 117
Горький М. 80
Горюнин И. 118
Грамматин Н. Ф. 137
Греч Н. И. 78, 92, 101
Грибоедов А. С. 37, 42, 96
Гроссман Л. П. 42
Грот Я. К. 14, 18, 19, 29, 41, 44, 46, 67, 79, 137, 143
Губарев 50, 51
Губаревы 50
Гусятникова М. С. 97
Гюго В. 7, 14
- Давид, ц. 25, 26, 65
Дали Сальвадор 70
Дашкова Е. Р. 33
Дельбиг А. А. 79
Демин А. О. 29
Державин Г. Р. 8–16, 18, 19, 22–31, 33–58, 60–70, 73, 79, 80, 82, 100, 102, 104–108, 110–144
Державина (Дьякова) Д. А. 27, 28, 29, 112, 114–118, 120, 125, 130, 132, 134–137, 139, 140, 142
Державин Иван 135
Державин Семен 135
Державины 28, 111, 112, 116, 119, 121, 122, 125, 127–134, 136, 138, 139
Державник 134
Десницкий В. А. 103
- Дзюбанов С. Д. 82–99, 104–109
Дибич И. И., гр. Забалканский 93
Дибич И. И. мл. 93, 94
Дмитриев И. И. 72, 74, 75, 78, 79, 112, 118, 144
Дмитриев М. А. 78
Дмитриева Т. Г. 102
Довгий О. Л. 78
Долгова С. Р. 23, 114, 120, 124, 129, 131, 133–135, 137, 138, 141–143
Дрекслер (Дрехслер) 91, 116
Дружинин Н. А. 95
Дружинин Я. А. 95
Духовницкий 66
Душ 126
Дьяков Н. А. 29, 48, 50
Дьяков П. Н. 117
Дьякова Александрина 28
Дьякова Н. А. 29
- Евгеений (Болховитинов), еп. 119, 121
Егоров С. К. 15
Екатерина II, имп. 30, 32, 34, 35, 37, 40–42, 85, 88, 89
Екатерина Павловна, вел. кн. 25, 118
Елизавета Алексеевна, имп. 20, 27, 102, 110, 112, 114, 141
Елизавета Петровна, имп. 35
Ершов И. 116
Есипов В. В. 31, 41
Ефимов В. 61, 62
Ефремова Н. Н. 67, 69
Ефрон И. А. 66, 69
- Жуковский В. А. 40, 110, 118, 120, 144
- Заборов П. Р. 7, 14
Завадовский В., гр. 124
Западов А. В. 41, 74, 79, 144
Западов В. А. 9, 15
Захаров И. С. 101, 102
Златопольская А. А. 14
Злобин 51, 52
Зонина Л. 15
Зорин А. 41
Зубов П. А., кн. 88
- Иванов Н. 61, 62
Иванов О. 126, 131
Иванова А. 85

Указатель имен

- Ивановский 58, 59
Иванчин А. 90
Измайлов Н. В. 79
Ильинский И. 92
Иоанн, о. 139
Ионин Г. Н. 18
Исаков 58, 59, 68
Исхаков 56
- Кантемир А. Д. 10, 17
Капнист А. А. 79, 112, 114, 118, 122, 124, 125, 128, 131–143
Капнист В. В. 113, 118, 122, 131–133, 135–137, 139, 140, 142
Капнист Е. В. 133, 140
Капнист К. В. 125, 133, 136, 139
Капнист П. В. 128
Капнист С. В. 139
Капнисты 111, 112, 120, 129, 130, 131, 133, 134, 138, 142, 143
Капустин Е. 150, 151
Карамзин Н. М. 32, 72, 74, 78, 79
Касторская Т. М. 102
Катенин П. А. 36
Кацарев Н. И. 56, 57, 58, 59
Кириллов Василий 85
Клечановский 51, 52
Ключарев 56, 59
Княжнин Я. Б. 9, 15
Козегартен Л. 26
Козлянинов А. С. 120
Козодавлев О. П. 55
Колбасин Е. Я. 79
Кологривов А. С. 96
Кольрауш Ф. 83
Комаровский В. 61
Коновницын П. П. 120
Коренев Д. М. 101
Корнеев А. 79
Корнель П. 13
Коровин В. Л. 144
Корсаков П. А. 115, 120
Костров Е. И. 33, 42
Кочеткова Н. Д. 32, 41
Кочубей В. П., гр. 56, 58, 63
Коциенко И. В. 70–81
Красновид В. Ф. 100, 102
Кребильон П.-Ж. 13
Крылов И. А. 117, 124, 149
Крылов Н. С. 44–69
Кузнецов Я. 89
- Кукушкина Е. Д. 15, 29, 127, 144
Кулешова И. 102
Куманин И. 85
Куманины 99
Кусовникова Е. М. 97
Кутузов М. И., кн. Смоленский 111, 112, 120, 122–125, 134, 144
Кюхельбекер В. К. 36
- Лазаревич 64
Лаппо-Данилевский К. Ю. 15, 23
Ларкович Д. В. 7–15, 29
Лафайет М.-Ж., де, маркиз 108
Лафонтен Ж., де 20
Леберехт К. И. 107, 108
Левенштейн О. Г. 67
Левин Ю. Д. 29
Левицкий А. А. 134
Леонтьев А. 61, 62
Линней К. 15
Лобанов М. Е. 124
Лобанов-Ростовский Я. И., кн. 97, 133, 138, 140
Лодыженская Е. П. 97
Лодыженский П. А. 97
Ломоносов М. В. 10, 15, 17, 31, 33, 35, 70, 80, 91
Лопухин П. В. 52, 59, 62, 63, 64
Лотман Ю. М. 36, 42
Львов Л. Н. 116
Львов Л. Ф. 119
Львов Н. А. 8, 15, 17, 19, 23, 29
Львов П. Ю. 121
Львов Ф. П. 114, 117, 121, 122, 142
Львова В. Н. 111, 115, 122
Львова Е. Н. 119
Львова П. Н. 14, 15, 28, 29, 111, 125–132, 134, 136, 137, 144
Львовы 143
Люценко Е. П. 92
- Макогоненко Г. П. 18
Мальцовы 87
Мансуров Б. А. 59
Маньковский 64
Мария Александровна, вел. кн. 29
Мария Николаевна, вел. кн. 38, 43
Мария Федоровна, имп. 27, 108, 110, 114, 115–117, 121–123, 135–137, 139, 140, 143, 144
Мартос И. П. 107, 108

- Махов А. Е. 70, 78
Мельгунов А. П. 101
Мельникова М. 100
Милорадович А. С. 92
Милюков П. Н. 43
Михайлов А. Д. 14
Михаил Павлович, вел. кн. 136
Мицкевич А. 40
Модзалевский Б. Л. 103
Мордвинов Н. С. 113
Морозов А. В. 108, 109
Морозова Е. В. 24–29
Морозова Н. П. 15, 30, 41, 100–103, 110–144
Мотякин 61, 62
Муравьев-Апостол И. М. 101
Муравьев Н. М. 51
Муханов А. И. 66
- Назаров 58
Наполеон I, имп. 111, 119, 122, 123, 133, 134
Нартов А. А. 119, 121
Нарышкина М. Л. 27
Наумов Н. 15
Неклюдов П. В. 119
Некрасов С. М. 4–6
Нелединский-Мелецкий Н. А. 117
Нестеров А. Я. 126, 127
Низяков 58
Николаев С. И. 102
Николай I, имп. 36, 37, 38, 39, 43, 140
Николай Михайлович, вел. кн. 99
Новиков Н. И. 53
- Обольянинов П. Х. 47
Овцын А. Н. 53, 55–60, 69
Овчинников М. 15
Оленин А. Н. 19, 92, 104, 119, 124
Олин В. Н. 120
Олсуфьев 49
Ольдекоп Е. 83
Осетров 123
Оссиан 29, 143
Остолопов Н. Ф. 76, 77, 80, 81, 104
- Павел I, имп. 39, 89, 93
Павлищев Н. И. 99
Павлова Е. С. 115, 116, 118, 119, 122, 123, 125,
131–133, 135–140, 143, 144
Павлов В. Е. 99
Панаев В. И. 138
Панова С. 139
- Панченко А. М. 41
Папышев К. Ф. 91, 99
Патас 108
Перевезенцева Н. А. 102
Пестель Б. И. 59
Петр I, имп. (Великий) 30, 35–37
Петров А. В. 129
Петров В. П. 31, 32
Пигарев К. В. 39, 43
Пиндар 24, 80
Пирон 13
Писарев А. А. 75, 80, 92, 94, 104–109
Пнин И. П. 92, 104
Погодин М. П. 37, 42
Погосян Е. А. 33, 42
Пожарский Д. М., кн. 9, 10
Поленов В. Д. 122
Политковская А. Г. см. Шелехова А. Г.
Политковские 102
Политковский А. Г. 102
Политковский Г. Г. 100,–103, 121, 141
Полоцкий Симеон 16
Полторацкие 126, 131
Полторацкий Д. М. 126, 131
Полторацкий С. Д. 131
Попов В. С. 117
Потемкин Г. А. 27, 112
Потемкин С. П. 126
Притыкин 60
Проскурина В. Ю. 33, 35, 41, 42
Пумпянский Л. В. 33, 42
Пушкин А. С. 8, 14, 21, 36, 37, 42, 43, 61, 74,
79, 83, 100, 102
Пушин П. 65, 69
- Радищев А. Н. 8, 15
Раевский В. Ф. 36
Разумовский А. К., гр. 121
Расин Ж. 13, 77, 124
Репинский Г. К. 45, 48, 68
Решетников А. 15
Рихтер А. Ф. 78
Ровинский Д. А. 108
Родзянка А. Г. 125
Ртищев Н. Ф. 61, 139
Рудковская А. 149, 150
Рунич Д. П. 127
Руссо Ж.-Ж. 15, 108
Рылеев К. Ф. 36
- Саблуков 98

Указатель имен

- Салова С. А. 16–23
Салтыков П. В. 87
Сафо 25
Семенова Е. С. 102
Сент-Мор 79
Серман И. З. 34, 42
Сестренцевич С. 138
Сиряков И. И. 10
Скотт В. 36
Соколов П. П. 20
Соллогуб, гр. 64
Софокл 13
Стейнбок Е. А., гр. 111, 114–116
Стейнбоки 117, 119, 121, 136
Стейнбок Я. Ф. (Штенбок), гр. 111, 116, 136
Степанов В. П. 103
Степанов Н. Л. 15
Столбовский 65, 66, 69
Страсс Ф. И.-Г. 94
Строганов А. С., гр. 92, 106, 109
Строганов Г. Я. 89
Суворов (Рымникский), гр. 80, 115, 137
Сумароков А. П. 17, 79, 80
Сырейщикова (Варенцова) Е. А. 90
- Таранов А. С. 117
Твардовская В. А. 39, 42
Тимковский И. О. 114
Томас 117
Трофимов В. 118
Трощинский Д. П. 44, 65, 118, 128, 135, 138
Тутолмин А. Т. 130
Тютчев Ф. И. 30, 32, 37, 38, 40–43, 144
Тюфякин П. И., кн. 139
- Уваров С. С. 124, 125, 143
Устиновы 87
- Фальконе Э.-М. 13
Федорченко В. И. 108
Федр 80
Филарет (Дроздов), архм. 124
Филиппов А. Н. 67
Флавий И. 10, 11
Фоменко И. Ю. 30, 31, 41
- Фрайман Т. 144
Фридштейн Ю. Г. 14
Фукс Е. Б. 115
Фукс Э. 20, 21, 23
- Хавансков Г. 15
Харламов Н. 53
Хармс Д. И. 70
Хвостов А. С. 113, 117
Хвостов Д. И., гр. 70–81, 113, 116, 123, 133, 138, 144
Хемницер И. И. 8, 15
Херасков М. М. 10
Хлоповы 127, 128, 130
Хованский Г. А. 8
- Цивьян Т. В. 42
- Чекалевский П. П. 106
Чепчугов 60, 61
Чихачев 50, 51, 52
- Шаталина Н. Н. 15
Шаховской А. А., кн. 139
Шевич И. Е. 117
Шелехова А. Г. 102
Шемякин М. 70
Шереметевский В. В. 84
Шихматов С. А., кн. 117, 124
Шредер Н. И. 136
Штенбок (Стейнбок) Я. Ф., гр. 111, 116, 136
Штрасс Ф. И.-Г. 82, 83, 93, 94
- Эврипид 13
Эйдельман Н. Я. 32, 41
Эйлер 15
Эсхил 13
- Юрьев 50
- Ядринский 58
Язвицкий Н. И. 138
Яковлев П. 65, 66, 69
Ярцов А. С. 115

Указатель произведений

- Анакреон в собрании 22
Анакреонтические песни 16, 18, 23
Аттабалибо, или Разрушение Перуанской империи 12
- Блаженство супруги 13
Бог 9
- В альбом Екатерины Дмитриевны Балашевой 14
В альбом К. В. Капнист 139
Венец бессмертия 22
Видение мурзы 33, 34, 129
Видение плачущего над Москвою россиянина 124
Всемиле 19, 21
- Гимн лиро-эпический на прогнание французов из Отечества 1812 года 111, 114, 120
Грозный, или Покорение Казани 12
- Евгению. Жизнь Званская 37
- Записки 55, 64, 69
Званское эхо 142
- Идолопоклонство 142
Ирод и Мариамна 10, 11, 12, 138
- К Пламиде 22
Кружка 22
К самому себе 22
- Мельник 22
Молитва 34
- Надежда. Ф. П. Львову 142
На взятие Варшавы 131
На высочайшее отбытие государыни императрицы Елизаветы Алексеевны для свидания с августейшим супругом
 ея в Германию декабря 19 дня 1813 года 141
На домовую церковь кн. А. Н. Голицына 111, 118, 119
На Новый 1797 год 39
На отбытие императрицы Елизаветы Алексеевны к государю в заграничную армию, 19 декабря 1813 года» 112, 118
На отъезд императора декабря 7-го дня 1812 142
На приобретение Крыма 40
На трагедию 13
На парение орла 120
На победу Александром I-м Наполеона под Люцеюном 111, 119
- На победу при Лейпциге 112, 136
На смерть фельдмаршала князя Смоленского, апреля в 16 день 1813 года 111, 123
Новгородский волхв Злогор 111, 118, 119
- Объяснения Державина на свои сочинения 13
Ода на парение Орла над российской армиею под предводительством князя М. Л. Голенищева-Кутузова, августа 26 дня 1812 г. 142
Ода на победу императором Александром I Наполеона при Люцене, апреля 20-го 1813 года 122, 123, 125
- Памятник 33
Пожарский, или Освобождение Москвы 9, 10, 12
Покаяние (подражание псалму 50) 111
Похвала комару 13
«Предисловие» к трагедии «Ирод и Мариамна» 10
Призывание и явление Плениры 15
Северный Амур 119

Указатель произведений

- Слава 142
Соломон и Суламита 13
Сострадание (подражание псалму 41) 111
Суд о трагиках 13
- Тление и нетление 112
Тоска души 142
- Фальконетов Купидон 13
- Фелица 8, 14, 31, 32, 33
Философы пьяный и трезвый 15
- Хмель 22
Храповицкий 34
- Цыганская пляска 22
- Явление 142

Научное издание

Г. Р. ДЕРЖАВИН И ЕГО ВРЕМЯ
Сборник научных статей
Выпуск 9

Редактор *В. С. Кизило*
Корректоры *Ю. А. Зигерн-Корн, М. Л. Куракина*
Верстка *Л. В. Васильевой*

Подписано в печать 18.12.2014. Формат 60×84¹/₁₆.
Печ. л. 10. Печать офсетная. Тираж 200 экз.

Отпечатано в типографии ИПЦ СПГУТД
191028, Санкт-Петербург, ул. Моховая, д. 26

ISBN 978-5-9403008-5-4



9

785940

300854